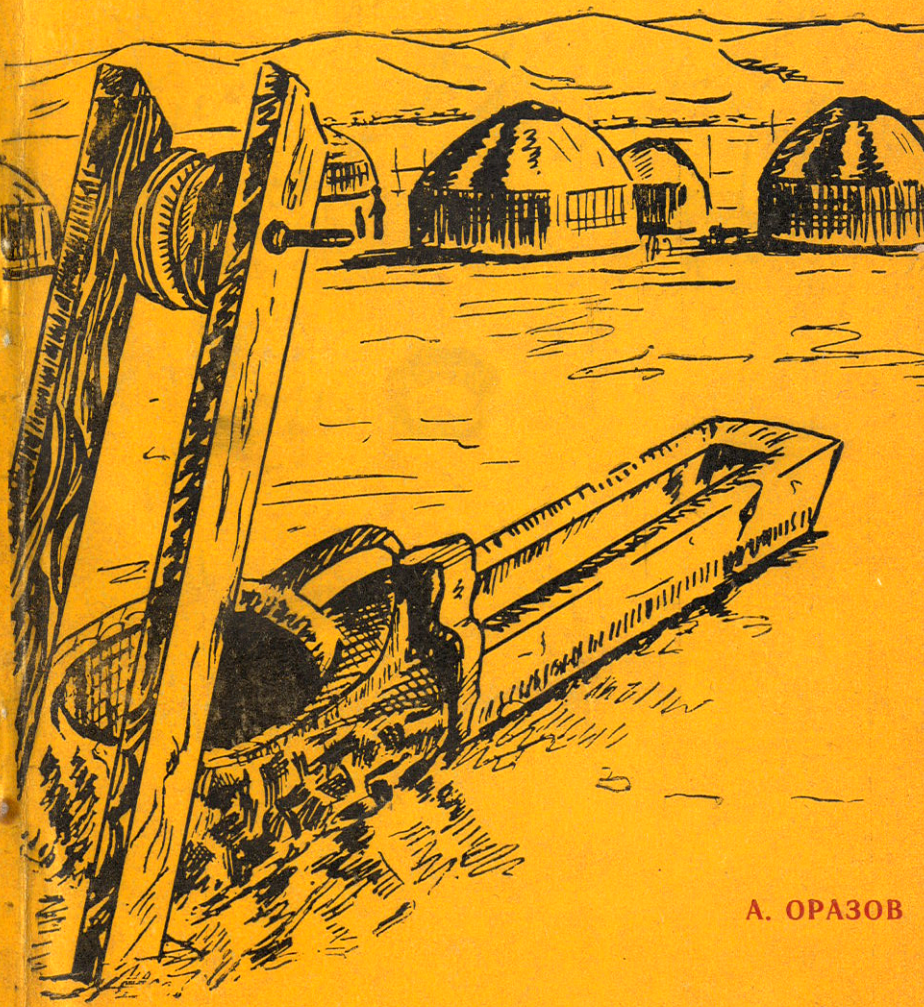

А. ОРАЗОВ

ХОЗЯЙСТВО И КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ТУРКМЕНИИ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX в.

ТҮРКМЕНИСТАН ССР ЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫ
Ш. БАТЫРОВ АДЫНДАКЫ ТАРЫХ ИНСТИТУТЫ

А. ОРАЗОВ

XIX АСЫРЫҢ АХЫРЛАРЫНДА—XX АСЫРЫҢ БАШЛАРЫНДА ДЕМИРГАЗЫК-ГҮНБАТАР ТҮРКМЕНИСТАНЫҢ ИЛАТЫНЫҢ ХОЖАЛЫГЫ ВЕ МЕДЕНИЕТИ

(тарыхы-этнографик очерк)

Тарых ылымларының докторы *Г. Е. Марковың* редакциясы билен

«ЫЛЫМ» НЕШИРЯТЫ
АШГАБАТ — 1972

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМ. Ш. БАТЫРОВА

А. ОРАЗОВ

ХОЗЯЙСТВО И КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ТУРКМЕНИИ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX в.

(историко-этнографический очерк)

Под редакцией доктора исторических наук *Г. Е. Маркова*

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

По вине типографии на стр. 95 допущена ошибка.
Фразу (строки 6—10 снизу) следует читать:
Главной причиной заключения брака по дакма было то, что родители мужа, покупая невесту как товар, заплатив за нее большой калым, не хотели терять купленный товар и лишнюю рабочую единицу.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЫЛЫМ»
АШХАБАД — 1972

Предлагаемая вниманию читателей работа посвящена историко-этнографическому изучению быта и культуры прибалханских туркмен в конце XIX—начале XX в. Она написана на основании ранее не использованных данных большого количества полевого этнографического материала, архивных документов и письменных источников, а также литературы.

Работа состоит из введения, трех глав и заключения. В ней рассматривается этнический состав и расселение туркмен Прибалханья в XVIII—XIX вв., а также племенное деление их в конце XIX—начале XX в. Значительное место отводится исследованию основных видов хозяйства этой группы туркмен, даются этнографическая характеристика прибалханскому скотоводству и прочим занятиям, их локальные особенности. В монографии рассматриваются также формы собственности у скотоводов на водные источники (колодцы и пр.), пастбища и пользование ими, имущественное расслоение скотоводов, их хозяйственная и общественная организации.

В книге дается подробное описание семьи, семейных отношений и духовной культуры скотоводов Прибалханья, их обычаи и обрядности, связанные с семейно-брачными отношениями, рождением и воспитанием детей.

Книга рассчитана на этнографов, историков, преподавателей и студентов вузов, а также на широкий круг читателей.

ВВЕДЕНИЕ

Еще в XIX в. туркмены состояли из многих крупных и малых племенных групп. Эти племена имели различные исторические судьбы, хозяйственные традиции и отличались друг от друга многими элементами быта и культуры.

Одной из крупных туркменских групп в прошлом были иомуты, которые в XIX в. разделялись на две большие подгруппы: северную, хивинскую (байрам-шалы), расселенную в Хивинском оазисе, и западную, прикаспийскую (кара-чока). По местам расселения прикаспийские иомуты делились на прибалханских (северо-западных), приатрекских (юго-западных) и иранских (гургенских). В настоящей работе рассматриваются прибалханские туркмены, расселенные в XIX—начале XX в. в Прибалханье (Северо-Западная Туркмения). Эта обширная область простирается от Кизыл-Арвата на востоке до Каспийского моря на западе и от предгорий Кюрен-Дага на юге до южных пределов Хивинского оазиса на севере. Прибалханье исторически и экономически в известной мере отличается от соседних областей. В природном отношении рассматриваемая область представляет собой равнинную, пустынную степь, частично покрытую барханными песками Каракумы, Чильмамедкумы и пересеченную горными системами Большого Балхана, Малого Балхана и Кюрен-Дага.

Предгорные степи и пустыни Прибалханья в большей части равнинны. Местами здесь встречаются такыры и солончаки. Самый большой такыр находится в районе Малого Балхана, между Казанджиком и Кум-Дагом. Такыры обладают большой водонепроницаемостью и на них

накапливается дождевая и снеговая вода. Эту воду скотоводы используют для водопоя скота, а иногда и для полива бахчей.

Растительный покров Прибалханья богат и разнообразен. Весной пустынно-равнинная степь и предгорья Балханских гор и Кюрен-Дага покрываются зеленью — различными видами трав, которые служат хорошим подножным кормом для скота, хотя многие из них засыхают очень рано.

В Северо-Западной Туркмении нет рек и основными водными источниками являются колодцы, родники, подземные галереи — кяризы и горные ручейки. Этой воды недостаточно для орошения полей, и поэтому земледелие не получило здесь широкого развития и встречается только в отдельных местах. Зато для скотоводства в Прибалханье имеются все необходимые условия: обширные пастбищные угодья, водные источники.

Население Прибалханья в этнографическом отношении изучено еще очень мало. В конце XIX — начале XX в. Прибалханье представляло собой специфическую скотоводческую область, отличавшуюся от соседних областей формами хозяйства, своеобразием быта и культуры населения, местным говором. Вместе с тем население Прибалханья всегда было тесно связано со всем туркменским народом. Прикаспийские иомуты говорили на западном говоре иомутского диалекта.

Задачей настоящей работы является изучение на основе этнографического и архивного материала, с привлечением литературных данных, проблем этнической истории, племенного деления и расселения прибалханских туркмен в конце XIX — начале XX в., их хозяйства, а также семейного быта.

Автор выражает свою благодарность доктору исторических наук Г. Е. Маркову, кандидату исторических наук С. П. Полякову и всему профессорско-преподавательскому составу кафедры этнографии исторического факультета МГУ, сотрудникам сектора этнографии Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР, оказавшим помощь при написании данной монографии, а также при редактировании и подготовке ее к печати.

ГЛАВА I

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА И РАССЕЛЕНИЕ ПРИБАЛХАНСКИХ ТУРКМЕН В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

История формирования туркменского населения Прибалханья в XVIII—XIX вв.

Исторически и географически Прибалханье составляет часть Западного Туркменистана. Поэтому формирование туркменского населения Прибалханья можно рассматривать только в тесной связи с расселением туркменских групп в Восточном Прикаспии. Судя по сообщениям средневековых авторов и по преданиям туркмен, многие туркменские племена обитали некогда в Восточном Прикаспии, на Мангышлаке и на Устюрте. По сообщению Абульгази, там жили салыры, эрсари, сарыки и др.[1] Начиная с XV—XVI вв. туркмены стали расселяться на северо-востоке и юго-западе и постепенно осели на землях современного Туркменистана[2]. В 1959 г. на Мангышлаке экспедицией Института истории АН ТССР было обнаружено множество могильников (мазаров), принадлежавших туркменам. По мнению информатора Сарсенг Нурходжаева из аула Кизыл-Узень[3], они могут быть

[1] А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Соч. Абу-л-Гази хана Хивинского. М.—Л., 1958, стр. 73—75; Абульгази Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Казань, 1906, стр. 25—26.

[2] «История ТССР», т. 1, кн. 2. Ашхабад, 1957, стр. 11.

[3] Аул Кизыл-Узень находится в Шевченковском районе Гурьевской области Казахской ССР.

датированы приблизительно началом XVII в. В «Обзоре Закаспийской области за 1893 г.» говорится, что все колодцы, расположенные между линией Закаспийской железной дороги и северными кочевьями около залива Кара-Богаз-Гол, за исключением немногочисленных киргизских (казахских), принадлежат туркменам. Эти колодцы перешли к ним по наследству от предков, занявших это пространство после ухода отсюда племён ногайли и эрсари лет триста тому назад[1]. После переселения из Прикаспия ряда туркменских племен их место заняли туркмены-иомуты, постепенно распространявшие в XVII и XVIII вв. область своих кочевий на восток и юг.

Как отмечает Г. Е. Марков, в начале XVIII в. племя иомутов настолько усилилось, что смогло вытеснить из Астрабадской и Джурджанской областей кочевавшие там ранее племена охлу, салыров, эймуров[2]. По предположению того же автора, в это время произошло деление иомутов на две группы: на северных, хивинских — байрам-шалы (утлы-темир) и западных, прикаспийских — кара-чока (кутлы-темир). Западная прикаспийская группа иомутов оказалась более сильной и заняла хорошие земли по рекам Атрек и Гурген, а также по восточному побережью Каспийского моря. Северная же хивинская группа (байрам-шалы) была слабее и постепенно подпала под влияние Хивинского ханства, где впоследствии окончательно и поселилась. Причиной разделения иомутов могла послужить ограниченность прикаспийских земель и отсутствие единства среди самих иомутов[3].

В то же время, когда иомуты занимали земли в прибрежных прикаспийских областях и по Гургену и Атреку, в Прибалханье поселилось небольшое туркменское племя ата, занявшее освободившиеся от эрсари и других племен пастбища. Об атинцах в Прибалханье рассказывают многие иомутские предания. Как сообщают старики-информаторы, названия многих местностей в Прибалханье связаны с атинцами: Дан-Ата, Огланлы-Ата, Гезли-Ата, Кемал-Ата и др. По преданиям, эти местности названы по атинским кладбищам, возникшим в годы калмыкских походов, когда калмыки завоевали эту страну, грабили

[1] «Обзор Закаспийской области за 1893 г.». Асхабад, 1895, стр. 7, 17.

[2] Г. Е. Марков. Очерк истории формирования северных туркмен. М., 1961, стр. 48.

[3] Там же, стр. 50.

туркмен племени атинцев, угоняли их скот, разрушали водные источники — кяризы и т. д. Тогда погибло много атинцев, и места захоронения павших в этой борьбе, называемые туркменами «шехит», послужили местами будущих кладбищ. В конце XVIII в. иомуты, продвигавшиеся из прибрежных областей на восток, стали теснить атинцев, и дальнейшая этническая история Прибалханья связана с заселением его иомутскими группами.

О том, что в прошлом в Прибалханье кочевали туркмены-ата, и о вытеснении их отсюда туркменами-иомутами свидетельствуют данные письменных источников. Так, Н. Н. Муравьев по пути в Хиву в 1819 г. в степи недалеко от колодца Туер, с правой стороны караванной дороги, видел небольшое атинское кочевье. Это были остатки тех туркмен-ата, которые кочевали в XVIII в. здесь повсеместно. Муравьев отмечал, что народ этот несилен и часто бывает обижен соседями (иомутами); ему покровительствует Хивинское ханство[1]. О вытеснении туркмен-ата с земель Прибалханья иомутами писали также И. Ф. Бларамберг[2], Ф. А. Михайлов[3] и другие авторы XIX в.

Часть племени ата ушла в Хиву, а небольшая часть его осталась в пределах Прибалханья. По сведениям путешественника К. К. Боде, численность племени атинцев в XVIII в. достигала трех тысяч кибиток[4].

Некоторые сведения о туркменах Восточного Прикаспия оставил Александр Бекович-Черкасский, посетивший во время экспедиции в Хиву в 1717 г. восточный берег Каспийского моря. Эти сведения частично использованы Бларамбергом. В его работе говорится о каких-то туркменах, кочевавших в прикаспийских степях в начале XVIII в. и беспокоивших гарнизоны русских крепостей в Александр-Бае и Красноводской Косе, расположенных на восточном побережье Каспия[5]. Очевидно, это были

[1] Н. Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг., ч. 1—2. М., 1822, стр. 69.

[2] И. Ф. Бларамберг. Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюк-Карагана. «Зап. РГО», кн. 4. Спб., 1850, стр. 110.

[3] Ф. А. Михайлов. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Этнографический очерк. Асхабад, 1900, стр. 29.

[4] К. К. Боде. Очерки Туркменской земли юго-восточного прибрежья Каспийского моря. Спб., 1856, стр. 105.

[5] И. Ф. Бларамберг. Топографическое и статистическое описание..., стр. 96.

туркмены-иомуты, кочевавшие в то время недалеко от берега у Красноводских и Балханских гор и часто посещавшие эти места, о чем свидетельствуют данные других источников.

В середине XVIII в. английский купец Ганвей и капитан Вудруф, путешествовавшие в 1742—1743 гг. в составе английской торговой экспедиции по Каспийскому морю, сообщали о туркменских жителях островов юго-восточного побережья Каспийского моря. По словам капитана Вудруфа, на острове Идак (полуостров Айдак, или Огурчинский) было два колодца с пресной водой. Здесь в сентябре 1743 г. находилось 8—10 кибиток. Жители кибиток имели несколько овец и коз, а также овощные и бахчевые посевы[1].

14 сентября 1743 г. капитан Вудруф посетил остров Нафтоня (ныне полуостров Челекен), где было 36 хозяйств. В хозяйствах имелось 28 больших лодок и несколько нефтяных колодцев. На этом острове, говорится в его записях, имеется много овец, диких коз, верблюдов и ослов[2].

После Ганвея и Вудруфа в 1764—1765 гг. восточный берег Каспийского моря посетили Токмачев и Ладыженский, искавшие места для гаваней. Они также сообщают сведения о прибрежных туркменах.

Важно отметить посещение этих мест в 1781—1782 гг. экспедицией М. И. Войновича, имевшей целью выбрать удобное место для основания торговой гавани на восточном берегу Каспия. В работе Карла Габлица, участника экспедиции графа Войновича, наряду с описанием прибрежных туркмен, в частности огурджалинцев, проживавших на полуостровах Огурчинском, Челекене, Дарджа и других[3], говорится и о туркменах-скотоводах, кочевавших около Балханских гор. Так, К. Габлиц пишет, что к югу от острова Дарджа (ныне полуостров) расположен другой остров, называемый туркменами Нафт-Тепясы (Нефтяной Бугор). Расстояние от него до материка составляло не более 2,5 верст, причем глубина

[1] I. Hanway. A historical account of the British trade over the Caspian Sea., vol. 1, ed. 2. London, 1754, стр. 88—89.
[2] Там же, стр. 89.
[3] К. Габлиц. Исторический журнал бывшей в 1781—1782 гг. на Каспийском море Российской эскадры под командою флота капитана второго ранга графа Войновича. М., 1809, стр. 70—85.

воды здесь столь мала, что кочующие около гор Балханы туркменцы (туркмены) переезжают туда на верблюдах[1].

Весьма интересно сообщение Карла Габлица о том, что 16 июля 1872 г. экспедиционное судно посетили все начальники (очевидно, старшины) балханских туркмен, которые оставались здесь до утра следующего дня для ведения переговоров[2]. Эти данные свидетельствуют о том, что уже в это время на Балханах кочевали туркмены-скотоводы, скорее всего они были из племени иомутов. Далее Габлиц сообщает, что в северной части Балханского залива, у Красноводских гор, несмотря на то, что здесь мало корма для скота, кочуют туркмены численностью до двух тысяч кибиток. Они держат много лошадей, верблюдов, овец и коз и живут только за счет доходов от скотоводства. Летом скотоводы из-за недостатка кормов уходят со своим скотом в степь, а осенью возвращаются в свои зимние кочевья. Они ведут торговлю с Хивой и русскими тюленепромышленниками, которые приходят сюда на судах[3].

Это сообщение К. Габлица дополняется рассказом о том, что во время осмотра Красноводского залива на экспедиционное судно приезжали все первостатейные старшины красноводских туркмен-скотоводов с разными предложениями для улучшения торговли России с Хивой и Бухарой[4].

Эти данные убедительно говорят о том, что уже к концу XVIII — началу XIX в. восточное побережье Каспия, включая Красноводский полуостров и Прибалханье, было занято туркменами-иомутами, которые в большинстве своем были кочевыми скотоводами.

Туркмены-иомуты, поселившиеся на Атреке и Гургене (приатрекские и гургенские иомуты), по характеру хозяйства делились на оседлых земледельцев (чомур) и кочевых скотоводов (чарва). Те, которые занимались кочевым скотоводством, имели обширную область кочевий, расположенную между пограничной с Ираном речкой Кара-Су и горами Большой Балхан и Кюрен-Даг.

[1] К. Габлиц. Исторический журнал бывшей в 1781—1782 гг..., стр. 79—80.
[2] Там же, стр. 86.
[3] Там же, стр. 93—94.
[4] Там же, стр. 94.

Кочевники-скотоводы составляли меньшую часть иомутов-джафарбайцев. Они разводили главным образом овец и верблюдов, а также держали в небольшом количестве лошадей. Летние кочевья их располагались к западу от атабайцев, между Большим Балханом и рекой Атрек; иногда они уходили и дальше на север. Среди атабайцев кочевники-скотоводы преобладали над оседлыми земледельцами. Последние жили в основном по Атреку и Гургену и номинально признавали власть иранского правительства. Земледельцы имели обычно маломощные хозяйства и были не в состоянии приобрести в нужном количестве скот, чтобы стать кочевниками. Кочевья скотоводов-атабайцев располагались на большом степном пространстве между рекой Атрек и горами Кюрен-Даг. Но нередко они доходили на севере до Узбоя.

Однако следует отметить, что между оседлыми земледельцами и кочевыми скотоводами у приатрекских туркмен строгого разграничения не было. Они находились в постоянной взаимосвязи друг с другом, среди них трудно было найти такую семью, в которой все члены занимались бы только одним земледелием. Как правило, в каждой семье чомура-земледельца кто-либо обязательно был чарвой—скотоводом: либо отец, либо кто-нибудь из его сыновей, братьев и других близких родственников. Переход от состояния чомура к чарве и обратно был обычным явлением.

Чомуры, как сказано выше, составляли менее зажиточную часть населения приатрекских районов. Чарвы были более зажиточными по сравнению с чомурами и смотрели на последних свысока. Поэтому стать чарвой было мечтой каждого туркмена-чомура этого края. Чарвы, кочуя со своим скотом в просторах степей, чувствовали себя гораздо вольней и свободней, чем чомуры на Атреке и Гургене, которые находились под властью иранских правителей. По этому поводу путешественник Боде говорил, что если чомуру удавалось накопить немного средств, то он на эти средства покупал скот и делался чарвой, чтобы меньше зависеть от астрабадского губернатора[1].

Зимой скотоводы, как правило, кочевали в районах Атрека и Гургена, переходя часто в пределы Ирана, а летом уходили на север, к Балханам. Время перекочевки на зимние пастбища определялось обычно пролетом птиц «газ» (гусь) на юг. С наступлением весны, когда таяли снега на Балханах, скотоводы откочевывали на север, к Балханским горам, где летом прохладнее. Летом на Атреке и Гургене невозможно было оставаться из-за оводов, комаров и других насекомых — бича верблюдов. К тому же вода здесь становилась непригодной для питья. Кочевники проводили на Балханах обычно все лето и часть осени. В это время от каждой семьи на Атрек отправляли одного или двух человек для уборки урожая на богарных посевах, которые по возвращении привозили с собой часть урожая, а если его было мало, то и весь урожай. К концу осени кочевники со своим скотом опять возвращались в районы Атрека и Гургена. Ежегодно повторялся тот же самый цикл перекочевок.

Формирование населения Прибалханья в начале XIX в. происходило в результате постепенного переселения туда иомутских групп с запада и юга. Атинцев в это время оставалось в Прибалханье немного: по данным Н. Н. Муравьева[1], А. Борнса[2], Г. С. Карелина[3], численность их в первые десятилетия не превышала одной тысячи кибиток. Сначала иомуты использовали Прибалханье только как сезонные пастбища, но постепенно стали поселяться в его пределах.

По свидетельству И. Ф. Бларамберга, часть приатрекских туркмен-иомутов, проживавших по Атреку и Гургену в количестве 8000 кибиток, ушла на север и поселилась около Балхан, откуда ими были вытеснены кочевавшие там туркмены племени ата. Иомуты приезжают на Гурген и под покровительством своих родственников делают набеги на Персию и уводят оттуда пленных на продажу в Хиву[4].

По сведениям М. Н. Галкина, в Балханских горах во второй половине XIX в. было сосредоточено до 1000 ки-

[1] К. К. Боде. Очерки Туркменской земли..., стр. 98.

[1] Н. Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву..., стр. 69.

[2] А. Борнс. Путешествие в Бухару, ч. III. М., 1849, стр. 350.

[3] Г. С. Карелин. Обозрение восточных берегов Каспийского моря в отношении статистическом, топографическом и физическом. «Зап. РГО», т. 10. Спб., 1883, стр. 424, 427.

[4] И. Ф. Бларамберг. Топографическое и статистическое описание..., стр. 109—110.

биток иомутов[1], что служит подтверждением сообщения Бларамберга и других авторов.

Процесс передвижения иомутов в пределы Прибалханья в поисках новых пастбищ с хорошим подножным кормом для скота протекал медленно. Такие пастбища имелись в степях, прилегавших к Балханским горам и Кюрен-Дагу и простиравшихся к северу, включая Северо-Балханскую степь и прибрежье Узбоя, до границ с Хивинским ханством. Эта область богата пастбищными угодьями всех видов: горными, степными, пустынными и пастбищами на кырах, пригодными для пастьбы скота в различные времена года и обеспеченными в значительной степени водными источниками: колодцами, родниками и т. п.

Передвижение иомутов-скотоводов из района Атрека и Гургена на север, к Балханам, происходило, согласно старой традиции расселения чони-атабайцев и шереф-джафарбайцев, двумя путями. Так, джафарбайцы, придерживаясь морского побережья, следовали по колодцам Бугдайлы, Джебел и другим, расположенным почти по прямой линии к Балханам. По этим же колодцам они совершали раньше сезонные перекочевки: летом на север, к Балханам, а зимой обратно, к Атреку, где располагались их летние кочевья. А атабайцы двинулись на север, восточнее джафарбайцев, по направлению к горам Кюрен-Дага через колодцы Ойлекушлык и далее к колодцам Узбоя. В течение XIX в. джафарбайцы освоили земли вокруг Большого Балхана, Северо-Балханскую степь и пастбища, северных колодцев Гок-Дере, Коймат, Донгра, Чагыл, Авламыш, Туер, Гоклен-Куи и других, вплоть до границы Хивинского оазиса за исключением некоторых местностей, занятых ак-атабайцами около селений Кяриз II, Гезли-Ата, Кемал-Ата и др. Ак-атабайцы заняли предгорья Кюрен-Дага, степную полосу, расположенную между этими горами и песками, и Приузбойскую степь до колодцев Игды, считавшихся границей между Прибалханской степью и Хивинским оазисом.

Условная граница между кочевьями ак-атабайцев и джафарбайцев проходила между Большим Балханом и Казанджиком, от родника Данаты через колодцы Аджи-Куи и далее к северу до Хивинского оазиса. К востоку

[1] М. Н. Галкин. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. Спб., 1868, стр. 14 и 102.

от этой линии кочевали ак-атабайцы, а к западу — джафарбайцы.

Однако следует отметить, что границы между кочевьями ак-атабайцев и джафарбайцев строго не соблюдались скотоводами тех и других групп, так как при круглогодовом пастбищном содержании скота практически это было невозможно хотя бы потому, что если в один год трава лучше уродилась в одном месте, то на следующий год — в другом месте. Поэтому скотоводы кочевали там, где было больше трав. Во время перекочевок они часто пересекали условную пограничную линию и пасли скот далеко за пределами кочевий своего племени. Это было возможно, потому что ак-атабайцы и джафарбайцы находились в добрососедских отношениях. Часто они были близкими соседями (в аулах Кяриз I, Кяриз II, Худайберды, Ян-Куи и др.) и жили вперемежку.

Это подтверждается данными письменных источников. Так, в «Обзоре Закаспийской области за 1893 г.» по вопросу о расселении туркмен-иомутов отмечается следующее: «Туркмены (иомуты. — *А. О.*), перекочевывая с зимовьев своих, расположенных главным образом по Гургену и Атреку, на летовки в Красноводский уезд и придерживаясь преимущественно одного и того же направления, закрепили за собой тем самым права владения как на пастбищные места, так и на колодцы северной части уезда в следующем порядке родового своего распределения (то есть по племенному признаку.— *А. О.*): джафарбай—от колодца Молла-Кара на колодцы Беляк, Янгаджа, Касын, Сюльмен, Сюремджек, Ер-Уйлян, Гезли-Ата, Туер, Кумсебшен, Алтыкуюрук, Аджи-Куи и Бала-Ишем; район ак-атабайцев составляет — к востоку от линии колодцев Алтыкуюрук и Бала-Ишем, главным образом Узбой, пески Чильмамедкумы и окрестности Казанджика; к северу же от части Узбоя, лежащей в пределах уезда, к востоку от линии Кумсебшен, Алтыкуюрук занимают своими летовками туркмены мелких родов (племён.—*А. О.*): бехельке, салак, каррови, ата и ходжа»[1].

Джафарбайцы, таким образом, жили в западной части Прибалханья, ближе к морскому побережью. Основ-

[1] «Обзор Закаспийской области за 1893 г.», стр. 7—8.

ными местами их расселения в этом районе были кяризы и колодцы, расположенные к северу от железнодорожной станции Джебел до южной границы Хивинского оазиса. На этой территории наиболее крупные поселения джафарбайцев были сосредоточены в предгорьях Большого Балхана (Кяриз I и Кяриз II, Огланлы, Ташарбат и др.); Северо-Балханской степи вдоль песков Чильмамедкумы, сливающихся с песками Каракумы (Ак-Куи, Кошоба, Оюклы, Худайберды и ряд др.); в районе северных кыров, возле колодцев Гок-Дере, Коймат, Донгра, Чагыл, Авламыш, Туер, Гоклен-Куи и ряда других.

Земли ак-атабайцев здесь, как на Атреке и Гургене, лежали восточнее джафарбайцев, на территории, прилегающей к станции Казанджик. Они расселялись главным образом у родников Даната, Барслы, Обой, у источников близ Казанджика (Иджиры, Канов и др.), Узун-Су, Искандер (Ушак) и Пароу, расположенных в предгорной полосе Кюрен-Дага, а также у колодцев, тянущихся цепью у границы песков Каракумы (Капланлы, Тачмамед, Тазе-Куи, Гелинолен, Дугунчи, Аджи-Куи и др.) и по Узбою (Беураджи, Калан-Куи, Джойрук, Декча, Ясха, Джамал, Тогалак и др.) до пограничного колодца Игды.

Как сообщают информаторы, после присоединения Туркмении к России туркмены-скотоводы смогли в результате улучшения межнациональных отношений с казахами и соседними туркменскими группами свободно кочевать к северу от Балханских гор и Кюрен-Дага к колодцам, расположенным в Северо-Балханской степи и на Узбое, и поселяться в этих местах. Это стало необходимым в связи с ростом численности кочевого населения и поголовья скота.

В результате кочевники-скотоводы постепенно отказались от старых традиций — возвращаться на зимовку в районы Атрека и Гургена — и начали селиться в новых местах небольшими родственными группами у кяризов, родников и колодцев в окрестностях Большого Балхана и Кюрен-Дага и к северу от них. С течением времени кочевники стали проводить зиму в удобных для них местах в Прибалханье и откочевывали на юг только в особо засушливые годы и суровые зимы.

Переселение части прикаспийских туркмен-иомутов в Прибалханье объясняется прежде всего недостатком на

Атреке земли и пастбищ, а также притеснением кочевых скотоводов иранскими властями и изгнанием их с пастбищных угодий. Туркмены-иомуты не хотели жить под властью иранских наместников (астрабадских губернаторов) и в начале XVIII в. даже пытались овладеть Джурджаном и Астрабадом[1]. О враждебном отношении туркмен к Ирану свидетельствует также сообщение Боде, посетившего в середине XIX в. туркменскую степь и туркмен-иомутов Атрека и Гургена. Боде пишет: «Плоха была надежда на хороший прием, если бы я явился к ним с рекомендациями от соседей, их начальников астрабадских, потому что иомуты большею частью не в ладах с ними...»[2].

Общая численность прикаспийских иомутов, обитавших в XIX в. в Западной Туркмении и в пределах Ирана, по данным различных авторов и письменных источников, составляла приблизительно 13—15 тысяч кибиток. При этом чони-атабайцев — 7 тысяч кибиток (3500—4500 кочевых и 2500 оседлых) и шереф-джафарбайцев — около 7 тысяч кибиток (4500 кочевых и 2500—3500 оседлых). Около тысячи кибиток иомутов кара-чока кочевали в Хивинском ханстве.

По сведениям, собранным Бларамбергом во время путешествия по Северному Ирану (с 1837 по 1840 г.), под властью Персии находилось около 12 тысяч семейств иомутов[3], что подтверждается и данными иранских источников XIX в. Судя по ним, численность собственно иранских (астрабадских) иомутов составляла более 11,5 тысяч семейств, причем из них ак-атабайцев было 2 тысячи и джафарбайцев 5 тысяч кибиток[4].

По предварительным данным Всеобщей переписи населения 1897 г., по всему Красноводскому уезду числилось 53 589 человек обоего пола, в том числе в Красноводске—5608[5]. Установить точно количество туркменского населения Прибалханья трудно, так как в то время статистические данные брались по административно-

[1] Д. Н. Миклухо-Маклай. Труд Мухаммед-Казима и его значение для истории туркмен. «Изв. ТФАН СССР», 1945, № 5—6, стр. 35.

[2] К. К. Боде. Очерки Туркменской земли..., стр. 40.

[3] И. Ф Бларамберг. Статистическое обозрение Персии. «Зап. РГО», кн. 7, 1853, стр. 321.

[4] МИТТ, т. 2. М.—Л., 1938, стр. 248.

[5] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 8093, л. 6.

му делению: уездам, приставствам, не совпадавшим территориально с Прибалханьем.

В административном отношении Прибалханье в конце XIX в. входило сначала в состав Закаспийского военного отдела (1872 г.), подчиненного Кавказскому военному округу, а в 1882 г. вошло в состав Красноводского уезда Закаспийской области при Туркестанском генерал-губернаторстве.

Красноводский уезд состоял из трех административно-территориальных единиц: Кара-Калинского и Чикишлярского приставств и района вне приставств. Уезд был разделен на две неравные части условной линией, идущей от Кизыл-Арвата на запад, через гору Эзет, родник Даната и колодец Мурад-Аджи по берегу моря. Большую часть уезда, лежащую к северу от этой линии, составлял район вне приставств. Меньшая часть уезда, расположенная к югу от указанной линии, образовала Чикишлярское и Кара-Калинское приставства. Граница между ними проходила к югу от родника Даната по направлению к переправе Яглы-Олум на реке Атрек[1]. Таким образом, большая часть земель Прибалханья находилась в пределах района вне приставств. Но впоследствии граница между приставствами и районом вне приставств была изменена, так как площадь района вне приставств была слишком велика[2]. Новая граница между приставствами и районом вне приставств прошла в направлении с запада от железнодорожной станции Михайловской до станции Ахча-Куйма, а отсюда на северо-восток до колодца Даз-Куи на Узбое и далее по правому берегу Узбоя до колодца Арбат, расположенного на границе между Красноводским и Асхабадским уездами. Граница между приставствами прошла от переправы Яглы-Олума на юге к северу до железнодорожной станции Ахча-Куйма[3]. Большая часть населения Прибалханья кочевала в Чикишлярском приставстве и в районе вне приставств. По данным «Обзора Закаспийской области за 1893 г.», численность иомутов-джафарбайцев в Чикишлярском приставстве вместе с кочующими джафарбайцами в районе вне приставств составляла 1104 кибитки, а иомутов племени ак — 500 кибиток. В Кара-Калинском приставстве в том же году числилось около 800 кибиток атабайцев и около 500 кибиток из племенных подразделений даз, каррови, бехельке и дуеджи[1].

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 7769, л. 34; «Обзор Закаспийской области за 1893 г.», стр. 4.

[2] «Обзор Закаспийской области за 1893 г.», стр. 10—11.

[3] Там же, стр. 11.

Этнический состав и расселение прибалханских туркмен в конце XIX — начале XX в.

Прежде чем перейти к рассмотрению расселения прибалханских туркмен в конце XIX — начале XX в. следует сказать об их этническом составе и племенном делении. У иомутов, как и у других туркменских групп и некоторых народов Средней Азии и Казахстана (каракалпаков, казахов и др.), еще в XIX в. сохранилось племенное деление, игравшее определенную роль в их общественной и хозяйственной организации и семейном быту. Общинно-племенная организация была связана со своеобразной формой полукочевого скотоводческого хозяйства, необходимостью общей защиты от врагов и политического объединения в большие племенные группы в случае переселений, больших войн и т. п. Объединение скотоводов в небольшие племенные группы вызывалось потребностями их кочевого хозяйства. Они могли распадаться и вновь возникать. Объединяло их представление об общности происхождения, обычно мифическое.

Первая генеалогическая схема племенного деления туркмен-иомутов принадлежит Абульгази (XVII в.). Однако его схема, в отличие от схем более поздних авторов, кончается разделением иомутов на две большие племенные группы (отделы): утлы-темир (байрам-шалы) и кутлы-темир (кара-чока). По схеме Абульгази, племя иомутов берет свое начало от сына Кара-Гази-бека Огурджик-алпа (Салор-Огурджика), у которого было шесть сыновей: Берды и Бука, Авсар и Кусар, Йаджы и Дингли. У Берды было двое сыновей по имени Кулмы и Кулхаджи. Потомками Кулмы были Йомут и Калтак. У Йомута было двое сыновей: Озли-Тимур и Кутлу-Тимур; от первого было три сына: Иса, Муса и Бахрамшах, а от второго тоже три сына: Джуны, Ширан и Куджык[2].

[1] «Обзор Закаспийской области за 1893 г.», стр. 43.

[2] А. Н. Кононов. Родословная туркмен..., стр. 73.

На этом и кончается у Абульгази схема племенного деления иомутов.

Следующая схема племенного деления туркмен-иомутов приводится в работе капитана Муравьева (1819 г.). Однако и его схема, как и других дореволюционных авторов, не дает полной картины племенной структуры иомутов. Тем не менее надо сказать, что она была одной из первых наиболее полных схем, в которой перечисляются основные племенные подразделения иомутов как группы байрам-шалы, так и группы кара-чока. По схеме Муравьева племя иомутов разделяется на четыре большие группы: чони, шереф, байрамша, коджук-татар; каждая из этих групп в свою очередь делится на несколько мелких подгрупп[1].

Племенное деление иомутов, в частности отделение кара-чока, упоминается также в работах многих дореволюционных авторов: И. Ф. Бларамберга, Г. С. Карелина, К. К. Боде, М. Н. Галкина, А. Вамбери и Н. Г. Петрусевича[2]. Однако ни в одной из них не дается исчерпывающего перечисления племенных подразделений иомутов, в том числе и кара-чока. При этом в большинстве случаев в работах указанных авторов названия племенных подразделений искажены (особенно у Боде, Вамбери и др.) и отсутствует деление отдельных племен на более мелкие группы за исключением группы джафарбайцев. Более полная схема племенных делений иомутов кара-чока была составлена Г. И. Карповым на основе данных письменных источников различного времени и полевых материалов. Но и в ней имеются некоторые неточности. Эта схема лучше всех предыдущих уже тем, что содержит подробный перечень некоторых племенных подразделений до самых мельчайших групп[1]. Г. И. Карпов использовал также седжере Н. Н. Иомутского Карашхан-оглы[2].

[1] Н. Н. Муравьев. Приложение к кн. «Путешествие в Туркмению и Хиву...»: «Атлас к путешествию в Туркмению и Хиву». М., 1822, л. 15.

[2] И. Ф. Бларамберг. Топографическое и статистическое описание..., стр. 106; Г. С. Карелин. Обозрение восточных берегов Каспийского моря..., стр. 425—427; К. К. Боде. Очерки Туркменской земли..., стр. 97; М. Н. Галкин. Этнографические материалы по Средней Азии и по Оренбургскому краю. Спб., 1867, стр. 7—9; А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии. Спб., 1867, стр. 256; Н. Г. Петрусевич. Туркмены между старым руслом Аму-Дарьи (Узбоем) и северными окраинами Персии. «Зап. Кавказ. отд. РГО», кн. II, вып. I. Тифлис, 1880, стр. 8.

Прибалханские иомуты подразделялись в XIX в. на две большие племенные группы: ак-атабайцев и шереф-джафарбайцев. В перечисленных выше генеалогических схемах туркмен структура этих племенных групп дается неполно, а иногда и неверно. В результате этнографических работ среди прибалханских иомутов удалось составить сравнительно полную генеалогическую схему деления атабайцев и джафарбайцев, для чего пришлось получить сведения значительного числа информаторов и сравнить их данные со сведениями письменных источников.

В основу генеалогической схемы атабайцев была положена родословная (седжере), записанная в 1959 г. со слов жителя аула Ясха на Узбое Бекназара Мергенова — иомута из племенного подразделения бекдаш. Он слышал ее в 1929 г. от некоего Гулджан-муллы[3]. В этой седжере, в отличие от родословных Абульгази и Н. Н. Иомудского, структура племенного деления дана в мельчайших подробностях.

По данным седжере Бекназара Мергенова, сын Кара-Гази по имени Аль-Букурджик (очевидно, Огурджик-алп) некогда был ханом и стоял во главе 1000 кибиток туркмен-салыров, проживавших в местности Эдил-Яйик Нур Гарабаир (по Абульгази — Итиль-Яик), то есть где-то в низовьях реки Урала. При переправе через реку Эдил-Яйик во время бегства от калмыков последние отняли у него около 700 кибиток. Сам Аль-Букурджик спасся с тремястами кибитками салыров и поселился в районе колодцев Авламыш и Туер, расположенных примерно в 20 км от колодца Чагыл.

В работе Абульгази это событие описывается несколько иначе[4]. Согласно седжере Бекназара Мергенова, Аль-Букурджик был женат на дочке Эрсари-баба — легендарного родоначальника туркменского племени эрсари-

[1] Г. И. Карпов. Этнический состав туркмен. Рукопись канд. дисс. М., 1942, стр. 84—89.

[2] Там же, стр. 1.

[3] По словам Бекназара Мергенова, Гукджан-мулла имел туркменскую седжере; ее составил мулла по имени Метер-ахун (или его отец Вели-мулла).

[4] А. Н. Кононов. Родословная туркмен..., стр. 72.

цев, мнимая могила которого сохранилась около колодцев Авламыш и Туер[1]. У них было шесть сыновей-близнецов: Эски и Хатаб (потомки их жили в местности Кизылбаир на Сумбаре, затем, спасаясь от текинцев, они ушли в Афганистан); Буркан и Саккар (их потомки ушли к берегам Аму-Дарьи) и Бука и Берды.

Бука, как сообщает седжере, был младшим сыном, он стал родоначальником туркмен-текинцев; Берды — старшим, он стал родоначальником туркмен-иомутов и эрсаринцев. У Берды было два сына — Гулсари и Гулумы. Гулсари, по преданию, совершил героический поступок (эр иш битирен), за что его называли Эрсари вместо Гулсари. Потомки его основали племя эрсари. У Гулумы было также двое сыновей: старшего называли Галби, а младшего Гултак. У Гултака было четыре сына: Салыр, Сарык, Саккар и Имрели, каждый из которых впоследствии стал родоначальником одноименных туркменских племен.

По преданию, Галби совершил героический поступок (он якобы помог одному из иранских шахов, лишенному власти, снова занять престол). К тому же он был усатый (мүртлы). Когда спрашивали о его героическом поступке, то отвечали, что это дело рук усатого (мүртың иши), и отсюда пошло название «мурт», «иомут» и т. д.

Галби стали называть Иомут. У него было три сына: Ушак от наложницы (орсукчи-ушак), Утлы-Темир (байрам-шалы) и Кутлы-Темир (кара-чока)[2]; потомки первых двух живут в Хорезмском оазисе.

У Кутлы-Темира было три сына. Двое из них: Шереф (джафарбай) и Чони (атабай) от одной матери, а третий — Коджук — от другой. Потомки последнего живут в Хиве и Иране.

У Чони было четыре сына: Гызылховез, Хыдыргулы, Илясгулы и Мамедгулы. От первого сына потомков не осталось. Потомки Хыдыргулы образовали племя (тире) ганёкмаз. В Прибалханье их было очень мало; от потомков Илясгулы произошли татар-кочек(их вообще было

[1] Н. Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву..., стр. 67—68.

[2] По словам информатора Бекназара Мергенова из аула Ясха Казанджикского района, иомуты, проживавшие в Гургене, раньше носили иранскую одежду (карачука), сшитую из черной шерстяной материи наподобие жилета.

мало, жили они в Иране и были мастерами по изготовлению кибиток).

У Мамедгулы было два сына: Ахмед и Аджин. Потомки последнего образовали племя даз-бадрак (они жили в Иране). У Ахмеда было два сына: Шагулы и Миргулы. У Шагулы было три сына: старший — Медет (родоначальник малочисленного тире ёлма), средний — Худайберды (родоначальник тире ак) и самый младший — Гарашора (родоначальник племенной группы атабай).

Сколько было сыновей у Медета—неизвестно. У Худайберды, родоначальника племени ак, было два сына. У старшего Джанмамеда, родоначальника тире узун-ак, было три сына: Гок (его потомки — мелкое тире гок), Хебибли (родоначальник тире хебибли) и Саковы (родоначальник тире саковы). У младшего Шамамеда, родоначальника тире киска-ак, было два сына: Ширмамедли (родоначальник тире ширмамедли) и Гозмамедли (родоначальник тире байлар).

У Гарашора был только один сын по имени Атабай. Он был родоначальником племенной группы атабай. У него было семь сыновей, из них шесть от одной жены и один — от другой. Самого старшего из них называли Ханым Чури. Об остальных его шести братьях сведений нет. По преданию, мать Ханым Чури пожелала, чтобы у него потомков было больше, чем у всех остальных шести сыновей, вместе взятых.

У Ханым Чури было два сына: Одемиш (родоначальник тире кесарка) и Мурат Онгеби. У последнего было три сына: Мамети (родоначальник тире дугунчи), Мамиши (родоначальник тире лабга) и самый старший Велибай. У Велибая было два сына: Танагурбан (его потомки — тана — самое многочисленное тире среди атабайских тире) и Аширгурбан (его потомки — аширгок — малочисленное тире). У Танагурбана было два сына: старший Велибай (родоначальник тире велибайли-тана) и младший — Коушут (родоначальник тире коушутлы-тана).

Мамедалыки относятся к атабаям, хотя родоначальник этого тире Мамедалык по происхождению из тире даз (так как его отец был из тире даз ,а мать — из гангырма). Когда Гарашора (отец Атабая) женился на матери Мамедалыка, она была вдовой и беременной Мамедалыком. По преданию, когда мамедалыки, поссорив-

шись с тире тана атабайцев, хотели уйти к джафарбайцам, то люди из тире даз и ак не отпустили их, ссылаясь на то, что они по родству не дальше от них, чем атабайцы. В связи с этим мамедалыки остались с тире ак и в дальнейшем жили вместе с ними.

Бекдаши вначале входили в тире тана атабайцев, затем в его мелкое тире велибайли-тана и, наконец, в коушутлы-тана и жили вместе с последними. По легенде, записанной со слов Бекназара Мергенова, в стране эрсаринцев, где-то около Карабекаула, некогда жил старик по имени Гарынджа Торе (он был иг, то есть чистокровный туркмен)[1]. Он со своим сыном-подростком по имени Бекдаш ушел оттуда к иомутам. У иомутов он был сначала гостем Танагурбана, старшины (яшулы) тире тана, а затем остался у него жить. Тот женил отца Бекдаша на одной наложнице (гырнак). В скором времени Гарынджа Торе и его жена умерли, и их сын Бекдаш остался один. Мальчика усыновила одна из жен Танагурбана по имени Огулбиби (из тире дугунчи), у которой не было детей. После смерти мужа она со своим имуществом ушла к своим братьям в тире дугунчи, а мальчика отдали старику по имени Нурсопи, двоюродному брату мужа из тире велибайли. Он женил Бекдаша на дочери наложницы Усса Кебелека из мамедалыков по имени Гундовлет и поставил ему около себя полукибитку (орача).

У Бекдаша было четыре сына. Старший из них — Эсенаман, младшие — Иламан, Ореаман и Аннааман.

После смерти Нурсопи сын Куанча Танагурбан увез Бекдаша из тире велибайли в своё тире коушутлы. Таким образом, тире бекдаш принадлежало велибаям и коушутлы в равной степени. Однако сами бекдаши считали себя по родству ближе к коушутлы-тана и жили вместе с ними.

Старик по имени Ораз Кирли из тире велибайли пытался вернуть бекдашей обратно в свое тире, но ему это не удалось. Он обратился с этой целью к судье (кази), ссылаясь на то, что Бекдаш, родоначальник одноименного тире, вырос у его родственников и женили его их

[1] Среди иомутов Прибалханья существует и другой вариант этой легенды, по которой Бекдаш был родом из Хивинского оазиса.

деды: «Поэтому я хочу, чтобы бекдаши вернулись к нашему тире велибайли». Тогда кази сказал ему, что Бекдаш не был привезен в качестве пленника, что он тоже иомут. Поэтому потомки его имеют право жить с тем, с кем они хотят. Если бы был жив их родоначальник Бекдаш, то было бы другое дело — к кому он скажет «пойду», к тому пусть и идет. Собственно говоря, на этом и кончается рассказ о родословной иомутов племени ак-атабайцев.

Необходимо отметить, что большинство племенных подразделений, приведенных в родословной Бекназара Мергенова, соответствует племенным названиям прибалханских иомутов — ак-атабайцев. Поэтому эта родословная наиболее достоверна из всех существующих родословных и схем племенного деления иомутов — ак-атабайцев. Таким образом, останавливаясь на рассматриваемой седжере и на других данных, можно заключить, что ак-атабайцы делились на две основные племенные группы: ак и атабай, которые в свою очередь подразделялись еще на более мелкие группы. Тире ак имело в своем составе два племенных подразделения: узун-ак и киска-ак. Узун-ак делилось на следующие тире: гок, хебибли и саковы, а киска-ак — на ширмамедли, байлар, елма, пезе и кизылджа. В составе тире атабай было девять племенных групп: кесарка, дугунчи, лабга, тана, аширгок, темек, сарджалык, мамедалык и бекдаш. Последние два считались вновь присоединившимися. Эти племенные подразделения делились на еще более мелкие племенные ячейки (кичи тире). Так, например, тире тана делилось на велибайли и коушутлы; в составе тана находилось и подразделение бекдаш (бекдашлы-тана).

Схема племенного деления шереф-джафарбайцев сложна и в существующей этнографической и исторической литературе, включая и работы советских авторов, дана не полно и не верно. Пользуясь данными полевых исследований в сочетании с данными письменных источников, можно дать подробную схему племенного деления джафарбайцев.

Иомуты-джафарбайцы делились прежде всего на две большие племенные группы: нурали и ярали, которые подразделялись на мелкие тире. Нурали делились на кельте, караджа, киринджик, кор, кем, торрик и панг. В составе ярали были следующие племенные подразделе-

ния: ири тумоч, овнук тумоч, кизыл, арык, сакаллы, чуккан[1] и буркоз[2]. Каждое из этих тире делилось в свою очередь на еще более мелкие группы. Каринджик, например, делилось на саятлы, косели, геокчели и аннакурбанлы.

В состав шереф-джафарбайцев, помимо указанных двух основных групп, входили также племенные подразделения бага, бехельке, каррови, илгай. По преданию, эти тире считались присоединившимися к джафарбайцам.

Значительная часть населения перечисленных племенных подразделений за исключением бага, бехельке и каррови проживала более или менее компактно в оседлых рыболовецких поселениях Челекена, Чикишляра, Гасан-Кули и др. В Прибалханье кочевали главным образом скотоводы племенных подразделений джафарбайцев нурали: кельте, караджа, каринджик, кор, кем, торрик и панг и племенных подразделений ярали: ири тумоч, овнук тумоч, чуккан, кизыл и др. Кочевали здесь также бага, бехельке, каррови и т. д.

Прибалханские иомуты в конце XIX — начале XX в. расселялись кочевьями вокруг водных источников по племенному признаку (рис. 1). Каждое кочевье (аул) состояло из одного или нескольких племенных подразделений.

Иомуты — ак-атабайцы жили в восточной части Прибалханья: в предгорной полосе Кюрен-Дага, в аулах Даната, Барслы, Обой, Узун-Су, Искандер и других местностях, на Узбое — в поселениях Ясха, Кара-Тегелек, Топьятан, Джамал, Тогалак и других, и в Северо-Балханской степи, в селении Кяриз II, в аулах Кошагыр, Ян-Куи, Гезли-Ата и Кемал-Ата, а также Пароу и т. д.

Атабайцы расселялись восточнее ак, главным образом в предгорной полосе Кюрен-Дага, в поселениях у родников Барслы, Обой, у источников близ Казанджика (Иджиры, Канов и др), в аулах Узун-Су, Искандер

[1] По данным Г. И. Карпова, подразделение чуккан относится к нурали. См.: Г. И. Карпов. Этнический состав туркмен, стр. 88.

[2] М. Н. Галкин. Этнографические и исторические материалы..., стр. 9; А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии, стр. 256; Н. Г. Петрусевич. Туркмены между старым руслом Аму-Дарьи (Узбоем)..., стр. 8; Г. И. Карпов. Этнический состав туркмен, стр. 88—89; «Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 г.», Асхабад, 1892, табл. 2.

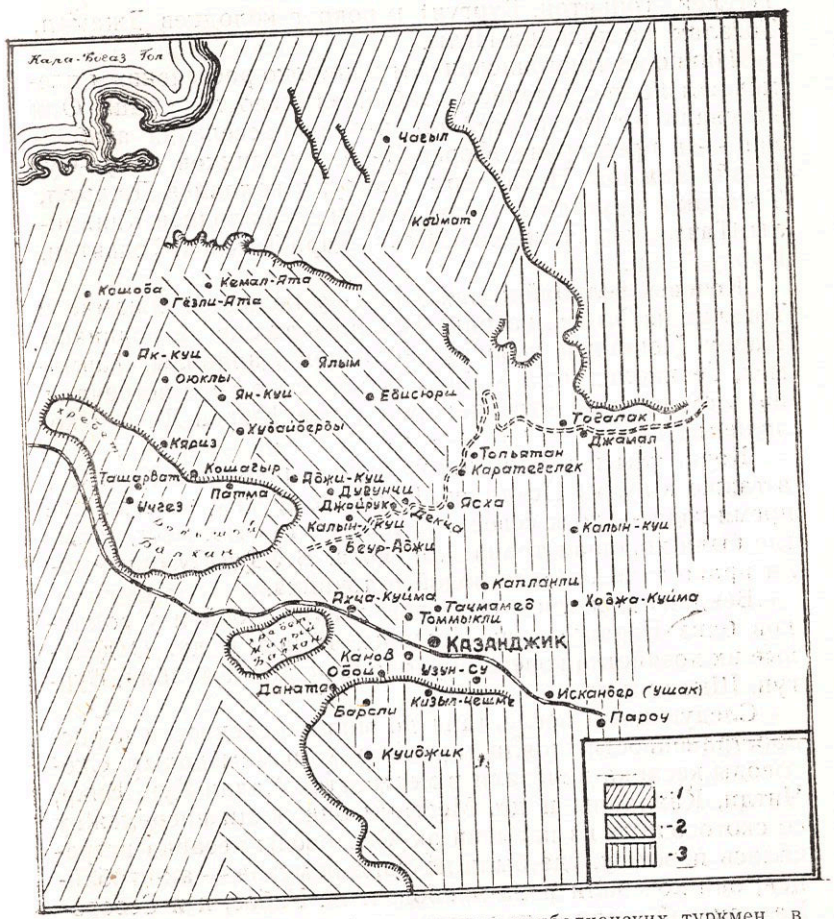

Рис. 1. Схематическая карта расселения прибалханских туркмен в конце XIX — начале XX в.:

1 — джафарбайцы; *2* — ак; *3* — атабайцы.

и Пароу, а также кочевали вокруг колодцев по якабои[1] (Капланлы, Тазе-Куи, Тачмамед, Гелинолен), озера Донгузаджи и других, по берегам Узбоя (озера Ясха, Кара-

[1] Линия колодцев от Ахча-Куйма до восточной границы кочевьев иомутов, расположенная на стыке между песками и такырами, называлась туркменами «якабойы», дословно — «вдоль песков», или «гумэтеги» — «подножье песков».

Тегелек, Топьятан, Бургун) и вокруг колодцев Джамал, Тогалак, до колодца Игды.

Наиболее многочисленным и широко расселенным племенным подразделением атабайцев было тире тана. Они кочевали почти по всей территории расселения атабайцев — в предгорьях Кюрен-Дага, у родников Узун-Су, Обой, Иджиры, Искандер и Пароу; у колодцев Джамал, Тогалак и других на Узбое, а также у колодцев Капланлы, Тачмамед, Гелинолен, Ясха, Кара-Тегелек, Топьятан, Бургун и др.

Кочевья велибайли находились у колодцев Джамал и Тогалак на Узбое, но они селились также у родников Пароу, Искандер и вокруг колодцев Капланлы, Тачмамед, Гелинолен и на Узбое. Людей этого тире встречали на всем пространстве между горами Кюрен-Дага и колодцем Игды.

Коушутлы кочевали летом около родников Узун-Су, а также в аулах Искандер, Пароу и других, в остальное время года — то к северу, то к югу от этих мест, там, где была хорошая трава для скота. В Узун-Су они имели право пользоваться водой источника.

Бекдашлы жили в основном в ауле Обой и у родников близ Казанджика: Иджиры, Канов и др. Отдельные их хозяйства кочевали около колодцев Карабай, Бургун, Шыгак и др.

Следующими после тана по многочисленности и распространенности стояли тире кесарка и мамедалык. Скотоводы кесарка кочевали в местностях Калан-Куи, Бикр, Читли, Капланлы и др. Местами они жили вперемежку со скотоводами из племени ак. Скотоводы кесарка встречались повсюду, где были кочевья иомутов — ак-атабайцев; они кочевали и на якабои, и на Узбое, и в Северо-Балханской степи и так далее, в частности в местности Кошагыр[1].

Племенное подразделение мамедалык имело два центра кочевий: одним из них был родник Барслы, другим — колодец Аджи-Куи за Большим Балханом. У колодца Аджи-Куи, по данным 1913—1914 гг., кочевало около 49 кибиток мамедалыков[2]. Мамедалыки по несколько кибиток жили также около колодцев Узун-Су, Искандер и др. Небольшое тире дугунчи кочевало вокруг колодцев Дугунчи, где находился их аул.

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 8100, л. 75.

[2] Там же.

Что касается всех остальных атабайских тире, то они были малочисленны и кочевали обычно вместе с другими племенными подразделениями. Тире темек и лабга жили в местностях Ок и Гяур, а также у колодцев Искандер, Ходжа-Куйма и т. д. Около колодца Гяур жили также скотоводы из тире даз, кесарка, тана, аширгок, мамедалык и т. п.[1]. Хозяйств в тире аширгок и сарыджалык было мало; они кочевали вместе с другими атабайцами в окрестностях Аджи-Куи и около предгорных аулов Кюрен-Дага.

Тире ак с двумя крупными подразделениями — узун-ак и киска-ак занимало земли к западу от атабайцев. Каждое из этих племенных подразделений имело собственные кочевья.

У подножья Кюрен-Дага, между родником Барслы и нынешним поселком Кум-Даг, и к северу от железнодорожного полотна расселялись иомуты — узун-ак. Центрами их кочевий были аулы у родника Даната и колодцев Ахча-Куйма, Джойрук и др. Узун-ак кочевали также около колодцев Беураджи, Декча и других на Узбое и Шорджа возле Малых Балханских гор.

Наиболее многочисленными из узун-ак были саковы и гок. Саковы жили в аулах у родника Даната, у колодца Ахча-Куйма и других. Кочевья гок находились у колодцев Джойрук и Декча на Узбое. Скотоводы из этого тире кочевали у колодца Шорджа и других Малого Балхана. Что касается хебибли, то в пределах Прибалханья они были малочисленны. Их хозяйства маленькими группами (по нескольку кибиток) кочевали вместе со скотоводами узун-ак.

Кочевья киска-ак располагались севернее железнодорожной линии вокруг колодцев Томмыклы, Калан-Куи, Джойрук, Декча, Капланлы, Тазе-Куи, Тачмамед и других на якобои и Узбое; Ян-Куи, Гезли-Ата и других в Забалханье; Едисюри, Карайылгын, Куйзешевур, Кемал-Ата и других между песками Чильмамедкумы и северными кырами.

Одними из многочисленных среди племенных подразделений киска-ак считались байлар. Они жили в местности Калан-Куи, Томмыклы на Узбое и Карайылгын, Дашде-

[1] Полевые записи Туркменской археолого-этнографической экспедиции (ТАЭЭ) МГУ за 1957 г. (хранятся в архиве кафедры этнографии исторического факультета МГУ), стр. 40.

шен на северных кырах; отдельные их хозяйства кочевали у колодцев Беураджи, Декча и других на Узбое. Основные кочевья ширмамедли находились у колодцев Капланлы, Тазе-Куи и Тачмамед. Ширмамедли кочевали также в местности Джойрук и около других соседних колодцев.

Племенное подразделение ёлма в пределах Прибалханья было немногочисленным. Они кочевали у колодцев Ёлма-Куи к западу от Даната и Дечка и других на Узбое. Основные кочевья ёлма были в местности Мадоу к югу от современного поселка Кум-Даг.

Племенные подразделения пеззе и кизылджа из киска-ак жили сравнительно компактно в селении Ян-Куи к северу от Большого Балхана. Здесь, по данным информаторов, летом собиралось до 70—80 кибиток скотоводов, по 35—40 кибиток от каждого тире. Кибитки каждого из двух тире считались отдельным аулом (оба) со своим старшиной.

Джафарбайцы, как уже отмечалось, занимали западную часть Прибалханья. Они расселялись западнее племени ак по поселениям Кяриз I, Огланлы, Ташарват, Учгез, Кошагыр, Патма, Порсы в предгорьях Большого Балхана; Худайберды, Оюклы, Дилезикли, Ак-Куи, Ирикли, Кошоба, Сюйли, Сюльмен в Северо-Балханской степи; Гок-Дере, Коймат, Донгра, Чагыл, Авламыш, Туер, Гоклен-Куи и другим в районе северных кыров.

В аулах, расположенных в предгорьях Большого Балхана, начиная от железнодорожной станции Джебел до колодцев Ак-Куи, Кошоба и других, кочевали различные племенные подразделения джафарбайцев: кельте, каринджик, кор, кем, панг, чуккан, торрик и др. Приблизительно можно выделить два центра кочевий джафарбайских тире: один — около селения Кяриз I (ныне поселок Огланлы), где преобладало тире каринджик, второй находился в группе кочевий Ак-Куи, Оюклы, Кошоба и других в Северо-Балханской степи. Здесь кочевали в основном тире кельте, кор, кем, торрик, панг и др. Племенное подразделение кор, например, кочевало у колодца Оюклы, где в 1913—1914 гг. насчитывалось 47 кибиток[1].

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 8100, л. 75.

Около колодцев, разбросанных к северу от песков Чильмамедкумы, на кырах кочевали главным образом бага, бехельке, каррови. В частности, бехельке занимали пастбища у колодцев Гок-Дере, Гоклен-Куи и др[1]. Бага имели два центра расселения: около колодцев Донгра и Чагыл на севере и у колодца Худайберды на юге. Они жили также в местности Огланлы и около других колодцев в этом районе.

* *
*

Царская администрация управляла туркменским населением Прибалханья через старшин (арчын) аульных обществ, на которые были разделены приставства и район вне приставств. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., в Прибалханье существовало шесть сельских обществ, причем четыре из них (Атабай I, Атабай II, Джафарбай I и Джафарбай II) находились в составе района вне приставств и два (Узун-Ак и Киска-Ак)—при Чикишлярском приставстве[2].

При определении кочевий каждого общества с целью удобства управления царская администрация исходила из исторически сложившихся мест расселения того или иного племенного подразделения. Об этом свидетельствует порядок территориального расположения перечисленных сельских обществ в Прибалханье в начале XX в. Так, например, общество Атабай I, судя по данным переписи 1917 г., имело 19 населённых пунктов с числом хозяйств 181 и общим населением в 1297 человек обоего пола и занимало восточную часть Прибалханья в окрестностях кяриза Пароу и колодцев к северу от него (Калан-Куи, Гяур и др.). Общество Атабай II (44 аула, 687 хозяйств, 5050 человек) было расположено северо-западнее общества Атабай I. В него входили аулы у родников Узун-Су, Обой и к северу от них, у колодцев Капланлы, Тезе-Куи, Тачмамед, Гелинолен, Он-Куи, Аджи-Куи, Дугунчи и других, а также Беураджи, Джойрук, Топьятан, Джамал, Тогалак на Узбое[3].

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 8100, л. 75.

[2] «Материалы Всероссийских переписей 1920 г. Перепись населения в Туркестанской республике, ч. 1, вып. 1. Поселенные итоги в Туркменской области». Ташкент, 1923, стр. 30—33.

[3] «Материалы Всероссийских переписей 1920 г.», стр. 30—31, 33; ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, л. 8100, л. 75.

Кочевья общества Узун-Ак (7 аулов, 105 хозяйств, 942 человека) размещались западнее общества Атабай II, у родника Даната и колодцев Ахча-Куйма, Декча и др. Общества Киска-Ак (9 аулов, 155 хозяйств, 1217 человек) имело свои кочевья севернее Узун-Ак, у колодцев Айдин, Бала-Ишем, Томмыклы, Чалой, Чильмамед, Шорджа и др[1]. Здесь также, как и в других обществах, расселялись подразделения тире ак.

По данным 1913—1914 гг., в общество Джафарбай I входили аулы Оюклы (тире кор — 47 кибиток), Худайберды (тире бага — 26 кибиток), Кошоба (тире хожда — 56 кибиток), Молла-Кара (тире эрсари — 9 кибиток) и др[2]. По данным переписи 1917 г., по этому обществу числилось уже 11 аулов (188 хозяйств) с населением 1500 человек. В числе их были аулы Аджигыр, Бугдайлы, Кара-Тенгир, Мамед-Таган, Молла-Кара и другие, расположенные за пределами Прибалханья. Что касается кочевьев общества Джафарбай II (18 аулов, 246 хозяйств, 1886 человек)[3], то большинство их находилось за пределами изучаемой территории (колодцы Курдолен — тире геокчели, Ибык — тире косели и др.)[4].

Район северных кочевий, Гок-Дере, Коймат, Едисюри, Алты-Куйрук, Чагыл, Гоклен-Куи и другие, где кочевали бага, бехельке, каррови, по данным 1913—1914 гг., входил в состав бехелькинского сельского общества[5].

Племенной состав и расселение прибалханских иомутов отмечаются в материалах по районированию Красноводского и Казанджикского районов в 1925—1927 гг. Данные комиссии по районированию характерны не только для середины 30-х годов, но и для более раннего времени, так как изменения, происшедшие в жизни прибалханских туркмен с конца XIX в. до начала коллективизации, не были значительными.

По новому административному делению, принятому в результате районирования ТССР в 1925—1927 гг., земли Прибалханья вошли в состав Казанджикского и Красноводского районов Полторацкого округа[6]. Вместо аульных

[1] «Материалы Всероссийских переписей 1920 г.», стр. 30—32; ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, л. 8100, л. 75.
[2] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 8100, л. 75.
[3] «Материалы Всероссийских переписей 1920 г.», стр. 30—32
[4] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 8100, л. 75.
[5] Там же.
[6] Там же, ф. 616, оп. 1, д. 1, л. 529.

обществ самыми мелкими территориально-административными единицами стали аульные советы. В Казанджикском районе в местах расселения иомутов — ак-атабайцев — было организовано четыре аульных совета (табл. 1)[1].

Таблица 1

Аулсоветы Казанджикского района

Аулсоветы	Административный центр (аул)	Число населенных пунктов	Число хозяйств	Число жителей	Расстояние от райцентра (в верстах)
Атабай I	Пароу	30	350	4000	50
Атабай II	Узун-Су	26	456	4000	16
Узун-Ак	Ахча-Куйма	15	385	3000	31
Киска-Ак	Ян-Куи	17	445	4000	150
	Итого	88	1636	15000	—

Но, согласно данным доклада уполномоченного ЦИК по состоянию районирования Казанджикского района Полторацкого округа (1925 г.), имеются другие сведения о численности населения (табл. 2)[2].

Таблица 2

Численность населения Казанджикского района

Аулсоветы	Число населенных пунктов	Всего	Мужчины	Женщины	Дети
Атабай I	31	4000	1300	1200	1500
Атабай II	26	4000	1000	1500	1500
Узун-Ак	17	3000	1000	750	1250
Киска-Ак	17	4000	1300	1200	1500
Итого	91	15000	4600	4650	5750

Как видно из приведенных данных, число населенных пунктов здесь указано большее, чем в табл. 1. Аулсоветы

[1] ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 28, л. 15; д. 93, л. 21.
[2] Там же, д. 27, л. 28—35.

Атабай I и Атабай II[1] расположены в восточной части Казанджикского района, а кочевья аулсоветов Узун-Ак и Киска-Ак занимали западную его часть.

Племенной состав аулсоветов Казанджикского района был следующий: аулсовет Атабай I объединял атабайские племенные подразделения тана, темек и другие, а также ата[2], которые жили среди иомутов главным образом в ауле Пароу. В него входили 30 населенных пунктов, наиболее крупные из них отмечены в табл. 3[3].

Таблица 3

Аулсовет Атабай I

Населенные пункты	Число хозяйств	Расстояние от административного центра (в верстах)
Пароу (адм. центр)	45	—
Ушак (Искандер)	15	18
Кыраден	33	15
Даз-Куи	15	55
Калан-Куи	15	80
Черкезли	40	55
Кара-Тегелек	8	80
Аджи-Куи	10	75
Итого	181	—

В составе аулсовета Атабай II кочевали следующие племенные подразделения атабайцев: кесерка, мамедалык, каратана, аширгок, дугунчи и др.[4] Численность хозяйств кесарка и мамедалык, согласно данным материалов районирования ТССР, составляла около 200 кибиток[5]. В административном центре аулсовета ауле Узун-Су в мае 1925 г. сосредоточивалось до 30 кибиток с населением около 200 человек. В основном здесь жили иомуты каратана и мамедалык[6].

[1] Список населенных пунктов см.: ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 93, л. 25—26 (Атабай I), л. 27—28 (Атабай II).
[2] ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 27, л. 8—9, 28—35; д. 124, л. 25; д. 24, л. 80.
[3] Там же, д. 93, л. 25—26.
[4] Там же, д. 27, л. 8—9; 28—35, 37; д. 124, л. 25.
[5] Там же, д. 27, л. 41.
[6] Там же, л. 43.

На землях аулсовета Атабай II, в состав которого входило 25 населенных пунктов, кочевало в 1925 г. 316 хозяйств (табл. 4)[1].

Таблица 4

Аулсовет Атабай II

Населенные пункты	Число хозяйств	Расстояние от административного центра (в верстах)
Узун-Су (адм. центр)	30	—
Каноу	16	14
Ушак (Искандер)	30	20
Готдин	8	25
Капланы	10	26
Тачмамед	30	30
Чильмамед	11	33
Шигак	15	35
Карабай	9	30
Донгузаджи	3	30
Гелинолен	30	40
Он-Куи	20	45
Велтикли	28	45
Аджи-Куи	40	85
Калан-Куи	17	83
Джойрук	16	75
Декче	3	65
Итого	316	—

В некоторых перечисленных выше населенных пунктах жили скотоводы и того и другого аулсовета. Например, в ауле Ушак (ныне Искандер) летом 1925 г. кочевало 13 кибиток тана из аулсовета Атабай I, а из Атабай II — 57 кибиток мамедалыков и кесарка[2].

В аулсоветы Узун-Ак и Киска-Ак входили тире ак, разделенные на мелкие группы. В Узун-Ак кочевали хебибли, саковы, ёлма и др. (табл. 5)[3].

Аулсовет Киска-Ак населяли ширмамедли, байлар, пеззе, кизылджа, а также гок из узун-аков[4].

[1] ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 93, л. 27—28; д. 27, л. 36—37, 47.
[2] Там же, д. 27, л. 38—39.
[3] Там же, л. 8—9, 28—35; д. 24, л. 25, 92.
[4] Там же, оп. 1, д. 27, л. 1, 8—9, 28—35; д. 124, л. 25.

Таблица 5

Аулсовет Узун-Ак[1]

Населенные пункты	Число хозяйств	Расстояние от административного центра (в верстах)
Расположение к югу от железнодорожной линии		
Ахча-Куйма (адм. центр)	20	—
Даната	60	30
Елма-Куи	50	39
Куиджик	22	35
Барслы	30	25
Айдин	26	30
Ярыклы	18	50
Кара-Ишем	15	60
Расположение к северу от железнодорожной линии		
Читли	15	16
Кызпара	16	30
Тамдырлы	20	34
Ак-Яйла	12	39
Сенгираджи	20	49
Беураджи	15	50
Алты-Куи	2	24
Итого	341	—

В состав аулсовета Киска-Ак в 1925 г. входил ряд населенных пунктов, расположенных к северу от железнодорожной линии (табл. 6)[2].

В этих местах скотоводы кочевали у колодцев с апреля по сентябрь, после чего они, как и другие скотоводы, перекочевывали на зимовку частью на юг — в горы или на Атрек, частью на север — в глубь песков[3].

Позднее, в 1927 г., вместо аулсовета Киска-Ак Казанджикского района был создан новый аулсовет под названием Кизылджа с административным центром в том же ауле Ян-Куи, который был передан в Красновод-

[1] ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 93, л. 27—28; д. 24, л. 92.
[2] Там же, д. 93, л. 27; д. 27, л. 1, 4.
[3] Там же, д. 27, л. 1, 29.

Таблица 6

Аулсовет Киска-Ак

Населенные пункты	Число хозяйств	Расстояние от административного центра (в верстах)
Ян-Куи (адм. центр)	30	—
Оюклы	12	30
Гезли-Ата	15	60
Куиджик	50	40
Огланлы	10	40
Аджи-Куи	20	50
Кошагыр	10	30
Дашдешен	40	60
Едисюри	13	60
Дугунчи	40	67
Даз-Куи	26	120
Бикр	12	85
Калан-Куи	30	81
Томмыклы	50	120
Чалой	25	100
Беураджи	47	67
Ак-Куи	15	70
Итого	445	

Таблица 7

Аулсовет Кизылджа[1]

Населенные пункты	Число колодцев	Число хозяйств	Число жителей	Расстояние от административного центра (в верстах)
Ян-Куи (адм. центр)	10	30	150	—
Ортатакыр	1	10	50	10
Софы	3	15	80	30
Оюклы	12	10	40	35
Ак-Куи	8	5	20	60
Огланлы	5	5	18	40
Кяриз	3	10	30	40
Куиджик	2	14	60	40
Гезли-Ата	12	10	35	55
Кемал	9	3	10	60
Булмудзур	1	3	10	120
Кукурт	13	3	15	120
Ташорфа	4	2	15	130
Кошагыр	8	6	50	45
Итого	91	126	583	—

[1] ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 121, л. 1—3, 5.

ский район. В состав вновь образованного аулсовета Кизылджа входили 14 аулов, населенных киска-ак (табл. 7).

В ходе районирования ТССР в 1925—1927 гг. в степях вокруг Большого Балхана, включая Северо-Балханскую степь и область северных колодцев (Гок-Дере, Коймат, Донгра, Чагыл, Гоклен-Куи и др.), было организовано три аульных совета при Джебельской волости Красноводского района с административными центрами: Бага-Бехельке, Кор-Чуккан, Кельте-Каринджик (табл. 8)[1].

Таблица 8

Аулсоветы Джебельской волости

Аулсоветы	Административный центр (аул)	Число населенных пунктов	Число хозяйств	Число жителей	Расстояние от Джебела (в верстах)
Бага-Бехельке	Худайберды	14	500	3000	70
Кор-Чуккан	Ахун-Оба	26	500	3000	8
Кельте-Каринджик	Ятык	35	410	2500	16
	Итого	75	1410	8500	—

На землях этих аулсоветов кочевали джафарбайцы: бага, бехельке, каррови-гулак, кельте, каринджик, кор, чуккан, тумоч, кизыл, караджа, панг, кем, огурджалинцы (недим, герей, кенан и др.), ходжа и др.[2]

Самым многочисленным в аулсовете Бага-Бехельке были бага (100 хозяйств, 500 человек), бехельке (150 хозяйств, 750 человек), ходжа (125 хозяйств, 625 человек) — всего 445 хозяйств с 2225 жителями[3].

На территории аулсовета Бага-Бехельке наиболее известными кочевьями были следующие: Худайберды, Кошагыр, Патма, Кемал-Ата, Едисюри, Куйзешевур, Алтыкуйрук, Гок-Дере, Коймат, Донгра, Чагыл, Авламыш, Туер, Каррови-Джирла, Гоклен-Куи и другие, которые располагались у одноименных колодцев[4]. Скотоводы кочевали в этих местах круглый год. Кочевья их на севере доходили до залива Кара-Богаз-Гол и границы Ташаузского округа, на западе граничили с землей туркмен-шихов Шихской волости, на востоке — с кочевьями аулсоветов Кор-Чуккан и Кельте-Каринджик (табл. 9)[1].

[1] ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 28, л. 17; д. 93, л. 19; д. 24, л. 45—48; д. 26, л. 17—19.
[2] Там же, д. 26, л. 25.
[3] Там же, д. 1, л. 522; д. 87, л. 305.
[4] Там же, д. 24, л. 45—47; д. 26, л. 17; д. 93, л. 31.

Таблица 9

Численность населения аулсовета Бага-Бехельке

Населенные пункты	Число кибиток	Мужчины	Женщины
Худайберды (адм. центр)	44	124	100
Кошагыр	30	126	78
Патма	7	23	18
Едисюри	15	38	36
Алтыкуйрук	25	72	86
Куйзешевур	33	93	69
Кемал-Ата	15	30	26
Коймат	38	109	98
Гок-Дере	17	43	36
Каррови-Джирла	12	31	28
Донгра	6	16	15
Чагыл	8	23	26
Авламыш	8	23	20
Туер	12	32	28
Гоклен-Куи	25	80	68
Дахлы	20	42	48
Итого	315	905	780

В аулсовете Кор-Чуккан числилось 26 населенных пунктов (табл. 10)[2]. Большинство населения аулсовета составляли кор и чуккан. Племенной состав населения аулсовета по количеству кибиток был таков: кор — 100, чуккан — 120, тумоч — 30, кизыл — 25, панг — 25, эрсари — 20, махтум — 20, караджа — 5, ходжа — до 100, киргизы (казахи) — до 50 кибиток[3]

В состав аулсовета Кельте-Каринджик входило 35 населенных пунктов. Население его составляли главным образом два племенных подразделения джафарбайцев,

[1] ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 28, л. 20—25.
[2] Там же, д. 93, л. 33.
[3] Там же, д. 24, л. 48; д. 26, л. 19.

Таблица 10

Численность населения аулсовета Кор-Чуккан[1]

Населенные пункты	Число хозяйств	Мужчины	Женщины
Ахун-оба (адм. центр)	60	34	28
Аккуи	—	—	—
Ирикли	20	60	45
Дилезикли	20	47	34
Кошоба I	8	23	38
Кошоба II	8	40	27
Кошоба III	9	29	51
Сюйли	35	—	—
Гезли-Ата	66	195	159
Ходжа-Куи	15	32	34
Порсы	21	50	54
Патма	25	52	38
Караилем	20	42	36
Огланлы	17	56	44
Чалой	10	24	20
Ушак	12	42	36
Балла-Ишем	15	28	32
Кутал	20	52	67
Тагир	12	34	24
Кучек	10	28	24
Карадурун	25	46	38
Атчешме	35	84	78
Молла-Кара	20	56	49
Мамедтаган	58	138	163
Итого	541	1192	1119

по именам которых и назван аулсовет[2]. Тире кельте со своими мелкими группами насчитывало 130—150 кибиток, которые кочевали вокруг колодцев Белек, Удек, Орфа I, Кошоба I, Ер-Ойлан, Терсакан, Демирджен, Язгишем, Суремчек и т. д. Тире каринджик, как уже отмечалось, подразделялось на мелкие группы: косели (90 кибиток) кочевали по колодцам Кошоба II, Гурджи, Гезли-Ата, Терсакан; геокчали (35 кибиток) — по колодцам Кара-Куи, Сары-Куи, Эльбиш, Ниязмурад-Куи, Аманусга, Эмир-Куи и другим;аннакурбанлы (55 кибиток) — по колодцам Сюйли, Сюльмен, Ушак, Кукурт, Орфа II; саятлы (80 кибиток) кочевали по колодцам Касын, Аджигыр, Курт-Куи, Янгаджа, Шаатлы, Камышлы, Ятык, Узунакар и т. д.[1]

Точных границ между кочевьями перечисленных выше трех аулсоветов не существовало, так как во время сезонных перекочевок на новые пастбища скотоводы переходили с земель одного аулсовета на земли другого. Этим объясняется то, что названия некоторых аулов повторяются одновременно в составе нескольких аулсоветов. Так же обстояло дело и с жителями других аулсоветов.

В заключение следует отметить, что этнический состав, племенное деление и расселение прибалханских иомутов, сложившиеся в описанном выше виде еще в XIX в., оставалось без особых изменений до начала XX в.

[1] ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 28, л. 20—25.
[2] Там же, д. 93. л. 31—32.

[1] ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 24, л. 47—48; д. 26, л. 18; д. 1, л. 522.

ГЛАВА II

ХОЗЯЙСТВО ПРИБАЛХАНСКИХ ТУРКМЕН В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX в.

Основным занятием населения Прибалханья в XIX в. было животноводство, основанное на круглогодичном пастбищном содержании скота. Ведущую роль в хозяйстве играло овцеводство и верблюдоводство. Земледелие было распространено мало и имело подсобное значение. Довольно широкое распространение уже издавна имели различные домашние производства, не принявшие, однако, вида ремесленных промыслов.

Скотоводство

В Прибалханье можно выделить две основные скотоводческие области: Большой Балхан и его окрестности и пастбища, прилегающие к Казанджику. Первая из них включает горный кряж и пустынную равнину, которая тянется к северу от Большого Балхана до южных пределов Хивинского оазиса и состоит из Северо-Балханской степи и северных кочевий иомутов у колодцев Гок-Дере, Коймат, Чагыл и др. На востоке ее граница проходит по колодцу Аджи-Куи. Предгорья Большого Балхана и Северо-Балханская степь, включая и северные кочевья, являются северо-западным ареалом кочевания прибалханских туркмен.

Вторая область лежит восточнее. С юга она ограничена горами Кюрен-Даг, а с севера—колодцами по руслу

Узбоя (Джамал, Тогалак и др.). На востоке ее граница проходит недалеко от Кизыл-Арвата. Здесь находится восточный ареал кочевий прибалханских туркмен.

В окрестностях Большого Балхана расположены следующие кочевья скотоводов: в предгорьях Большого Балхана —Кяриз I и Кяриз II, Огланлы, Кошагыр, Патма, Порсы и т. д., в Северо-Балханской степи—Ак-Куи, Оюклы, Ян-Куи, Худайберды, Аджи-Куи и т. д. и на северных кырах—Гезли-Ата, Кемал-Ата, Гок-Дере, Коймат, Чагыл и др. Предгорья Балхан и Северо-Балханская степь издавна славились как хорошие пастбища и могли использоваться скотоводами в разное время года.

Предгорья Балханских гор и Кюрен-Дага снабжены пресной водой значительно лучше, чем пустынно-равнинная степь, наряду с колодцами имеются многочисленные родники, кяризы и мелкие горные ручейки. Поэтому там сосредоточивались самые крупные летние стоянки (яйлаги) скотоводов.

Северо-Балханская степная полоса шириной примерно в 20—40 км, лежащая между Большим Балханом и песками Чильмамедкумы, отличалась высоким качеством пастбищ. Весной степь покрывалась сочной зеленью — лучшим подножным кормом для скота. Главными водными источниками здесь были колодцы, расположенные цепью вдоль границы песков и степи на различных расстояниях друг от друга. На такырах имелись также естественные и искусственные водоемы (хаузы).

Северные кочевья располагались на глинистых кырах, на которых хорошо произрастали кормовые травы. По сведениям туркмен-информаторов, вокруг колодцев Гок-Дере, Коймат, Чагыл селились скотоводы-иомуты из тире бага, бехельке, каррови и др. Здесь было сильно развито верблюдоводство.

В XIX в. скотоводы предгорий Большого Балхана и прилегающей к нему равнины имели обширную область кочевий, лежавшую между колодцами Донгра, Чагыл и другими на севере и реками Атрек и Гурген на юге. Большую часть года они кочевали на севере и только к зиме перекочевывали на юг к Атреку и Гургену, где зима теплее и больше корма для скота.

Восточные кочевья иомутов вокруг Казанджика со-

стояли из двух подрайонов: предгорной полосы Кюрен-Дага, включая и степную полосу к северу от нее, и Западного Узбоя. В предгорной и степной полосе располагались летние кочевья (яйлаги) скотоводов ак-атабайцев: у родников Даната, Барслы, у источников близ Казанджика (Иджиры, Канов и др.), Узун-Су, Искандер (Ушак), Пароу (в предгорной полосе Кюрен-Дага), у колодцев Ахча-Куйма, Джойрук, Томмыклы, Капланлы, Тазе-Куи, Он-Куи, Тачмамед, Гелинолен, озер Донгузаджи, Калан-Куи, Бикр, Читли, Шорджа, Дугунчи, Ходжа-Куйма, Йылгынлы, Ок, Гяур и др.

По Западному Узбою наряду с колодцами Джамал, Тогалак и другими имеются пресноводные озера Ясха, Кара-Тегелек, Топьятан, у которых располагались крупные кочевья иомутов. Берега Узбоя богаты подножным кормом для скота. По дну сухого русла растут травы и камыш, образуя густые заросли. Зимние пастбища иомутов-скотоводов располагались к югу от Кюрен-Дага. Более зажиточные скотоводы из аулов предгорной полосы (как и приузбойские) на зиму откочевывали на юг, к Атреку, а летом возвращались. Менее зажиточные кочевали на небольшом расстоянии от колодцев.

Во второй половине XIX в. в использовании туркменами пастбищ произошли некоторые изменения. Так, по словам старика-информатора Б. Мергенова, прибалханские иомуты еще 90—100 лет тому назад (до 60—70-годов XIX в.) не кочевали далеко на север от колодцев Гезли-Ата, так как казахи Мангышлака, жившие к северу от туркмен, враждовали с ними и не пускали их к северным колодцам на кырах. Некоторые трения между туркменами и казахами продолжались и в третьей четверти XIX в. Об этом свидетельствуют данные архивных документов и обзоров Закаспийской области. Так, например, в рапортах начальника Красноводского уезда капитана Карпинского начальнику Закаспийской области от 14 июля 1892 г. и от 18 августа 1893 г. и в других документах сообщается о столкновениях, имевших место между казахами и туркменами из-за пастбищ, водных источников, и о вытеснении постепенно казахами туркмен с их пастбищ, а также о необходимости определения точной границы между кочевьями туркмен и казахов[1].

В рапорте от 14 июля 1892 г. дается описание намечаемой границы кочевий казахов и туркмен, которая должна была проходить от Кара-Богазского залива через колодцы, включая Гезли-Ата, Кемал-Ата, Дашдашен и др. Земли к северу от намеченной линии вместе с колодцами отводились под пастбища казахам, а к югу — в пользование туркмен. В том же документе сообщается, что казахи не признали эту границу и претендовали на туркменские пастбища. В результате казахи вытеснили туркмен с их исконных пастбищ у колодцев Гурджи, Кошоба, Сюйли, Сюльмен и т. д. Туркмены-иомуты требовали возвращения им колодцев. В том же рапорте описывается случай столкновения под Огланлы казахов и туркмен[2].

Столкновения между казахами и туркменами из-за пастбищ, водных источников и угона скота у туркмен, а также из-за вытеснения казахами туркмен с их пастбищ к югу от железнодорожной линии продолжались и в следующие годы, о чем свидетельствуют многие архивные документы[3]. Так, в рапорте начальника Красноводского уезда от 18 августа 1909 г. говорится об усиливавшемся вытеснении казахами Мангышлакского уезда и Уральской области иомутов-джафарбайцев и атабайцев, населявших районы Балханских гор и Узбоя, с их пастбищ[4].

В «Обзоре Закаспийской области за 1893 г.» говорится, что при существующей условной границе кочевок туркмен и казахов туркмены лишались возможности пользоваться самыми лучшими пастбищами и колодцами: Чагыл, Авламыш, Туер, Кумсебшен и т. п. Казахи предпринимали даже попытки захватить пастбища туркмен за линией железной дороги, в районе Кара-Калинского приставства и Атрека. Администрация Красноводского уезда принимала меры к тому, чтобы преградить путь казахам на юг и поставить туркмен-иомутов в поло-

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 5245, л. 1—2; д. 5086, л. 23—25; д. 7828, л. 23; «Обзор Закаспийской области за 1893 г.», стр. 8—9.
[2] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 5245, л. 1—2.
[3] Там же, д. 5086, л. 23—25; д. 7828, л. 23.
[4] Там же, д. 5086, л. 24—25.

жение меньшей зависимости от зимовок по Атреку и Гургену[1].

Судя по сведениям информаторов, скотоводы-иомуты Прибалханья в 90-х годах XIX в. зимой перестали перекочевывать к Атреку и Гургену и оставались зимовать в Прибалханье.

Отчасти это было связано с сокращением поголовья скота. По рассказу информатора, более пятидесяти лет тому назад в «ит йылы» (год собаки) зимой ударил большой мороз и пало много скота. Больше всего пострадал мелкий рогатый скот, значительные потери были и среди верблюдов. Это событие сохранилось в памяти туркмен-иомутов под названием «гызыл гай», или «гара хазан». Большая часть кочевников стала зимовать в пределах Прибалханья и осваивать новые места зимних пастбищ в пустынях и горных долинах.

Пастбища

Прибалханье богато пастбищными угодьями с хорошим подножным кормом и обеспечено водой. В зависимости от расположения и наличия подножного корма пастбища можно подразделить на степные, пустынные, горные и пастбища на кырах (рис. 2).

Степные пастбища считались лучшими по качеству подножного корма. К их числу относятся Северо-Балханская степь (хотя она по кормовым травам ближе подходит к пастбищам на кырах и в схематической карте пастбищ отнесена к ним), предгорная степная полоса и такыры между Кюрен-Дагом и песками. Эта местность называется туркменами «аркач», что в переводе означает «за горами», «северная сторона гор».

Степные пастбища, где располагались яйлаги (летние поселения), ограничены на юге горными хребтами Большого Балхана и Кюрен-Дага, а на севере — песками Чильмамедкумы и Каракумы. Горные цепи не пропускают туда летом сухих и жарких южных ветров. Поэтому здесь, особенно в Северо-Балханской степи, климат летом мягче и прохладнее, чем в других областях Прибалханья. Но зато зима здесь значительно холоднее, чем к югу от гор.

[1] «Обзор Закаспийской области за 1893 г.», стр. 8—9; ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 5086, л. 24—25.

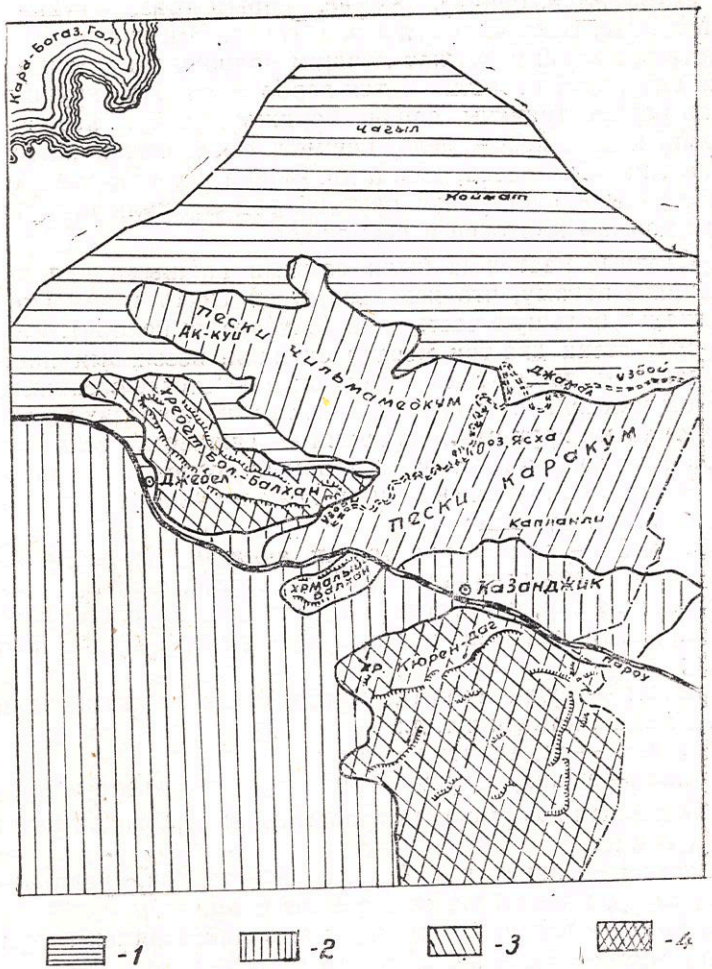

Рис. 2. Схематическая карта ландшафтных зон и пастбищных угодий Прибалханья:
1 — пастбища на кырах; *2* — степные; *3* — пустынные; *4* — горные пастбища.

На равнинно-степных пастбищах Прибалханья в большом количестве растут различные виды кормовых трав — однолетних и крупных многолетних. Это прежде всего однолетние травы йылак, арпаган, гыртыч, чомуч,

гызыл-гузалак, буйназ, аживе, сарысолмаз, гуйшик, суйтлидже, чаканчилик, япыр, атганат. Эти травы вырастают весной и служат лучшим подножным кормом для овец, коз, отчасти — для верблюдов. Из крупных трав распространены ёвшан, борджак, титр, кевреик, селин, яндак, кесме, деле, пешмек, сыза, чоган, кетген, сазак, кандым, созен, чети и др. Ёвшан и некоторые другие травы и кустарники круглый год служили подножным кормом для овец и верблюдов.

Степные пастбища были самыми важными для кочевников потому, что использовались скотоводами Прибалханья большую часть года (с марта по ноябрь). Равнинные степи два-три месяца служили весенними пастбищами и шесть-семь месяцев — летне-осенними. Летом и осенью скот питался остатками высохших весенних трав и крупными травами — ёвшаном, селином, черкезом, сазаком и т. д. Основными кормовыми травами, которыми питались овцы и козы в разное время года, были следующие:

весной — однолетние травы: арпаган, гыртыч, йылак, чомуч, гызыл-гузалак, буйназ, елмик, адживе, чаканчилик, япыр, атганат и ряд других, из крупных трав: ёвшан, титр, кевреик, селин, кесме, деле, борджак и т. д.;

летом — сухие травы и черкез, сазак, кандым, сыза, чети, яндак, камыш и т. д.;

осенью — те же, что и летом;

зимой—ёвшан, кевреик, борджак, селин, деле и др.

Основными кормовыми травами для верблюдов были следующие:

весной — арпаган, буйназ, гызыл-гузалак, чаканчилик, япыр, мавыгулли, сарысолмаз и др.;

летом — чоган, кетген, черкез, яндак, пешмек и др.;

осенью — титр, кевреик, черкез и др.;

зимой — ёвшан и те же, что и осенью.

Пустынные пастбища находились в Чильмамедкумах и Каракумах и по размерам были самыми значительными в Прибалханье. Расположены они между северными кырами и предгорной степной полосой Большого Балхана, Малого Балхана и Кюрен-Дага.

В пустыне зимой теплее, чем на равнине, от холодных ветров можно укрыться в ложбинах между большими песчаными барханами. Кормовые травы здесь были те же, что и на равнине, но с некоторыми отличиями. Так, в пустыне селин крупнее, чем в степи; там больше сазака, кандыма, черкеза и других кустарниковых растений. На Узбое местами растут камыш, гребенчук, гыратан, яндак и другие растения.

Пустынные пастбища использовались кочевниками главным образом для зимовки скота. В меньшей степени здесь пасли скот весной и летом. Особенно хороши пустынные пастбища для зимней пастьбы верблюдов. Об этом свидетельствуют данные «Обзора Закаспийской области за 1893 г.», где говорится, что пески Прибалханья разделены руслом Узбоя на две части: западные (Кукурджакумы) и восточные (Чильмамедкумы). «Пески эти, кажущиеся на первый взгляд безжизненными, — отмечается в «Обзоре», — на самом деле являются чуть ли не самыми удобными местами как для летовок, так и в особенности для зимовок»[1].

Особенно хорошими пастбищами были обширные такыры, разбросанные между высокими песчаными буграми. Долина Узбоя и песчаные пустыни, простиравшиеся по обоим его берегам, также служили кочевникам хорошими летними и зимними пастбищами[2].

Пастбища на кырах расположены в северной части Прибалханья, к северу от пустынных пастбищ. Здесь летом прохладно и здоровый климат, но зима очень холодная, с сильными ветрами, постоянно дующими с севера и северо-востока. Осадков в виде дождя и снега выпадает здесь больше, чем в Южном Прибалханье.

Кыры — глинистая, каменистая, местами холмистая местность. На них хорошо произрастают различные травы, идущие на подножный корм для всех видов скота и в первую очередь — для верблюдов. Наряду с мелкими однолетними травами (йылак, арпаган, гыртыч, чомуч и др.) кыры богаты такими травами, как титр, кевреик, яндак, ёвшан, борджак, селин, сазак и др. Из них особенно титр, кевреик, яндак служили хорошим кормом для верблюдов. Поэтому в Северном Прибалханье, как уже отмечалось, верблюдоводство было развито больше, чем

[1] «Обзор Закаспийской области за 1893 г.», стр. 28.

[2] Там же, стр. 28—29; Приложение № 1.

в других местностях. На кырах скот пасли главным образом весной, когда кыры покрывались свежей травой, и в летне-осенний сезон, но иногда и в зимнее время. Как говорится в «Обзоре Закаспийской области за 1893 г.», наилучшими местами для летних и зимних кочевок в этом районе считались окрестности колодцев Туер, Авламыш, Чагыл, Секиз-Хан и Кумсебшен[1].

Горные пастбища в Прибалханье располагались в горных долинах и ущельях Большого и Малого Балхана и Кюрен-Дага, в гористой местности на севере Прибалханья (в горах Эрсари-баба, Текеджик и т. д.) и на плоскогорьях Большого Балхана и Кюрен-Дага. Летом в горах, как и на кырах, прохладнее, чем на равнине, а зимой холоднее. Высокогорные пастбища покрывались зимой толстым снежным покровом.

Кормовые травы на горных пастбищах те же, что на кырах и равнине. Кроме того, здесь растут арча, гребенчук и различные кустарники. Горные пастбища по плоскогорьям использовались прибалханскими туркменами главным образом летом и осенью, а горные долины и ущелья, защищенные от холодных ветров,—для зимовки скота. В «Обзоре Закаспийской области за 1893 г.» сообщается, что Большой Балхан, Секи-Даг и их окрестности были лучшими местами для летовок и зимовок в районе уезда вне приставств. Верхними плато этих гор пользовались только летом, зимой они заносились снегом[2].

У скотоводов Прибалханья существовала своеобразная система пользования пастбищными угодьями. По единодушному утверждению всех опрошенных старожилов-туркмен, в Прибалханье в XIX—начале XX в. частной собственности на пастбища не существовало. Пастбища находились в пользовании всего кочевого населения и ими могли пользоваться все скотоводы на равных правах.

Как сообщают старики-информаторы, пастбищ в Прибалханье было достаточно и хватало всем скотоводам. Поэтому из-за пастбищ не было столкновений ни между отдельными хозяйствами, ни между отдельными туркменскими группами. Недоразумения происходили

[1] «Обзор Закаспийской области за 1893 г.», стр. 22.

[2] Там же, стр. 25.

только между туркменами и казахами. Об этих столкновениях сообщается в архивных документах и в «Обзорах Закаспийской области», о чем уже говорилось выше.

По туркменским обычаям никто из скотоводов, включая и более зажиточных хозяев, не имел права прогнать кого-либо с пастбища, так как они ни за кем не закреплялись ни на постоянное, ни на временное пользование на условиях частной собственности.

Только в начале XX в. отдельными информаторами отмечаются редкие случаи попыток со стороны зажиточных скотоводов закрепить за собой пастбища, расположенные вокруг их колодцев. Но такие люди осуждались остальными скотоводами.

Так, например, один из информаторов (Г. Джемеров) говорил, что бай, владевший колодцем, не имел права распоряжаться пастбищами вокруг него. Если он пытался сделать это, то начинались скандалы, драки и т. п. Как сообщил информатор К. Дашбердиев, он слышал от стариков, что по туркменскому обычаю не полагалось никого выгонять с пастбищ. То же самое сообщает другой информатор, К. Аманниязов.

Известно, что группы скотоводов (тире и их подразделения) имели в Прибалханье постоянные места кочевий, прежде всего в летне-осеннее время пастьбы скота, когда все скотоводы собирались у своих колодцев и других водных источников. Но пастбища не считались их частной собственностью. Только незадолго до первой мировой войны пастбища, окружающие частные колодцы отдельных зажиточных скотоводов стали, хотя и неофициально, закрепляться за ними. Входит в силу обычай, что там, где находились колодцы отдельных скотоводов или какой-то скотоводческой группы, другие скотоводы без их разрешения не могли рыть себе колодцы. Например, скотоводы кесарка жили у колодца Аджи-Куи. Когда сюда пришли люди из бехельке и хотели копать поблизости колодец, то кесарка прогнали их. Но потом бехелькинцы явились опять с тем же намерением и добились своего.

Этот пример убедительно свидетельствует о том, что пастбища в Прибалханье не считались частной собственностью зажиточных хозяев или групп скотоводов. Об-

щинное пользование той или иной скотоводческой группы определенными пастбищами, расположенными вокруг их колодцев, признавалось обычаем, но пользование не считалось безусловным. Определенный порядок в использовании пастбищ был необходим в интересах скотоводческого хозяйства, чтобы скотоводы не мешали друг другу во время пастьбы скота и не теснились на пастбищах. Это касалось прежде всего пастьбы скота в летние месяцы. Зимой и весной кочевникам были открыты везде и всюду широкие просторы.

Таким образом, в рассматриваемое время в Прибалханье не только не сложилась частная собственность на пастбища, но и закрепление пастбищ за отдельными кочевыми группами было условным и легко нарушалось. Объяснение этому следует прежде всего искать в кочевых традициях, а также в том, что пастбищ в Прибалханье имелось в достаточном количестве и их хватало всем скотоводам.

Водоснабжение

В условиях безводной пустыни и степей Прибалханья водные источники (колодцы и др.) играли большую роль в жизни кочевников-скотоводов, от них зависела судьба кочевого скотоводческого хозяйства. В Прибалханье, где нет рек и ручьев, водоснабжение скотоводов осуществляется в основном из колодцев. Их вода служила как для питья, так и для водопоя скота. Колодцы сосредоточивались главным образом на такырах вдоль границы песков Каракумов и Чильмамедкумов, а также по Узбою. Помимо колодцев, в подгорной полосе Большого Балхана и Кюрен-Дага имелись кяризы и родники, берущие начало с гор, а в степи — естественные и искусственные водоемы — хаузы.

Колодцы, расположенные вдоль песков и в пустыне, гораздо глубже, чем в предгорной полосе и на Узбое, где водоносный слой лежит ближе к поверхности земли. Глубина колодцев в среднем от 10—15 до 20 сажен (гулач), но в некоторых местах еще больше. Колодцы были выложены внутри деревом или камнем. Возле колодцев из камня делались корыта (ахыр) для водопоя скота (рис. 3). Глубокие колодцы сооружались специальными

мастерами по строительству колодцев и кяризов, обычно иранцами или курдами, реже — туркменами-текинцами. Информаторы говорят, что иомуты сами не умели строить глубокие колодцы. Большинство колодцев существовало в Прибалханье издавна, еще до переселения сюда иомутов. Возможно, что частично они были сооружены атинцами, о чем свидетельствуют названия некоторых колодцев (например, Гезли-Ата, Кемал-Ата, Огланлы-Ата, Дана-Ата и т. п.).

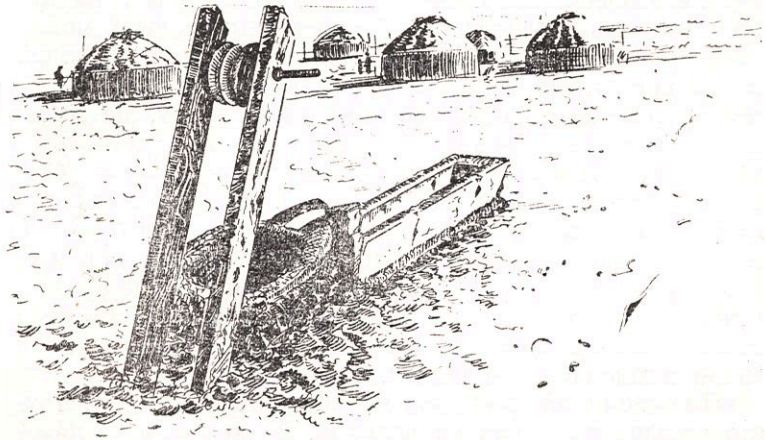

Рис. 3. Общий вид колодца с каменным корытом «ахыр» для водопоя скота.

В большинстве колодцев вода была солоноватая или горько-соленая и годилась только для поения скота. Колодцев с пресной водой было мало. В некоторых аулах, где колодцы отсутствовали, жители привозили питьевую воду из соседних кочевий. Так, например, в ауле Оюклы воду привозили из Ак-Куи, а в Аджи-Куи — из колодца Даната, расположенного у подножья Большого Балхана.

Колодцы в большинстве своем находились во владении частных лиц из числа богатых и зажиточных скотоводов. Колодцы считались «мюльком», то есть собственностью тех, кто ими владел. Они переходили по наследству от отца к сыну, брату и близким родным по отцовской линии. Хозяева колодцев могли их продать, пода-

рить кому-либо и т. д. Однако случаев продажи колодцев в XIX веке было очень мало.

По древнему обычаю, нельзя было никого лишать права пользоваться водой из колодцев. По народным представлениям, чем больше брали воды из колодца, тем лучше он становился. Пользование чужаками водой из колодцев рассматривалось как богоугодное дело (согаб). Но если воды в колодце становилось мало и ее не хватало, то чужим не разрешалось поить свой скот. По рассказам информаторов, владельцы колодцев пользовались преимуществом, они всегда первыми поили свой скот. После хозяев оставшейся в колодце водой могли пользоваться другие нуждающиеся, то есть менее зажиточные скотоводы, середняки и бедняки, не имевшие своего собственного колодца. Прежде чем пользоваться чужим колодцем, владелец стада обязан был спросить разрешения у его хозяина. Тот, кто приходил из соседних кочевий на время в качестве соседа (гоншы) и принадлежал к другому племенному подразделению, должен был спросить на это разрешения прежде всего у старшины летнего кочевья. Последний в свою очередь советовался по этому вопросу со старшинами кочевых групп и хозяевами колодцев.

По старинной традиции, первым поил свой скот тот, кто раньше приходил на водопой. В этом случае даже владельцы колодца должны ждать до тех пор, пока пришедший не закончит поить свой скот. Очередность водопоя особенно строго соблюдалась в летнее время, когда все скотоводы могли поить скот только из колодцев.

Плату за пользование водой из чужих колодцев не брали, но люди, пользовавшиеся чужим колодцем, в отдельных случаях обязаны были помогать его владельцу. Они участвовали в очистке колодца, оказывали помощь при водопое скота, стрижке овец и других хозяйственных работах. Все это делалось бесплатно, в форме соседской взаимопомощи (ёвар). Жены пастухов и бедняков доили скот баев, валяли кошмы, ткали ковры и так далее, за что получали определённую долю молока, шерсти и т. п.

Зажиточные скотоводы сооружали колодцы в большинстве своем с помощью сородичей и других скотоводов данного аула. Иногда колодцы сооружались более состоятельными членами кочевого объединения. Он брал на себя все расходы, связанные с сооружением колодца, а соседей-помощников (ёвар) угощал. Затем он становился владельцем нового колодца, который носил его имя.

Перед Октябрьской революцией колодцы для зажиточных скотоводов рыли специальные мастера и рабочие. По обычаю, в работе помогали родные и знакомые сооружавшего колодцев. Владелец, как правило, пользовался большим уважением среди односельчан. По словам информаторов, бывали случаи, хотя и очень редкие, когда колодец или хауз сооружался отдельными скотоводами на свои собственные средства с благотворительной целью (хайыр согаб үчин). Такие колодцы и хаузы назывались иомутами-скотоводами «вакып», то есть общественными. Ими могли пользоваться все скотоводы (так, например, вакыпные колодцы существовали в прошлом в аулах Ак-Куи, Ян-Куи, Ывыке и др.). Кроме колодцев, в степи и пустыне Прибалханья были естественные и искусственные водоемы (хаузы, каки) и дождевые ямы. В них зимой и весной скапливалась дождевая и снеговая вода, которая использовалась кочевниками как для питья, так и для водопоя скота. Кочевники пользовались этой водой также для полива небольших огородов и бахчей (например, в местности Джамал). Хаузы располагались главным образом на такырах и кырах. Самые крупные хаузы находились на северных кырах. Так, например, в местности Джамал (на Узбое) на границе между песками и северными кырами вода держалась по шесть-семь месяцев и ее хватало на все лето. Значительные по размеру хаузы были также в Ян-Куи, Худайберды, Аджикыре и т. п. Были также и небольшие водоемы. В ауле Обой, например, воды в хаузе едва хватало на один-два месяца для водопоя скота. Она использовалась кочевниками, как правило, во время язлага — весенней пастьбы скота.

По старому туркменскому обычаю, как естественные, так и искусственные хаузы составляли общинную собственность всего кочевого населения и по народным представлениям ими могли пользоваться все кочевники на равных правах. Общинные хаузы ни за кем не за-

креплялись, хотя и находились обычно в чьем-либо преимущественном пользовании. По обычаю, старинные хаузы никто не имел права захватывать и распоряжаться по своему усмотрению. В Ян-Куи, например, хауз не имел хозяев, им пользовались все, кто кочевал около него. Так было и в других местах. Искусственные хаузы, как и колодцы, зачастую сооружались самими скотоводами. Сооружались они как отдельными более зажиточными хозяйствами, так и членами скотоводческих объединений. Тот, кто сооружал хауз, становился его владельцем, и хауз называли его именем. Однако водой хауза могли пользоваться бесплатно и другие кочевники. Владельцы хаузов кочевали на пастбищах, расположенных поблизости от их водоемов, но это не означало, что указанные пастбища становились их собственностью.

Как видно из вышеизложенного, в Прибалханье в конце XIX в. водные источники (колодцы и хаузы) были частной собственностью. Однако в большинстве своем они находились в общинном пользовании кочевых групп — оба, родственных семей и др. По обычаю, ими могли пользоваться и чужие скотоводы. Совершенно иные условия собственности на землю и воду существовали в Прибалханье в начале XX в. в местах, где возникало земледелие.

Виды и породы скота. Размеры стад

Как уже говорилось, в Прибалханье преобладали две отрасли животноводства: овцеводство и верблюдоводство. По удельному весу и хозяйственному значению овцеводство занимало первое место. Разводили в основном курдючных овец местной иомутской породы далак гоюн, или просто далак. Приатрекские иомуты разводили также породу овец, называемую эрек. В небольшом количестве разводились также козы. Местная иомутская порода овец отличалась от других пород не только своей выносливостью, но и приспособленностью к климатическим условиям Западной Туркмении, в том числе Прибалханья. Но она была менее доходна, так как давала продукции меньше, чем другие породы. Разводилась же она из-за высокой удойности, так как мо-

локо и молочные продукты составляли основное питание скотоводов.

Кроме местных иомудских пород овец далак и эрек, в Красноводском уезде казахи разводили так называемую киргизскую степную овцу, отличавшуюся вкусным мясом и сравнительно крупным курдюком. В конце XIX в. из Мерва и Ахала была завезена сараджинская и каракульская породы овец. Со временем они получили широкое распространение.

Кочевое скотоводческое хозяйство прибалханских туркмен нуждалось в верховых и вьючных животных. Основным вьючным животным был верблюд, он же использовался и для верховой езды. На верблюдах перевозили кибитки, домашнее имущество и другие грузы, доставляли хлеб и прочие продукты из Хивы и соседних областей, а также вытягивали ведра из глубоких колодцев и т. д. Прибалханские иомуты разводили главным образом одногорбых верблюдов породы «арвана». Они отличались от двугорбых верблюдов большой выносливостью. Эти качества отмечались еще в середине XIX в. путешественником К. К. Боде[1]. Верблюд «арвана» — сильное вьючное животное, поднимающее на ровной поверхности до 20 пудов. Но на дальние расстояния он мог нести не более 10—12 пудов[2]. Об этом свидетельствуют данные «Обзора Закаспийской области с 1882 по 1890 г.»[3]. Особенно большой силой и выносливостью отличался туркменский одногорбый верблюд «инер», получаемый путем скрещивания «арвана» с двугорбым производителем (бугра). В туркменской пословице говорится: «Хатарда нер болса, йук ерде галмаз» (Если в караванном ряду имеется инер, то груз не останется на дороге).

Самки от такого скрещения назывались майя. Майя употреблялись главным образом для верховой езды, часть их продавалась скупщикам, приезжавшим из Баку и других мест. Так как майя и инер при

---

[1] К. К. Боде. Очерки Туркменской земли..., стр. 99; его же. О туркменских поколениях: ямудах и гокланах. «Записки РГО», кн. 2, 1847, стр. 220.

[2] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 7769, л. 14, 127.

[3] «Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 г.». Асхабад, 1892, стр. 100—101.

скрещивании дают плохое потомство, то их скрещивали вторично с арванами. Помесь, получаемую путем скрещения майя с арвана-эркек (производителем) или инера с арвана-инен (маткой), называли «гөхрет» (самец) и «кәрдери» (самка). Гибриды последующих поколений назывались у туркмен «сапалдырык»[1].

Кроме названных выше видов верблюдов, у туркмен-иомутов существовало множество различных терминов для обозначения пород и возраста верблюдов. Например, верблюда до шестимесячного возраста называли «көшек», до одного года — «торым», однолеток — «огшук», двулеток — «кешер» (самец), «дулуч» (самка). Дальше идет число с прибавлением слова «яшар»; например, «үчяшар» — трехлеток, «дөртяшар» — четырехлеток, «бәшяшар» — пятилеток, после этого прибавляли слово «яш», например: «алты яш» (шесть лет) и т. д.

Мясо и молоко верблюдов употребляли в пищу. Широко применялась верблюжья шерсть. Из нее изготовляли веревки для крепления частей кибитки, ткань для мужских халатов (чәкмен) и др. Шерсть шла также для набивки зимних одеял. Верблюжья кожа употреблялась для изготовления зимней и летней обуви (хам чарык, елкен и т. п.).

Лошади и ослы использовались как верховые животные. В Прибалханье лошади были преимущественно иомутской породы. Местом распространения иомудской лошади была Северная и Западная Туркмения. Иомудская лошадь не уступала по своим качествам ахалтекинской. По сведениям Боде, иранцы даже предпочитали иомудских лошадей[2]. Это подтверждается и данными более позднего времени. В «Обзоре Закаспийской области за 1891 г.» говорится о том, что лучшие верховые лошади приобретаются на Гургене от иранских иомутов[3].

В условиях круглогодичного пастбищного содержания скота число голов в одном стаде имело важное значение. Средние размеры стад зависели от многих обстоятельств. В местах, где было мало подножного корма и воды, пасти скот чрезмерно большими стадами было нецелесообразно. Существовавшая в Прибалханье средняя норма голов в одном стаде для овец и верблюдов была выработана скотоводами на основе многолетней практики.

Число овец в одном стаде в Прибалханье колебалось от 300 до 600 голов, но чаще стадо состояло из 400—500 голов, что было удобно для пастьбы и водопоя. Если в стаде оказывалось больше 600 голов, то его разделяли на два, ибо при такой численности часть скота не получала достаточного корма. Те хозяйства, у которых было меньше 300 голов овец, объединялись с другими хозяйствами. Стадо овец в 400—500 голов обслуживалось, как правило, пастухом и подпаском (чолук)[1]. В роли подпаска выступал обычно один из членов семьи пастуха, нередко его жена. Следует отметить также, что большая часть скотоводов постоянно находилась при своих стадах и помогала пастухам поить скот, строить загоны зимой и т. п. Оплата за труд чабана у описываемой группы туркмен производилась по сезонам согласно устному договору, заключаемому между пастухом и хозяином. Размер оплаты для каждого сезона устанавливался по-разному. При этом плата пастуху за летний период пастьбы у скотоводов ак-атабайцев и джафарбайцев была различной. Существовало три таких сезона: шесть месяцев лета (с мая по октябрь), три зимних и три весенних месяца. Так, у ак-атабайцев за шесть месяцев лета пастух обычно получал с 15 овец одного ягненка (гузы) и с 15 коз — одного козленка из приплода будущего года, при этом молодняк в счет не брали. Это у них называлось «гузылык» (от слова ягненок). Помимо этого, ему давали за каждые 15 голов два чанака (большая деревянная миска) муки. Те и другие снабжали пастуха одеждой, вьючными животными и другими необходимыми ему вещами для пастьбы скота. Но у джафарбайцев были другие условия оплаты. Так, у них, по рассказам информаторов, распространенной платой пастуху за этот же период было одно животное не с 15, а с 10 голов, включая сюда и молодняк из приплода этого года. За пастьбу объединенных стад овец существовали те же условия оплаты.

[1] И. И. Лакоза. Верблюдоводство. М., 1953, стр. 97.
[2] К. К. Боде. Очерки Туркменской земли.., стр. 41.
[3] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 7743, л. 141.

[1] В Прибалханье не было должности «сувчи».

Условия оплаты за зимнюю пастьбу были различными, причем оплата производилась, как правило, деньгами. За весеннюю пастьбу чабан получал с каждых десяти овец молоко и шерсть одной овцы и шерсть одного ягненка. Весной во время сезона доения маленьких ягнят отделяли от маток. За пастьбу стада ягнят пастух получал в виде платы право доить всех маток (в день анна, то есть пятницу каждой недели; отсюда идет термин «анначы). Бывали случаи, когда молодняк одного стада пасли вместе с матками другого стада, а молодняк второго стада с матками первого. Это у туркменоомутов называлось «чалышык», что означает «обмен». В этом случае плату за пастьбу молодняка каждый пастух получал от своего скота. По окончании сезона молодняк стригли и опять объединяли с матками в одно стадо.

Баранов-производителей (гоч) держали главным образом богатые скотоводы. Баранов пасли в стаде маток, за исключением одного-двух месяцев перед сезоном случки. В это время их выводили из стада маток и пасли отдельно, откармливая дополнительно.

Верблюды паслись отдельно от овец в пустынно-равнинной степи, на песках и кырах. Когда во время зимних перекочевок часть скотоводов уходила с овцами в горы, то верблюдов они оставляли у близких родственников. Исключение составляли рабочие животные. Откочевавшие в горы брали с собой овец у оставшихся в песках. Иногда семья зимой разделялась: одни ее члены уходили на зимовку, а другие — оставались с верблюдами в песках.

Судя по рассказам стариков, верблюдов пасли не более шести месяцев в году (весной и зимой). Летом верблюдов выгоняли в пустыню и они паслись без пастуха. Время от времени они приходили на водопой к колодцам. Каждый хозяин поил своих верблюдов и проверял, все ли они на месте. В случае отсутствия животного за ним отправлялись на поиски. Только в местностях, лежащих близ железнодорожной линии, оставлять верблюдов без присмотра было опасно, поэтому они находились там под постоянным наблюдением пастухов или самих хозяев.

В начале зимы скотоводы перед откочевкой на зимние пастбища (гышлаг) собирали своих верблюдов и отдавали их под надзор пастухам. Верблюдов собирали также в одно стадо перед окотом и весенней стрижкой. Размер верблюжьего стада колебался обычно от 50 до 60—80 голов, но иногда число верблюдов в стаде достигало 100 голов. Небогатые хозяева объединяли и пасли верблюдов стадами по 50—70 голов. Такое объединенное стадо называлось «муштек».

Пастухам верблюдов, нанятым одним хозяином, давали за шесть месяцев пастьбы стада, независимо от количества верблюдов, одного «огшука» (однолетнего верблюда). Пастуху давали также зимнюю верхнюю одежду (үчмек), халат (чәкмен), вытканный из верблюжьей шерсти, обувь (хам чарык) из верблюжьей шкуры, бурки (япынжа) из кошмы и т. д. Пастух объединенного стада получал оплату чаще всего деньгами из такого расчета, чтобы на эти средства можно было купить одного верблюда.

Годовой скотоводческий цикл

Прибалханские скотоводы три раза в году меняли кочевья. За весь год они проделывали со своими стадами не более нескольких десятков километров. Немногие туркменские хозяйства, расселенные в предгорьях Большого Балхана и Кюрен-Дага, занимались вертикальными перекочевками, но в общем этот тип хозяйства был для Прибалханья нехарактерен. Большую часть года (с июня по ноябрь) скотоводы проводили на летних стоянках (яйлаг), зимой откочевывали на зимники (гышлаг), а весной проводили некоторое время на весенних стоянках (язлаг).

Яйлаги располагались из года в год в одних и тех же местах, вокруг колодцев, и летом там собиралось большое количество хозяйств кочевников, из которых образовывался аул (оба). Состав яйлагов был ежегодно примерно один и тот же, но нередко те или иные хозяйства меняли места своих летних кочевий (рис. 4).

Зимой, с наступлением холодов, когда начинались сильные северо-восточные ветры, на яйлаге уже было невозможно оставаться. К тому же к зиме здесь кончалась трава. Поэтому в ноябре кочевники со скотом уходили

на зимние пастбища (гышлаг), которые располагались обычно в горных долинах или в песках, где было меньше ветра, достаточно травы для скота и дров для топлива. Зимовка длилась чаще всего с декабря по февраль. Зимние поселения прибалханских туркмен в отличие от летних не имели постоянного места. Их выбирали там,

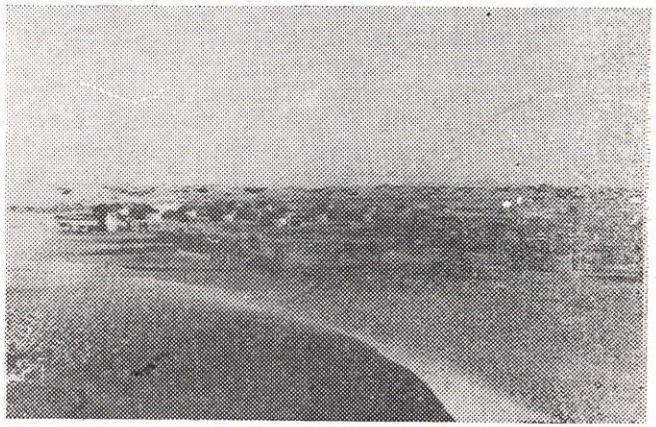

Рис. 4. Летнее кочевье скотоводов «яйлаг».

где было достаточно травы и дров. Зимники состояли из небольшого числа кибиток.

В начале марта с наступлением теплой погоды скот перегоняли на равнину, покрытую сочной растительностью. Длительность выпаса скота на язлагах зависела от травостоя, наличия воды и погоды. Как только травы высыхали, скотоводы перекочевывали на яйлаги. Весенние поселения, как и гышлаги, не располагались в определенных местах. В это время распадались всякого рода скотоводческие объединения и каждое хозяйство кочевало со своим скотом отдельно. При этом кибитки ставили с таким расчетом, чтобы стада разных хозяйств не перемешивались.

В каждой местности Прибалханья существовал определенный, установившийся по традиции порядок перекочевки скотоводов и пастьбы скота в зависимости от времени года. Кочевники-скотоводы подгорной степи

Большого Балхана пользовались летовками, расположенными в предгорьях. Известными яйлагами здесь были Кяриз I и Кяриз II, Огланлы, Кошагыр, Патма, Порсы и др. К зиме скотоводы уходили оттуда в горные долины и ущелья, защищенные от холодных ветров, или на север, в пески. Зимовка выбиралась в зависимости от того, где больше травы, а также от состояния погоды и других обстоятельств. Скотоводы, летними кочевьями которых являлись яйлаги Кошагыр, Патма, Порсы и другие, зимой перекочевывали обычно на север, в пески, к колодцам Аджи-Куи, Тазе-Куи, Он-Куи и др. Атабайцы из селений Кяриз I и Кяриз II зимой отгоняли свои стада в горы к колодцам Кошагыр, Караилем, Патма и Порсы, а иногда перекочевывали на север в пески, двигаясь через колодцы Худайберды, Ян-Куи и т. д. Кяризские джафарбайцы уходили на зиму на юг за Джебел, к колодцам Кучек, Мамет-Таган, Кара-Дурун и др.

Кочевники, жившие летом в яйлагах, расположенных в Северо-Балханской степи вдоль песков (у колодцев Ак-Куи, Шаатлы, Оюклы, Ян-Куи, Худайберды, Аджи-Куи и др.), уходили на зиму к северу в пески. Зимние кочевья их находились на расстоянии 8—15 км от яйлагов. Изредка они кочевали и дальше к северу, до северных кыров (35—40 км). Дальше откочевывать они уже не могли, так как воду им приходилось привозить из колодцев на яйлагах. Из Ян-Куи кочевники племен пеззе и кызылджа уходили на зимовки за 8—15 км от яйлага к северу в пески.

Весной, в марте, скотоводы рассматриваемой местности перекочевывали с зимников в степь на весенние пастбища — язлаги. Язлагами им служила Северо-Балханская степь, расположенная между горами и песками. Во время весенней пастьбы кочевники распылялись мелкими группами по всей степи. В конце мая, когда высыхала свежая трава, кочевники переходили в яйлаги.

Скотоводы северных кочевий (Гок-Дере, Коймат, Чагыл и др.) пасли скот невдалеке от своих колодцев зимой и летом. Летом они жили рядом с колодцами, а зимовали невдалеке от основных поселений, укрываясь от холодных ветров в лощинах. Некоторые хозяйства уходили на зиму в пески.

Кочевники, проводившие лето в предгорной полосе Кюрен-Дага (аулы Даната, Барслы, Обой, Узун-Су, Искандер и др.), зимой перекочевывали на юг, в горы, к Атреку и Гургену, а весной переходили опять на равнину. Весенними пастбищами для скотоводов этой группы служила подгорная степная полоса и такыры между горами Кюрен-Дага и песками Каракумы.

Скотоводы из аулов, расположенных на якабои, то есть на южной границе песков, в частности у колодцев Капланлы, Тазе-Куи, Тачмамед, Гелинолен, Ахча-Куйма, Джойрук, Томмыклы и других, зимой перекочевывали в пески, к северу от своих яйлагов. Весной они перекочевывали на юг на равнину, а летом и осенью собирались на яйлагах, где пасли скот на степных и пустынных пастбищах.

На Узбое (например, в аулах Беураджи, Декча, Ясха, Кара-Тегелек, Топьятан, Бургун, Джамал, Тогалак, Игды и др.) кочевники устраивали гышлаги в песках, невдалеке от летних поселений, разбросанных по берегам Узбоя. Весенними пастбищами для тех, кто жил ближе к северным кырам (в аулах Джамал, Тогалак и др.), служили пастбища на северных кырах. А те, кто жил на предгорной равнине, уходили на язлаг в степь.

Скотоводческие объединения

Для удобства ведения скотоводческого хозяйства прибалханские туркмены объединялись в небольшие группы, состоящие как из родственных, так и неродственных семей. Такие объединения помогали и при военных столкновениях. Как уже отмечалось, один пастух мог пасти стадо овец в 300 голов и более. Средним и бедным хозяйствам не было смысла содержать пастуха для небольшого стада. Поэтому несколько хозяйств совместно пасли свой скот, образуя временное кочевое объединение (мүштек). В предреволюционные годы появилось небольшое число зажиточных скотоводов, кочевавших отдельно с крупными стадами овец и верблюдов. Но такие хозяйства были единичными. Основным видом скотоводческих объединений были муштек, которые образовывали кочевые группы (оба). В большинстве случаев основу

кочевого оба составляли несколько родственных хозяйств, к которым могли присоединиться и неродственники. Часто оба состояли только из родственников, так как у иомутов-скотоводов родственники (отец с сыновьями, братья с братьями и т. п.) кочевали, как правило, вместе в одной кочевой группе — оба.

В состав кочевого оба, кроме родственников, могли входить и скотоводы из посторонних племенных подразделений. По сообщению информатора К. Аманниязова, в селении Порсы было четыре маленьких оба, которые кочевали самостоятельно. В каждом оба было по одному стаду овец. В кочевом оба, куда входили сам информатор и его отец, было восемь-девять кибиток. Часть семей оба были родственниками, часть — посторонними. Другое оба возглавлял брат отца.

Количество хозяйств в одном кочевом оба могло быть различным. Оно колебалось от трех-четырех до десяти—пятнадцати кибиток, но в большинстве случаев кочевали от двух-трех до десяти кибиток. Кочевые оба, состоявшие только из родственных семей или более зажиточных середняцких хозяйств, были немногочисленными. Состав кочевых оба, как и скотоводческих объединений — муштеков, мог меняться каждый год. Муштеки и оба могли распадаться из-за разногласий между их членами или изменения поголовья скота.

В одном кочевом оба могло быть как по одному стаду овец и верблюдов, так и по нескольку стад. Когда в одном оба было по два-три и больше стад, их пасли по отдельности невдалеке друг от друга. Для каждого стада делался отдельный загон.

Скотоводческие работы

В каждое время года для разных видов скота существовали различные способы водопоя. Овец, коз поили летом, как правило, ежедневно, а иногда через день (ближе к осени) в зависимости от погоды и наличия свежей травы — если отара паслась на свежей траве, то ей требовалось мало воды.

В жаркое летнее время верблюдов поили ежедневно, а в прохладные дни их можно было поить и через день-

два. Маток, особенно дойных, в жаркую погоду поили два раза в день (утром и вечером), а остальных — через день по одному разу, а иногда и через два-три дня.

Летом поили скот в основном из колодцев и родников, а также из естественных и искусственных водоемов — хаузов и дождевых ям, хотя вода в последних быстро кончалась. Глубокие колодцы были снабжены механическим приспособлением — вращающимся приводом (чарх). Такие колодцы иомуты называли «золлы гуйы». Воду доставали кожаным ведром из козьей шкуры (гова). Около колодца устанавливалось каменное корыто (ахыр), из которого поили скот (см. рис. 3).

Воду вытягивали из колодца с помощью рабочих животных: верблюдов, лошадей, изредка ослов. Для водопоя стада овец или верблюдов необходимо было не менее трех человек: один погонял животное, которое вытягивало ведро, другой стоял у колодца и выливал воду из кожаного ведра в корыто, третий гнал скот на водопой, распределяя его небольшими группами. Скот поили часа три-четыре. Стадо верблюдов из 40—50 голов могли напоить два человека. После окончания водопоя стадо держали недалеко от колодца еще некоторое время, чтобы скот отдохнул. Тем временем сам пастух обедал и отдыхал, а за стадом присматривал его помощник — подпасок (чолук) или кто-либо из членов его семейства. Перед тем, как стадо перегонять на пастбище, животным еще раз давали воду (янтлатмак). Около полуночи пастух собирал стадо в одно место. Он разжигал костер, готовил ужин и пил чай; затем ложился спать, привязав к руке овцу или козу. Это делалось для того, чтобы она его разбудила, когда стадо начнет расходиться. На рассвете пастух распускал стадо по пастбищу, а в 10—11 часов утра гнал на водопой.

Условия водопоя скота зимой и весной еще больше зависели от погоды. В эти сезоны для водопоя скота использовалась главным образом снеговая и дождевая вода, накапливающаяся в дождевых ямах на такырах. Водой из колодцев и родников пользовались в это время только в засушливые зимы. Это позволяло кочевникам пасти стада зимой и весной далеко от своих колодцев на хороших пастбищах. Зимой в сухую погоду овец поили через два дня, а в дождливую — через три-четыре дня и даже реже. Когда на земле лежал снег, овец вообще не поили, так как они лизали снег. Верблюдов поили реже, чем овец.

Весной, если трава была сочная, скот почти не поили, так как овцы и верблюды, питаясь свежими травами, не нуждались в воде. При наличии хорошей травы скот поили через десять—пятнадцать дней, а если свежей травы было мало, то через пять-шесть дней. К концу весны, когда трава начинала высыхать, водопой производился чаще и чаще, сначала через три-четыре дня, потом через два-три. К началу лета скот поили из хаузов уже ежедневно. Когда кончалась свежая трава и вода в хаузах и дождевых ямах, скотоводы перекочевывали к своим яйлагам — летним пастбищам.

Уход за скотом

Окот мелкого рогатого скота происходил обычно в марте на зимовках. Иногда в поисках сухого и защищенного от ветров места скотоводам приходилось откочевывать от своей зимовки. Окот был самой трудной порой в жизни скотоводов. В это время все члены семьи находились в сборе, и каждый из них трудился по мере своих сил. Очень важно было, чтобы окот прошел благополучно, без падежа молодняка. В период окота скотоводческие объединения обычно распадались и каждое хозяйство пасло свой молодняк по отдельности. Когда скотоводы возвращались на яйлаги, муштеки вновь восстанавливались.

В апреле — мае после ягнения мелкого рогатого скота наступал сезон доения, который длился полтора — два месяца. Продолжительность его зависела от погоды, наличия свежей травы и пресной воды.

Овец и верблюдов доили сами хозяйки. Если в хозяйстве овец было много, то в дойке им помогали женщины из числа близких родственниц и соседки. Женщины из семей бедных скотоводов и пастухов помогали при доении овец зажиточным скотоводам, за что получали молоко. Женщины объединялись в артели по 15—20 доильщиц и доили скот поочередно. Овец начинали доить не сразу после окота, а через некоторое время, чтобы за это время ягнята окрепли. Затем ягнят отделяли от маток и держали отдельно, подпуская их к мате-

рям ненадолго только после доения. Овец и коз доили один раз в день — около 11—12 часов. Процесс доения был несложен. Для удобства доения овец и коз кочевники сооружали из саксаула, кандыма, гребенчука и других растений специальный проход—загон, называемый отук (өтүк). Удобства отука при доении мелкого скота заключалось в том, что вход в него был шире, чем выход. Через отук прогоняли скот, и в его узком конце пастух или какой-либо другой мужчина ловил животных по одному и отдавал женщинам-доильщицам, сидевшим в два ряда по обе стороны отука.

Доили овец и верблюдиц в специальные ведра конек (көнек), сделанные из верблюжьей, овечьей или козьей шкуры. Когда доили овец и коз, конек вставляли в небольшую ямку, выкопанную в земле, и с помощью веревки прикрепляли его к ногам доильщицы. Овец и коз доили сидя, верблюдиц обычно стоя, надевая веревку конека на шею с левой стороны. Верблюдицу доили в первое время после появления приплода три раза в день: рано утром, в обед и поздно вечером (яссын). Постепенно начинали доить ее два раза в день (утром и вечером), потом один раз в день (только вечером), а затем через день. Верблюдица давала молоко непрерывно в течение 1—1,5 года, то есть до появления следующего приплода. Приплод она давала каждые два года.

Овец стригли два раза в году: весной (в конце апреля — начале мая) и осенью (в августе — сентябре), а коз и верблюдов — один раз весной. Стригли овец специальными железными ножницами (гыркылык) длиной около 40—45 см. Их изготовляли местные мастера, а иногда покупали в Хиве. Процесс стрижки был прост: овце связывали веревкой ноги крест-накрест и стригли в лежачем положении, часто коллективно, тогда один или два человека, в зависимости от количества стригалей, готовил животных для стрижки и подавал мастерам. Еще один человек собирал шерсть. Весеннюю стрижку овец (яз гыркым) каждое хозяйство проводило собственными силами, осенью же (гүйз гыркым) — на основе взаимопомощи (ёвар), соблюдая строгую очередность. Сначала все вместе стригли скот одного хозяина, затем переходили к другому и т. д. Осеннюю стрижку необходимо было закончить в кратчайший срок, чтобы у овец подросла шерсть до наступления зимних морозов. При объединенном стаде (мүштек) ёвар организовывался его членами. На ёвар приглашались все, кто умел стричь овец в ауле. Плату за работу участники ёвара не брали, но угощение хозяин скота устраивал обязательно. Шерсть собирал каждый со своих овец. В ёварах, по обычаю, должны были принимать участие все жители аула, независимо от того, имеют ли они скот или нет. Часто под видом такой взаимопомощи более состоятельные скотоводы использовали труд бедных скотоводов.

Верблюдов, как уже говорилось, стригли только весной, один раз в году. Их даже не стригли, а выдергивали шерсть. Стригли только отдельные части тела — там, где шерсть держится крепко (в это время у верблюдов шерсть сама начинает линять). Поэтому верблюдов перед стрижкой весной собирали, чтобы их шерсть не развеялась понапрасну ветром.

Кочевники лечили скот способами, выработанными народными традициями — различными мазями (караяг — черная смола—из овечьего помета и др.), нефтью, озокеритом, а также огнем.

Овцы болели «жәжек-мама» (оспа), «өйкен» (болезнь легких) и др. Названные болезни считались зимой более опасными, чем весной, летом и осенью, так как овцы, заболевая, делались чрезвычайно чувствительными к холоду. Поэтому в народе говорили, что у богатых людей овцы болеют оспой «жәжек» во время случки, то есть осенью, а у бедняков — во время окота (жәжек-мама дөвлетлиңки гочунда болар, бидөвлетиңки — дөлүнде).

Клеймение скота (тамги)

У туркмен, как и у других скотоводческих народов, существовали клейма для скота и традиционные способы клеймения. В XVI — начале XVII в. каждое крупное туркменское племя (салыры, эрсары, теке, иомуты и др.) имело общеплеменное клеймо. Об этом свидетельствуют мазары с надгробными камнями на Мангышлаке.

В XIX в. даже небольшие племенные подразделения туркмен имели собственные клейма. У прибалханских иомутов в рассматриваемое время племенное клеймо существовало только для верблюдов. Члены каждого тире клеймили своих верблюдов определенной тамгой, чтобы отличать их во время пастьбы от верблюдов других племен. Тамги ставили на шее, щеке, спине, бедре или на других частях тела животного. Клеймили верблюдов каленым железом обычно после достижения годичного возраста. Делали также различные отметки и надрезы на ушах и т. п. В качестве примера можно привести образцы племенных тамг для верблюдов некоторых джафарбайских тире: караджа — ∧ (тойнук) на щеке, кор — ∧∧ (гоша тойнук) — на бедре и шее, каринджик — III (үч элип) на шее, щеке и бедре, панг — + (атанак) на шее и т. д.

Тамги отдельных родственных групп внутри племени являлись вариантами племенного клейма и имели небольшие особенности. Кроме того, каждое хозяйство вносило в общее клеймо свои изменения, чтобы отличать свой скот.

Племенных тамг для овец у иомутов не существовало; каждое хозяйство скотоводов и группа родственников (отец с сыновьями или родные братья) имели собственные отметки, чтобы отличать свой скот от скота отца и других родственников. Что касается объединенного стада овец, то каждый хозяин имел собственное клеймо. Отсутствие общих племенных тамг для овец объясняется, по-видимому, тем, что они находились круглый год под наблюдением пастуха или хозяев. Верблюды же паслись самостоятельно.

В племенных тамгах различных туркменских групп (иомутов, теке и др.) наблюдаются большие аналогии, что свидетельствует об общности происхождения туркмен. Дальнейшее подробное изучение племенных тамг туркмен, несомненно, даст ценный материал по их этнической истории. Наличие общего племенного клейма для верблюдов свидетельствует и о том, что в прошлом в хозяйстве скотоводов Прибалханья преобладало верблюдоводство. Тем более, что об этом сообщают

некоторые информаторы. Так, Ч. Худайбердыев слышал от стариков, что очень давно, лет 200 тому назад, овец у туркмен было мало, преобладали верблюды.

Обычаи и обряды, связанные со скотоводством

У туркмен-иомутов широко бытовали жертвоприношения (садака), которые устраивались в связи со скотоводческими работами. При переходе на зимние и летние пастбища в каждом хозяйстве резался жертвенный баран. Менее состоятельные семьи пекли круглые лепешки (чапады), затем приглашали стариков, чтобы прочитать молитву. Садака делались также при устройстве новой кибитки и после окончания окота. В последнем случае скотоводы устраивали садака с тем, чтобы не было потерь и болезней скота, чтобы количество скота увеличивалось и т. д. Для садака готовили кушанье «акаш» (рисовая каша, приготовленная только на молоке). Затем приглашали всех жителей аула. После окончания трапезы мулла или кто-нибудь из стариков читал молитву, чтобы бог «принял» это угощение. Уходя, присутствующие говорили вслух «кабул булсун!» (будь принята). Аналогичные жертвенные обряды имели место и у туркмен-текинцев. Описанный выше обычай соблюдался всеми скотоводами.

Для увеличения и сохранения верблюжьего стада существовал другой вид садака. После рождения верблюжонка из молока верблюдицы варили и раздавали по кибиткам так называемый «овуз суйт». Сходный обычай существовал и у текинцев, которые приготовляли «овуз суйт» также из коровьего молока и, бросая в чашку кусочек древесного угля, раздавали его по кибиткам. Скотоводы откочевывали с зимовок на весенние пастбища после совершения обряда садака (акаш). Совершался в это время и другой обряд. Около кибитки на небольшом расстоянии друг от друга зажигали два костра. Затем между этими кострами проводили стадо (алас этмек). Суеверные скотоводы считали, что этим они отводят от своих стад все беды и несчастья. Говорили, что «от астында бела галмаз» (под огнем не останется зла, несчастья). Когда прогоняли скот

между кострами, стреляли из ружей холостыми патронами. Вслед за скотом между кострами проходили и сами скотоводы и провозили свое домашнее имущество, навьюченное на верблюдов.

Интересен своеобразный обычай, связанный со стрижкой овец. После окончания стрижки все участники «ёвара» мыли руки в тазу, так как считалось, что с грязью после стрижки от хозяина уйдет богатство (дөвлет). Этой водой потом обливали стадо с подветренной стороны. Это делалось для того, чтобы год был влажный и дождливый (гүйзесин, ягыш нур булсун). Подобный обычай не отмечен у других туркменских племен, и его можно считать специфическим обрядом местных кочевников-скотоводов.

Общественная организация скотоводов

Проблема общественной организации кочевых туркмен (впрочем, как и других кочевых народов) очень сложна и может решаться только на широком материале.

Реальными единицами общественной организации прибалханских туркмен были кочевые группы (оба), объединенные в небольшие племенные подразделения (тире). Оба состояли из известного числа хозяйств, совместно кочевавших и выпасавших свой скот. Еще в первой половине XIX в. оба составлялись преимущественно из родственных семей или семей, принадлежавших к одному тире. На летовках оба группировались по тире, члены одного тире оказывали друг другу помощь, объединялись в скотоводческие группы. Во второй половине XIX и особенно в начале XX в. оба состояли зачастую уже из неродственных хозяйств и даже из членов разных тире. То, что в основе организации кочевых групп лежала прежде всего хозяйственная необходимость, делало оба устойчивыми единицами.

В Прибалханье были распространены два вида оба, одно из которых может быть условно названо малое оба, а другое — большое летнее оба. Первый вид оба представлял собой основную ячейку общественной организации скотоводов. Хозяйства, составлявшие малое

оба, кочевали вместе весь год и только на короткое время разъединяли стада во время окота животных.

Большие оба возникали летом из нескольких малых оба на яйлагах вокруг колодцев. Если традиция требовала, чтобы члены малых оба принадлежали к одному тире, то большие оба могли составляться из малых, принадлежавших разным тире, но все же, как правило, членов одного крупного племени. Однако в начале XX в. этот принцип уже не всегда соблюдался. К тому же в это время в Прибалханье появилось несколько зажиточных скотоводов, не входивших в малые оба и кочевавших самостоятельно[1].

Делами малых оба распоряжались выборные старшины (аксакалы). По имени старшины называлось и оба. Так, например, у отца информатора Б. Гокчаева, которого звали Гокча, было четыре брата. Каждый брат имел несколько сыновей и собственное стадо из 300—400 голов овец. Скот братья пасли вместе и составляли одно кочевое оба, которое называлось по имени старшины «Гокча-оба». Старшиной оба считался обычно тот, у кого было больше скота, или человек, пользовавшийся уважением и авторитетом.

Большие оба — летние поселения (яйлаги) — в отличие от малых (называвшихся по имени старшины) именовались по названию местности, колодца, родника, например, Қяриз-Оба, Қошагыр-Оба, Янкуи-Оба и т. д. Таким образом, летние оба были территориальными образованиями. Старшиной большого летнего оба считался, как правило, старший по возрасту и уважаемый всеми человек, главным образом из числа зажиточных. Все дела он разрешал с участием старшин малых оба. К числу обсуждаемых ими вопросов относились хозяйственные и семейные дела, споры, тяжбы и т. д.

Но власть старшин-аксакалов как малых кочевых оба, так и крупных летних поселений была ограниченной; фактически они не пользовались ад-

---

[1] Г. Е. Марков. Скотоводческое хозяйство и общественная организация северобалханских туркмен в конце XIX — начале XX в. «Вестник МГУ», 1958, № 4.

министративной властью над членами своего оба. Аксакалы, по словам информаторов, могли давать полезные советы по вопросам хозяйства и семейного быта (например, указать направление зимних перекочевок и др.), хотя выполнение и этих советов не было обязательным.

До третьей четверти XIX в. (времени присоединения Закаспийского края к Российской империи) прибалханские туркмены не знали какой-либо другой формы управления. У них не было ханов, сердаров и тому подобного, и все дела решали главы семей, оба, небольших тире.

После присоединения Туркмении к России население Западного Туркменистана, как и другие туркменские группы, было разделено на аульные общества по племенному признаку. Во главе этих обществ были поставлены аульные старшины (арчын), выбираемые из числа местного населения по рекомендации местной царской администрации. В обязанности старшин входило наблюдение за порядком в своем обществе, объявление распоряжений и приказов начальников приставств, уездных и областных управлений и т. д. Но главной обязанностью старшин являлся сбор покибиточной подати и налога на общественные нужды. За свою работу старшины получали жалованье. Однако положение в степи мало изменилось и в колониальное время. Скотоводы по-прежнему кочевали небольшими группами — оба, не нарушая своих старых традиций и порядков, мало считаясь с властью аульных старшин и вышестоящих колониальных административных лиц. Они продолжали жить, руководствуясь нормами обычного права (адата) и шариата.

Скот у прибалханских туркмен, как и у прочих кочевых и полукочевых народов, был с незапамятных времен частной собственностью отдельных семей. Характерным для скотоводства Западной Туркмении было то, что подавляющая часть скотоводов была средней по зажиточности (орта дайхан). В их число входили хозяйства, имевшие 100—300 голов мелкого рогатого скота и 20—30, реже — 50 верблюдов. К середнякам же, но менее зажиточным (барлы гарып) относились и хозяйства, имевшие по 50—60 овец и 10—15 верблюдов. Бедными хозяйствами (гарып) считались те, которые

имели не более 10—15 овец и 2—3 верблюда. Такое количество скота не давало возможности вести самостоятельное скотоводческое хозяйство. Число хозяйств, не имеющих скота, в Прибалханье было незначительным. Богатые (байские) хозяйства имели по 400—600 голов мелкого рогатого скота и по 50—100 верблюдов.

Естественно, что бедные скотоводы оказывались в некоторой экономической зависимости от богатых хозяев, которые при перекочевках давали им верблюдов и позволяли пользоваться колодцами. За это бедные скотоводы работали в хозяйстве своих богатых родственников.

Прочие занятия

Второстепенными занятиями прибалханских туркмен были ремесла и домашние промыслы, торговля, охота и др.

Ремеслом занималась лишь незначительная часть мужского населения. Профессиональных ремесленников среди кочевого населения почти не было. Они сочетали в своем хозяйстве ремесло со скотоводством. Основным видом было кузнечное, седельное и кожевенное производство, ювелирное дело, изготовление деревянных изделий, предметов домашнего и хозяйственного обихода. Строгого разграничения между ремесленниками не было. Кузнецы, например, делали и железные, и деревянные изделия, чинили юрты. Среди ремесленников преобладали кузнецы. По данным переписи 1917 г., в аулах Узун-Су, Пароу и Муса-Куи было по одному кузнецу[1]. В числе предметов, изготовляемых кузнецами, были железные ножницы для стрижки овец (гыркылык), серпы (орак) для жатвы хлеба, наконечники деревянного омача (ердемир), капканы для охоты, ножи (гезлик), нож для ковроткачества (кесер), гребни для расчесывания шерсти (йүн дарак), колотушки для ковроткачества (докма дарак), стремена для лошадиного седла, треноги — подставки для котлов (таган), а также холодное оружие — шашки, сабли (гылыч), но-

[1] ЦГА ТССР, ф. 127, оп. 5, д. 245, л. 11; д. 323, л. 3; д. 318, л. 5.

жи из дамасской стали (жөвхер), детали ружья — курки (чакмак) и т. д.

Шорники изготовляли седла для верблюдов (ховут) и лошадей (эер). Лошадиные седла делали из дерева, а затем сверху покрывали кожей и украшали железными пластинками. Мастера по дереву делали подставки для постельных принадлежностей со шкафчиком для посуды (телэр), деревянную посуду (чашки, миски, ложки и т. д.), деревянные вилы (бэшбармак) и лопаты (күрек) для развеивания обмолоченного зерна. Плотники чинили также и юрты.

Специалистов-кожевников почти не было. По данным переписи 1917 г., только в ауле Аджи-Куи был один кожевник[1]. Из кожи шили мужскую и женскую обувь — туфли без задника, изредка — сапоги и т. д. Согласно данным переписи 1917 г., в ауле Узун-Су был один сапожник[2]. Из кожи делали также уздечки и другие принадлежности лошадиной сбруи. Из бараньих шкур шили шубы, шапки и т. п. Среди кочевого населения изредка встречались мастера ювелирного дела. Ювелиры занимались изготовлением серебряных и золотых женских и девичьих украшений. У мастеров-ювелиров в Прибалханье изготовление украшений не было основным занятием и источником существования. Прежде всего, они занимались кочевым скотоводством и одновременно с остальными скотоводами совершали сезонные перекочевки. Инструменты и материалы они возили с собой и по приезде на новое кочевье занимались своим ремеслом. По рассказам информаторов, среди туркмен-иомутов были потомственные мастера-ювелиры, например, семья Кулашевых из коушутлы-тана. Вообще в Прибалханье мастера-кузнецы, ювелиры и другие ремесленники передавали свое искусство обычно по наследству. Некий Неджеп-уста, по словам старожилов, был знаменитым мастером-кузнецом в Прибалханье и изготовлял даже детали для ружья.

Развиты были у иомутов-скотоводов различные домашние промыслы: ковроткачество, кошмоваляние и др. Домашними промыслами занимались по преимуще-

[1] ЦГА ТССР, ф. 127, оп. 5, д. 245, л. 15.
[2] Там же, л. 12.

ству женщины. Основным сырьем для производства ковровых изделий, кошм и войлоков служила овечья шерсть. Кроме того, из нее вязали носки. Из верблюжьей шерсти делали ткань для мужских халатов (чэкмен), дорожки, тесьму для крепления юрты. Верблюжья шерсть использовалась также для теплых зимних одеял, подушек и т. д. Женщины-иомутки объединялись для взаимопомощи при обработке шерсти, ковроткачестве, валянии кошм и т. п. Основными предметами домашних промыслов были ковры, чувалы, сумки, паласы, килим, ткань для мужских халатов, портянки и др. Из овечьей шерсти валяли также красивые, художественно оформленные узорами кошмы для подстилки на пол юрты, белые и темные однотонные войлоки для покрытия юрты и т. д.[1]. Для производства ковров использовалась самая лучшая шерсть весенней стрижки, а для кошм — осенней стрижки. Нити для ковров и шерсть для кошм красили растительными красками собственного изготовления. Иомутские ковры, паласы и кошмы пользовались большим спросом у туркмен, а также на рынках Хивы, Бухары, Ирана и др. Туркменские ковры, в том числе и иомутские, высоко ценились и на рынках европейских стран. Туркмены украшали ковры, паласы и другие ковровые изделия своими племенными узорами (гөл). По рисункам можно различать иомутские, текинские, эрсаринские и другие ковры. Основным узором, помещаемым в центральной части иомутских ковров, был «габса голь» и «дырнак голь»[2]. По краям ковров помещали мелкий узор и различные геометрические орнаменты, многие узоры считались священными. Священные узоры выделывались на дверных занавесях (энси), на молитвенных коврах (намазлык) и похоронных паласах. В центральной части энси помещался узор «гуджик ызы» (след щенка), намазлыки украшались особым священным узором «михраб» и т. д. Для ковровых чувалов существо-

[1] См.: А. Джикиев. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад, 1961, стр. 68—69.
[2] Подробно о ковроделии и узорах туркменских ковров см.: С. М. Дудин. Ковровые изделия Средней Азии. Л., 1927; В. Г. Мошкова. Племенные голи в туркменских коврах. «Советская этнография», 1946, № 1.

вал специальный узор «чувал голь», который помещался в центральной части. Ковровые сумки и другие изделия также украшались племенными орнаментами.

Как уже отмечалось, прибалханские туркмены имели торговые связи с соседними странами и областями, прежде всего с Хивой, Ираном, Азербайджаном, Бухарой, Россией, а также с Кара-Кала, Кизыл-Арватом, Ахалом и др. Они продавали и меняли на хлеб верблюдов, баранов и лошадей, продукты скотоводства (овечью и верблюжью шерсть, кожу и так далее) и изделия домашних промыслов (ковры, паласы, чувалы, сумки, узорные красивые кошмы, ткань для мужских халатов, портянки и т. п.). Основными покупателями верблюжьей и бараньей шерсти были армянские купцы, приезжавшие из Баку. За шерстью приезжали персидские скупщики из Ирана. Шерсть продавалась и на базарах в Кизыл-Арвате. Прибалханские туркмены покупали в Хиве, Иране и других соседних областях пшеницу, ячмень, рис, джугару, маш и т. д., различные ткани для одежды, деревянную посуду, обувь, женские украшения, чай, сахар и др. Из Ирана и Хивы привозили юрты. Хлеб доставляли караванами. Один человек мог вести четыре-пять, а с помощником — до шести-семи верблюдов. В караване было обычно 80—100 верблюдов. Сопровождавшие караваны лица были вооружены, во главе каравана ехал на лошади старший (аксакал), а все остальные — на верблюдах. За хлебом в Хиву караваны отправлялись ежегодно по окончании осенней стрижки овец, перед зимними перекочевками, в августе — сентябре и возвращались через 30—40 дней. После возвращения караванов с хлебом скотоводы спешили перебраться на свои зимние кочевья.

По сообщению информаторов, среди кочевого населения еще в начале XIX в. не было купцов и скупщиков продуктов скотоводства, но уже в 1917 г. в ауле Узун-Су появились два лавочника и два перекупщика скота[1], а в ауле Ташарват-Кала — один торговец скотом[2].

Охота у прибалханских туркмен была подсобным занятием. Специально охотой занимались лишь немногие. В Прибалханье охотились на лисиц, зайцев, горных баранов, архаров (айрак), козлов (умга) и степных джейранов (кейик), а также на дичь: куропаток, уток, фазанов и других птиц, убивали также кабанов, волков, шакалов и т. д. Но их мяса туркмены не ели, а у кабанов даже шкуру не брали. На этих животных охотились как на вредных. Охотничьими средствами служили ружья, капканы и т. д. Охота была любимым развлечением зажиточных скотоводов и их сыновей, особенно охота с помощью прирученных птиц и борзых собак. С помощью прирученной птицы элгуш (буквально — ручная птица) охотились на зайцев иногда и на джейранов, но эта охота не имела промыслового значения. Приручение птицы элгуш проходило обычно в теплое время года, в течение шести месяцев. Птенцом ее доставали из гнезда, в первое время ее держали в тени и кормили заячьим мясом. Когда птица подрастала, с ней проводили регулярные тренировки. Упражнения продолжались до тех пор, пока у птицы не вырабатывалась привычка бросаться на намеченную охотником жертву. Для приманки использовались куски заячьего мяса, прикрепленные к веревке. Приманка подбрасывалась вверх, к ней подлетала птица и съедала. Расстояние между приманкой и птицей постепенно увеличивалось. К концу обучения вместо приманки оставляли убитого зайца, чтобы приученная птица напала на него и растерзала добычу. Это считалось завершением приручения. Такая птица ценилась очень дорого. В охоте на горного козла, джейрана и других с элгуш участвовали также охотничьи борзые собаки. Во время охоты птица подлетала к джейрану, садилась на его нос и своими крыльями закрывала ему глаза. В это время подбегала борзая собака и задерживала добычу до прихода охотника. Во время охоты элгуш иногда и сама становилась жертвой более хищных птиц: карагуш и др.

В Прибалханье охота не имела промыслового значения, хотя некоторые охотники, главным образом из бедных семей, иногда меняли на продукты скотоводства свою охотничью добычу.

[1] ЦГА ТССР, ф. 127, оп. 5, д. 245, л. 1, 10, 22, 26.
[2] Там же, д. 348, л. 1.

ГЛАВА III

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИБАЛХАНСКИХ ТУРКМЕН В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Семья и семейные отношения

Семья, семейно-брачные отношения и связанные с ними обычаи и обряды у иомутов Прибалханья составляют одну из интересных и сложных сторон туркменской этнографии. Кочевое скотоводческое хозяйство прибалханских туркмен отразилось на семейном быте и духовной культуре. Многие обычаи и обряды, связанные с семейно-брачными отношениями, были в значительной степени обусловлены характером кочевого быта. Семья и брачные отношения иомутов Прибалханья в конце XIX — начале XX в. не получили еще полного научного описания.

Различают две формы семьи: большую и малую. Вопрос о большой патриархальной семье у иомутов-скотоводов Прибалханья в конце XIX — начале XX в. сложен. У прибалханских туркмен, как и у многих народов Средней Азии, Казахстана и других сопредельных с ними стран Востока, существующей по настоящее время малой (моногамной) семье предшествовала большая (патриархальная) семья. Об этом свидетельствуют исследования многих советских ученых-этнографов. Так, по данным Н. А. Кислякова, у таджиков, проживавших в труднодоступных горных районах Таджикистана, наряду с малой (моногамной) семьей вплоть до Октябрьской революции продолжала существовать большая патриархальная семья, постепенно распадавшаяся. По мнению Н. А. Кислякова, бытование большой патриархальной семьи в горном Таджикистане было связано с наличием натуральных черт в хозяйстве, и эта форма семьи сохранялась именно там, где преобладали натуральные формы хозяйства[1].

В конце XIX — начале XX в. преобладающей формой семьи у иомутов Прибалханья была малая семья. Вместе с тем имелись также и большие семьи и, судя по этнографическим данным, в середине XIX в. они имели достаточно широкое распространение. Еще в начале XX в. сохранялись большие семейные группы, которые вели свое происхождение от одного прадеда или прапрадеда. Так, например, семейная группа Кулашевых (гулашыңкылар) из тире коушутлы-тана в ауле Узун-Су насчитывала в начале XX в. в своем составе до 200 малых семей. В том же ауле жила другая большая семейная группа Куванджевых (гуванҗыңкылар) из того же тире коушутлы-тана. В селении Кяриз II жила семейная группа Джемеровых (җемериңкилер) из атабайского тире кесарка, общая численность хозяйств которой составляла в начале XX в. около 300 кибиток. Родоначальником этой семейной группы являлся Джемер-бай, который в 90-х годах XIX в. построил кяриз в районе Большого Балхана. В ауле Кяриз I обитала группа семей братьев Аннадурдыевых из племени джафарбай. Многие большие семейные группы жили также в аулах Даната, Обой, Пароу и др. Такие семейные группы уже нельзя назвать большими семьями, хотя составлявшие их малые и большие семьи считались между собой ближайшими родственниками. Такие семейные группы, разрастаясь, со временем становились сначала мелкими, а затем и крупными тире, включали родственные семьи и входили впоследствии как составная часть в общую туркменскую генеалогию.

Наряду с малыми семьями и семейными группами

[1] Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков. «КСИЭ», вып. 17, 1952, стр. 75—76; его же. Семья и брак у таджиков. Тр. Института этнографии, т. 44. М.— Л., 1959, стр. 29—39.

еще в конце XIX и начале XX в. в Прибалханье, по данным информаторов, имелись и большие семьи, впрочем их было довольно мало. В состав таких семей могли входить семьи женатых братьев или семьи отца и женатых, не отделившихся от отца сыновей. Хозяйство в большой семье велось общее, и доходы распределялись между семьями поровну. Члены большой семьи обычно жили не в одной юрте, а в отдельных кибитках, ставившихся во время кочевок рядом друг с другом. Нередко члены одной большой семьи образовывали небольшое кочевое оба. Во главе оба стоял глава семьи; он же одновременно являлся и старшиной (аксакалом) аула.

К концу XIX в. большие семьи в значительной мере распались на малые: из них выделились женатые сыновья. Этому способствовал рост поголовья скота. Как отмечалось выше, в одном стаде поголовья скота оказывалось больше определенной нормы. Это затрудняло пастьбу и водопой скота и приводило к распадению больших семей на отдельные малые. Распадению больших семей особенно способствовало проникновение в рассматриваемый период в хозяйство кочевников-скотоводов товарно-денежных отношений, появление большего числа в сравнении с прежними временами зажиточных хозяйств, для которых кочевание большими семьями было неудобным. Поэтому в конце XIX—начале XX в. преобладающей формой семьи у скотоводов Прибалханья стала малая моногамная семья, состоявшая из главы семьи — отца, матери и детей. Женатые сыновья и замужние дочери составляли уже отдельные хозяйства. В малой семье, как и в большой патриархальной, глава семьи пользовался неограниченной властью над всеми ее членами. Разделение обязанностей в малой семье было твердо установлено традицией. Все члены семьи участвовали в ведении скотоводческого хозяйства, уходе за скотом, в свободное время занимались домашними промыслами (ковроткачество, кошмовалянне и др.). Мужской и женский труд был строго разграничен.

Малая семья была основной хозяйственной единицей у прибалханских иомутов. Несколько семей составляли небольшие кочевые аулы — оба. Во время зимних кочевок малая семья могла на время разделяться. Если в семье было много овец и верблюдов, то часть семьи во главе с отцом угоняла овец на зимовку, а другая часть со старшим сыном во главе отправлялась с верблюдами на зимовку в пески. Если глава семьи имел две жены, то он брал с собой обычно молодую жену, а старая (гарры эже) оставалась вместе с сыном. В это время она исполняла обязанности главы семьи.

Брак и связанные с ним обычаи и обряды

Кочевое скотоводческое хозяйство прибалханских туркмен, во многом натуральное, способствовало сохранению многих патриархальных традиций в семейном быту, застою развития семейно-брачных отношений, сохранению пережитков старинных семейно-брачных обычаев и обрядов. Обычаи и обряды, связанные с браком и свадьбой, были у обитателей Прибалханья в общих чертах такими же, как и у других туркмен. Тем не менее в деталях эти обряды имели некоторые особенности.

У всех туркмен, в том числе и у прибалханских иомутов, в XIX в. бытовала племенная эндогамия, о чем писали еще дореволюционные авторы[1]. Браки между членами разных племен (иомутами, гокленами, текинцами и др.) считались нежелательными и обычно не допускались. Туркменам запрещалось обычаем вступать в брак с представителями других народов — казахами, узбеками, иранцами и др. Впрочем, как известно из истории, многие туркмены имели наложниц или даже жен из их числа. Браки между членами разных тире одного племени допускались. При этом нередко наиболее желательными считались связи между представителями определенных племенных групп. Так, например, юноши и девушки из джафарбайских тире бага, бехельке и каррови искали себе супругов среди ак-атабайцев, преимущественно из тире ак. В данном

[1] К. К. Боде. Очерки Туркменской земли..., стр. 103, 113; Н. Г. Петрусевич. Туркмены между старым руслом Аму-Дарьи (Узбоем)..., стр. 57—68.

случае это объясняется в какой-то степени тем, что кочевья бага, бехельке, каррови располагались обычно рядом с кочевьями ак и даже нередко кочевали вперемежку. Возможно, какое-то значение здесь имели и древние традиции. Джафарбайцы, жившие на побережье Каспийского моря, в отличие от своих соплеменников ак-атабайцев, заключали браки с туркменами-огурджали, что было нарушением племенной эндогамии. Они предпочитали заключать браки между двоюродными и троюродными братьями и сестрами. Такие браки были широко распространены среди джафарбайцев[1]. Следует отметить, что джафарбайцы и ак-атабайцы предпочитали вступать в брак с родственниками по отцовской линии, хотя нередко браки заключались и с родственниками по материнской линии. Никаких следов племенной экзогамии у туркмен Прибалханья, как у всех остальных туркмен, не обнаружено, и в браки не вступали только самые ближайшие родственники. Основное брачное ограничение у туркмен, в том числе и у прибалханских, было связано с делением их на две группы: иг (чистокровный) и кул (нечистокровный — дословно раб). Брачные отношения между игами и кулами считались нежелательными[2]. Игами назывались те, кто считал себя «чистокровным» туркменом. Кулами называли тех, кто происходил от смешанного брака туркмена с персидскими, курдскими и другими наложницами (гырнак), которых привозили в XIX в. из Ирана во время войн и набегов. «Чистокровные» (иг) пользовались большими правами и привилегиями в туркменском обществе по сравнению с кулами. Права «нечистокровных» кулов были сильно ограничены. Вступление девушек-игов в брачные отношения с кулами считалось по обычаю позором как для семьи невесты, так и вообще для всех игов. В противоположность этому для кулов породниться с игами считалось большой честью. Существовавшее деление на игов и кулов наложило отпечаток на семейную жизнь. Например, при выборе невесты в первую очередь обращали внимание на происхождение ее родителей, то есть принадлежность их к кулам или игам, а затем на их социальное положение; так же обстояло дело и при выборе жениха.

[1] Ш. Аннаклычев. Некоторые стороны быта рабочих-нефтяников Небит-Дага. «Советская этнография», 1959, № 1, стр. 65—67; его же. Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага. Ашхабад, 1961, стр. 108—109.

[2] К. К. Боде. Очерки Туркменской земли..., стр. 103.

Брачный возраст

Характерной особенностью брачных отношений прибалханских иомутов в конце XIX — начале XX в. были ранние браки, что допускалось адатом.

Брачный возраст в Прибалханье в рассматриваемый период считался для девушек от 9 до 15 лет, а для юношей — от 12 до 16. Впрочем, нередки были случаи и более поздних браков. Последние встречались чаще среди бедняков и пастухов, так как из-за высокого калыма за невесту они не могли жениться в раннем возрасте. О том, что у иомутов практиковались ранние браки, свидетельствуют данные дореволюционных (К. К. Боде, М. Н. Галкин, И. Ибрагимов, А. Ломакин и др.) и советских (Д. Г. Иомудская-Бурунова, Ш. Аннаклычев и др.) авторов. Так, по данным К. К. Боде, иомуты женили сыновей в 14—15-летнем возрасте, а девушек выдавали замуж в 10—12 лет[1]. Согласно сообщениям М. Н. Галкина, возраст для вступления в брак у туркмен в расчет не принимался. Бывали случаи заключения брака, когда жениху было менее 12 лет, а невесте — менее 9 лет. Но брак в этом случае получал только вид сговора, после чего молодых разъединяли до тех пор, пока невеста не подрастет[2]. По сведениям Д. Г. Иомудской-Буруновой, брачный возраст девушек для «нормального» брака считался от 12 до 16 лет[3]. Однако лучшим примером существования в прошлом ранних браков являются сообщения самих туркменок-иомуток[4].

Обычай раннего вступления туркмен в брак обратил на себя внимание местной царской администрации,

[1] К. К. Боде. Очерки Туркменской земли..., стр. 114.

[2] М. Н. Галкин. Этнографические и исторические материалы..., стр. 37.

[3] Д. Г. Иомудская-Бурунова. Женщина в старой Туркмении. М.—Ташкент, 1931, стр. 24.

[4] Ш. Аннаклычев. Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага..., стр. 107.

что нашло отражение в официальном судебном законодательстве по гражданским делам, по которому коренным жителям Закаспийской области, как и во всем Туркестанском крае и Закавказье, учитывая их более раннее половое созревание, разрешалось вступать в брак юношам с 15, а девушкам с 13 лет[1]. Ф. М. Михайлов писал, что ранние браки у туркмен объяснялись желанием скорее получить за невесту калым, а также дать возможность молодому мужу, вернее, его родителям, выплатить калым полностью до наступления совершеннолетия[2]. К ранним бракам побуждало и желание приобрести в семью лишнюю работницу.

Калым

Распространенным обычаем, который занимал особое место в семейном быту иомутов, был обычай выплаты за невесту (калым). Калым за невесту выплачивался при всех видах заключения брака за исключением брака «гарша», когда две семьи обменивались невестами. Обычай калыма имел широкое распространение не только у иомутов Прибалханья, но и у туркмен земледельческих областей Прикопетдагского, Мервского и Хивинского оазисов, а также и у большинства других народов Средней Азии.

Величина калыма у различных групп туркмен была разная. Так, у иомутов Прибалханья в рассматриваемый период размер калыма, по данным информаторов, определялся в среднем от 5 до 10 верблюдов. Но при умыкании за похищенную девушку требовался, по обычаю, повышенный калым — 12 верблюдов и более. Высокий калым выплачивался в Прибалханье, в отличие от других местностей Закаспийской области, также за вдову при вторичном выходе ее замуж. Сообщения информаторов о размере калыма подтверждаются данными письменных источников. Так, по данным К. К. Боде, у западных иомутов стоимость калыма за девушку составляла 5 верблюдов[3]. М. Н. Галкин сообщает в своей работе, что у иомутов-скотоводов калым за девушку

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 7800, л. 2, 3 и 5.

[2] Ф. М. Михайлов. Туземцы Закаспийской области и их жизнь..., стр. 52—53.

[3] К. К. Боде. Очерки Туркменской земли..., стр. 114.

выплачивался в размере 10—15 верблюдов, причем тесть возвращал половину их, а иногда и более[1]. Время от времени калым то увеличивался, то уменьшался в силу различных хозяйственно-экономических причин. Так, например, в конце XIX в., по данным А. Ломакина, размер калыма у иомутов определялся от 5 до 12 верблюдов, тогда как у их соседей — гокленов — в 2000—3500 кран, а у текинцев — в 2000—4000 кран и т. д.[2] Как сообщает И. Ибрагимов, богатые туркмены Хорезмского оазиса отдавали за девушку калым в размере 150 тиллей или 10 верблюдов[3].

Как видно, размер калыма был различен у иомутов, гокленов, текинцев и других племен, причем калым у туркмен оседлоземледельческой полосы выплачивался деньгами, а у скотоводов Прибалханья — натурой (стоимостью верблюдов). При определении размера калыма за невесту всегда учитывалось в первую очередь ее происхождение, социальное положение родителей, а также личные достоинства девушки: красота, поведение, умение рукодельничать, работоспособность и т. п. Все эти обстоятельства оказывали влияние на величину калыма. Так, по словам Г. И. Карпова, «чистокровные» туркменки расценивались очень высоко в сравнении с туркменками смешанной крови — ярым (буквально — половина) и гырнак; калым за последних полагался в пять-шесть раз меньший[4]. Состоятельные семьи искали для своих детей богатых невест и женихов. Богатые люди ни в коем случае не отдавали свою дочь за бедняка, не считаясь при этом с ее чувствами. Примерами этого полна история туркменского народа, что нашло свое отражение и в научной и в художественной литературе. Девушки из богатых семей имели богатое приданое (сеп). Калым повышался еще в тех случаях, когда у жениха были какие-либо физические недостатки или он был слишком стар,

[1] М. Н. Галкин. Этнографические и исторические материалы..., стр. 37.

[2] А. Ломакин. Обычное право туркмен. Асхабад, 1897, стр. 5.

[3] И. Ибрагимов. Некоторые заметки о хивинских туркменах и киргизах (Из записной книжки). «Военный сборник», 1874, т. 98, № 9, стр. 145.

[4] Г. И. Карпов. Калым и его социальные корни. «Туркменоведение», 1930, № 2—3, стр. 31.

или же вдовец (хотя за вдовца, по обычаю, не было принято выдавать девушек). Небольшой калым выплачивался обычно за сироту, выросшую у опекунов, за девушку из бедной семьи или с физическими недостатками. На размер калыма влияли также родственные отношения жениха и невесты. Как правило, при заключении брака между близкими родственниками выплачивался меньший калым, так как с ними всегда легче было сговориться о размере калыма. Калым выплачивался обычно родителям девушки или опекунам, то есть тому, кто выдавал ее замуж. Выплачивался он, по обычаю, до свадьбы или в день свадьбы. Однако у туркмен-текинцев допускалось, что небольшая часть калыма могла быть выплачена и после свадьбы, но обязательно до водворения невесты в дом мужа на постоянное жительство. По обычаю туркмен, какая-то доля калыма «прощалась» отцом или опекуном невесты в пользу родителей жениха. Однако и в этом отношении не было определенных правил или норм, и все зависело главным образом от родителей, выдававших замуж дочь. По данным И. Ибрагимова, у хивинских туркмен отец невесты «прощает» отцу жениха 30 тиллей из общей суммы калыма 150 тиллей, а если калым выплачивался верблюдами, то из 10 верблюдов — 2 верблюда[1], что составляло не менее одной пятой части всего калыма.

Вопросу происхождения калыма посвящено много работ, авторы которых пытались дать объяснение появлению и живучести этого явления. Г. И. Карпов объясняет социальные корни калыма и его живучесть экономикой туркменского общества, связывая это с существовавшими в дореволюционном прошлом обычаями землепользования у туркмен, в частности Мервского и Ахальского оазисов[2].

По мнению Н. А. Кислякова, обычай калыма был связан с условиями существования патриархальных семей. При этом он допускает, что возрождение этого института относится к более раннему периоду. Н. А. Кислякову удалось установить, что у горных таджиков,

[1] И. Ибрагимов. Некоторые заметки о хивинских туркменах..., стр. 145.

[2] Г. И. Карпов. Калым и его социальные корни..., стр. 29.

там, где до недавнего прошлого бытовала патриархальная семья и удерживались пережитки патриархальных отношений, брак заключался путем уплаты калыма, тогда как у равнинных, в особенности городских таджиков, где господствовала в конце XIX — начале XX в. моногамная семья, обычай калыма вовсе не встречался или встречались лишь некоторые пережитки его[1].

Мнение Н. А. Кислякова о том, что калым связан с патриархальной семьей и существование его обусловлено наличием пережитков патриархальных отношений, вполне подтверждается на примере некоторых других народов Средней Азии, в частности туркмен-иомутов, у которых в XIX в. сильно удерживались пережитки патриархальных отношений и повсеместно господствовало заключение брака путем выплаты калыма за невесту.

Туркмены сами объясняют калым как плату родителям за воспитание и содержание девушки до замужества. Поэтому не случайно, что у туркмен при выдаче девушки замуж было необходимо согласие ее матери, хотя отец как глава семьи имел решающий голос.

Многоженство

В конце XIX и начале XX в. в Прибалханье преобладающей формой брака была моногамия, но, несмотря на высокий калым за девушек и вдов, практиковалось и многоженство, главным образом среди состоятельной части населения. М. Н. Галкин в своей работе сообщает о том, что у отца одного туркмена было восемь жен и он собирался взять астраханскую татарку в качестве девятой жены[2]. О бытовании в Прибалханье многоженства свидетельствуют данные архивных документов начала XX в. Так, по данным переписи 1917 г., по селению Узун-Су (общества Атабай II) числилось 57 хозяйств[3]. Из 26 сохранившихся подворных карточек имелось четыре случая многоженства. У Н. Курбанова (35 лет) и у А. Курбанкулиева (50 лет) было по

[1] Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков. «КСИЭ», вып. 17, 1952, стр. 76—77.

[2] М. Н. Галкин. Этнографические и исторические материалы..., стр. 37.

[3] ЦГА ТССР, ф. 127, оп. 5, д. 245, л. 1—26.

две жены[1]; у С. Аллабердыева (40 лет) — три жены[2]. Многоженцем был Джемербай Сарыджа оглы (65 лет) из аула Джемербай, общества Ак-Атабай. У него было три жены[3]. Судя по данным подворных карточек 1917 г., других случаев наличия трех и более жен в Прибалханье не встречалось, зато двоеженство встречалось во многих аулах.

Различия в возрасте супругов были обычно довольно большими. Кроме жен, прибалханские иомуты содержали нередко наложниц, что разрешалось шариатом. По шариату каждый мужчина мог иметь одновременно четыре законных жены (никалы аял) и неограниченное количество наложниц (гырнак), хотя с последними вступать в брак шариатом запрещалось. Туркмены держали обычно не больше одной-двух наложниц. Она считалась рабыней, товаром, ее можно было продавать, уступать кому-либо и т. д. Так с ней можно было обращаться до тех пор, пока у нее не появлялся ребенок[4]. Дети от наложниц назывались «ярым» (буквально — половинка), но они считались полноправными детьми.

Правом многоженства могли пользоваться только наиболее состоятельные люди, владевшие большим количеством скота. Менее состоятельные скотоводы не всегда даже могли жениться своевременно один раз из-за высокого калыма на невесту. Поэтому бедные скотоводы женились часто очень поздно, а те из них, кто не имел средств на выплату калыма за невесту, нанимались в пастухи к более зажиточным и богатым скотоводам с условием, чтобы их женили за счет заработков. Поэтому одинокие, круглые сироты долго бывали холостыми из-за отсутствия средств для уплаты калыма за невесту.

Что касается второй и третьей жены, то за них калым повышался вдвое и втрое, против обычного калыма за девушку, так как по обычаю в качестве второй и третьей жены могли быть только молодые вдовы. Правда, следует отметить, что в ряде случаев вторая

[1] ЦГА ТССР, ф. 127, оп. 5, д. 245, л. 4, 11, 22.
[2] Там же, л. 6.
[3] Там же, д. 343, л. 4.
[4] А. Ломакин. Обычное право туркмен, стр. 2.

жена доставалась по обычаю левирата — жена умершего брата. В таком случае калым за вдову выплачивался ее родителям в небольшом размере.

Если мужчина имел несколько жен, он содержал их в разных юртах. Каждая жена жила со своими детьми. Муж жил постоянно у самой молодой и любимой жены, а остальных жен посещал только время от времени. Самая старшая жена пользовалась большим уважением и почетом в семье, она являлась второй главой семьи после мужа, ей подчинялись младшие жены мужа и все дети. Старшая жена распределяла в семье обязанности среди жен и детей и следила за выполнением задания. Дети младших жен называли ее «гарры эдже», что дословно в переводе на русский язык означает «старая мама».

Свадебный обряд

Свадебный обряд у иомутов-скотоводов Прибалханья своеобразен. Он включает сватовство, обряд заключения брака и другие церемонии, связанные с браком (кайтарма, избегание, приданое, левират и др.) Повторяя общетуркменские обычаи, он имеет в деталях некоторые особенности, обусловливавшиеся спецификой кочевого скотоводческого хозяйства и племенными традициями.

У иомутов Прибалханья, как и у других туркмен, сговор о браке заключался, как правило, между родителями жениха и невесты. Жених, если ему не нравилась просватанная за него девушка, мог высказать через своих друзей неудовольствие. Просватанная же девушка не должна была высказывать своего нежелания вступить в брак, так как проявление всякого неудовольствия невестой считалось нарушением приличий. В семейном быту населения Прибалханья в конце XIX — начале XX в. практиковались различные способы заключения брака: сватовство, адаглама, умыкание, гарша, левират (дакылма или дакма) и другие, которые были знакомы всем остальным туркменским группам. Заключение брака путем сватовства являлось одним из наиболее распространенных видов брака у прибалханских иомутов. Что касается других видов заключения брака (адаглама, умыкание, гарша,

левират и др.), то они составляли исключение из общего правила брачных норм туркмен и практиковались, за исключением левирата, крайне редко.

Адаглама

У прибалханских иомутов, как и у других туркмен, бытовал обычай адаглама. Этот обычай представлял собой сговор между родителями малолетних детей о заключении брака. Браки путем адаглама заключались чаще всего между родственными семьями. Во время адаглама родственники жениха надевали на шею девушки (адагланан гыз) пеструю веревку (алажа йүп) с бусинками или серебряными и золотыми монетами в знак того, что она просватана. Обряд бракосочетания при адаглама совершался по достижении женихом и невестой брачного возраста. Но день адаглама отмечался праздничным угощением. Что касается вопроса о размере, условиях и времени выплаты калыма, об этом договаривались во время сговора, а иногда перед свадьбой. При этом калым выплачивался обычно перед тем, как устраивалась свадьба, по достижении детьми брачного возраста. Но иногда калым выплачивался частично или целиком сразу после сговора. Следует отметить, что бывали случаи, когда после сговора брак по какой-либо причине расстраивался. В этом случае выплаченный заранее калым возвращался обратно[1].

Ранние преждевременные сговоры туркмен о браке малолетних детей в виде адаглама заключались по разным причинам. В частности, родственные семьи этим самым стремились укрепить свои дружественные отношения или избежать выплату высокого калыма за невесту и т. д. Сговор адаглама заключался также в тех случаях, когда плохое материальное положение отца девушки вынуждало его получить от жениха какие-либо средства в счет калыма.

Умыкание

Другим, менее распространенным видом заключения брака являлось умыкание девушки.

[1] А. Ломакин. Обычное право туркмен, стр. 1—2.

Как рассказывают старики, оно практиковалось у прибалханских иомутов редко. Умыкание рассматривалось туркменами как нарушение обычного права и осуждалось общественным мнением. Главной причиной умыкания девушки были различного рода брачные ограничения: запрет браков между игами и кулами, различие социального положения семей, а также чрезмерно высокий калым за невесту, красота девушки и тому подобное, делавшие обычный брак невозможным. Умыкание происходило часто по взаимному соглашению девушки и юноши, но бывали случаи и насильного похищения девушки из чужого аула.

Умыкание девушки происходило нередко таким образом: юноша и девушка в заранее условленное время, чаще всего ночью, убегали в какой-либо другой аул, где останавливались в безопасном месте у кого-либо из родственников юноши или у старшины, то есть у самого уважаемого и знатного в ауле человека. По обычаю, тот, у кого останавливались беглецы, должен был выступать в их защиту, а также в качестве посредника при переговорах между родителями невесты и жениха. В таких случаях у иомутов при необходимости на защиту беглецов выступал весь аул, в котором они укрылись от родственников невесты. При умыкании девушки обряд бракосочетания молодых совершался обычно как только беглецы находили пристанище в чужом ауле. Это делалось для того, чтобы невесту не могли отнять, так как по шариату никто не имел права расторгнуть заключенный брак и отдать похищенную замуж за кого-либо другого; могли только убить того, кто похитил девушку.

Умыкание девушки рассматривалось не только как нарушение прав адата, но и как большой позор для родных девушки. Поэтому оно часто сопровождалось скандалами. Особенно крупные скандалы происходили при умыкании незнакомой девушки из чужого аула. Но чаще всего почитаемые старики — аксакалы мирили все же родителей молодых, после чего устанавливался размер калыма. За похищенную девушку принято было платить калым более высокий, чем обычно.

Брак «гарша»

Своеобразен у туркмен перекрестный брак — «гарша», который предусматривал взаимный обмен невестами. Брак «гарша» заключался чаще между родственными семьями с целью обойтись без уплаты калыма за невесту. Аналогичный вид брака существовал также у многих других народов Средней Азии и стран зарубежного Востока. Так, например, у афганцев этот обычай получил название «мухай», он часто практиковался среди беднейшей части населения Афганистана[1]. У прибалханских иомутов-скотоводов брак «гарша» заключался в редких случаях, главным образом между малосостоятельными семьями.

Левират

В числе широко распространенных старинных форм брака у туркмен, в том числе и у прибалханских иомутов, был обычай левирата (дакма, или дакылма, что означает буквально — прикрепление).

Так как обычай левирата у туркмен подробно описан в работе Д. Г. Иомудской-Буруновой[2], здесь следует остановиться только на специфических особенностях этого обычая у скотоводов-иомутов Прибалханья. Согласно рассматриваемому обычаю, молодая вдова, называемая иомутами «дул аял» или «есир», после смерти мужа переходила с ее согласия к младшему брату мужа (ювуржи) — как холостому, так и женатому. Обычаем допускался также переход вдовы к какому-либо из старших братьев умершего. Возрастные различия между вдовой и деверем, как и при других видах брака, не могли быть препятствием к вступлению в брак. Чаще всего вдову отдавали младшему неженатому брату или кому-либо из старших братьев мужа. При этом интересно отметить, что в таких случаях младший неженатый брат имел по шариату право жениться, помимо этого, еще раз на девушке[3]. Сами

[1] «Народы Передней Азии». Под ред. Н. А. Кислякова и А. И. Першица. М., 1957, стр. 72.

[2] Д. Г. Иомудская-Бурунова. Женщина в старой Туркмении, стр. 54—56.

[3] Там же, стр. 55.

туркмены объясняют это тем, что у них, как и у других мусульманских народов, существовало религиозное представление о том, что на «том свете» каждая женщина должна встретиться опять с мужем от первого брака. Описываемый обычай оставил глубокие следы в семейном быту туркмен-иомутов и причинил много горя молодым матерям и их детям. В результате этого обычая многие дети остались сиротами. Примером может служить жизнь матери нефтяника Сатлыка Удаева, у которой отняли двух малолетних детей, когда выдавали вторично замуж[1].

Таких примеров было очень много. По обычаю дакма, переход вдовы к какому-либо из братьев мужа у иомутов-скотоводов Прибалханья совершался не только с согласия самой вдовы, но и с разрешения на это ее родителей или опекунов, за что им выплачивался второй раз калым в небольшом размере. Это было связано с тем, что по обычаю вдова после смерти мужа переходила под опеку своего отца или братьев, которые могли ее вернуть к себе в дом по истечении срока траура, несмотря на то, что за нее в свое время был выплачен большой калым. Поэтому родственники мужа всячески старались удержать вдову в семье мужа под любым предлогом, отдавая ее, по обычаю дакма, одному из братьев покойного мужа, чтобы ее дети и имущество не переходили к чужим. Так как дети по мусульманскому праву принадлежали родителям мужа, их отнимали обычно у вдовы, если она была не согласна остаться в доме покойного мужа и выйти замуж за его брата. Поэтому вдовы в большинстве случаев вынуждены были соглашаться на дакма, чтобы не потерять своих детей. Однако не только этим объясняется этот обычай. Главной причиной заключения брака по дакма было то, что родители мужа, покупая невесту как товар, заплатив за нее большой калым, не хотеть как товар, заплатив за нее большой калым, не хотеку. С другой стороны, этот обычай объясняется тем, что у бедных семей нечем было платить калым за невесту. Поэтому во избежание уплаты разорительного калыма за девушку они часто прибегали к дакма. Бо-

[1] Ш. Аннаклычев. Некоторые стороны быта рабочих-нефтяников Небит-Дага, стр. 54.

лее того, уход вдовы из дома мужа в дом отца и выход ее там вторично замуж считался неприличным поступком и позором не только для семьи родителей мужа и его родных, но и для всего племенного подразделения. На этой почве у туркмен возникали крупные ссоры[1]. Следует отметить, что переход вдовы по дакма к одному из братьев мужа или выход ее вторично замуж в доме отца не разрешался раньше, чем через предусмотренное обычаем время (четыре месяца и десять дней), чтобы за это время выяснить, не беременна ли она[2]. У скотоводов-иомутов нередко и бездетные вдовы выходили замуж за брата мужа. Но, как сообщают информаторы, молодые вдовы, не имевшие детей, после смерти мужа уходили иногда по истечении предусмотренного обычаем срока траура в отцовский дом или в дом опекуна, где их выдавали вторично замуж. При этом вдовы при уходе из семьи мужа брали свое приданое, личные вещи, предметы туалета и т. п. Осуждался уход из дома покойного мужа женщин, имевших детей. Поэтому нередко молодые вдовы в 25—30-летнем возрасте всю жизнь оставались в доме покойного мужа, не выходя замуж, чтобы оставаться верной его памяти. Особенно часто бывали такие случаи, когда у вдовы был сын. Ей внушили, что ее ожидает «на том свете» хорошая жизнь, встреча с покойным мужем и т. д. В тех случаях, когда вдова оставалась в доме мужа со своими детьми, не переходя ни к кому из братьев мужа, родственники мужа выплачивали отцу или опекуну вдовы небольшой выкуп за «сиденье у очага»[3]. В таких случаях вдова сама считалась главой семьи, пока не вырастет ее сын, и вела самостоятельное хозяйство отдельно от отца мужа, распоряжаясь полностью всем имуществом своей семьи. Но вместе с тем она пользовалась постоянно покровительством свекра и других родных мужа.

---

[1] Д. Г. Иомудская-Бурунова. Женщина в старой Туркмении, стр. 55.

[2] А. Ломакин. Обычное право туркмен, стр. 4; Д. Г. Иомудская-Бурунова. Женщина в старой Туркмении, стр. 45.

[3] Д. Г. Иомудская-Бурунова. Женщина в старой Туркмении, стр. 55.

У иомутов-скотоводов Прибалханья калым за вдову при вторичном выходе замуж повышался вдвое-втрое против обычного. Так, если размер калыма за девушку составлял в среднем от 5 до 10—12 верблюдов, то стоимость калыма за вдову доходила от 10—12 до 18—20 верблюдов; в некоторых случаях она достигала 30—45 верблюдов. Об этом сообщали в своих трудах некоторые дореволюционные авторы. Так, по сообщению К. К. Боде, стоимость калыма за вдову у иомутов составляла не меньше 10 верблюдов, тогда как за девушку платили 5 верблюдов[1]. Это он объясняет тем, что вдовы по сравнению с девушками были более привычны к работе и опытнее в хозяйстве. Такого же мнения придерживался и П. Огородников[2]. У некоторых же туркменских племен, наоборот, вдова стоила значительно дешевле, чем девушка. Так, у северных хивинских туркмен, по данным И. Ибрагимова, размер калыма за вдову составлял до 50 тиллей или до 4 верблюдов, тогда как калым за девушку (особенно из богатой семьи) доходил до 150 тиллей или до 10 верблюдов[3], что почти втрое больше, чем за вдову. Чем можно объяснить более высокий калым за вдову у иомутов? Во-первых, тем, что вдову могли брать в жены только вдовцы, а также женатые мужчины в качестве второй, изредка — третьей жены. Туркмены за вдовца ни за что не отдавали девушку, за очень редким исключением. Между тем вдов по сравнению с девушками было очень мало. Их очень трудно было найти, так как не все вдовы выходили вторично замуж: часть их переходила к младшему брату мужа, а часть вообще отказывалась от замужества. Вдовы зажиточных семей имели богатое приданое. Все это повышало спрос на вдов, что, естественно, сказывалось на размерах калыма.

В семейном быту туркмен, в том числе и прибалханских иомутов, существовал своеобразный способ заключения брака, согласно которому допускался брак одного мужчины с двумя родными сестрами в разное время: вдовец женится после смерти жены на ее млад-

[1] К. К. Боде. Очерки Туркменской земли..., стр. 114.

[2] П. Огородников. Тревожные места. «Дело», 1876, № 7, стр. 105.

[3] И. Ибрагимов. Некоторые заметки о хивинских туркменах..., стр. 145.

шей сестре при согласии родителей. Эта форма заключения брака практиковалась в следующих случаях: когда внезапно умирала по какой-либо причине просватанная девушка до свадьбы, когда женщина умирала, оставив своих малолетних детей и т. п. Такая форма брака была большой редкостью.

Свадьба

Свадебный обряд иомутов — ак-атабайцев и джафарбайцев, населявших прибалханские районы, отличался некоторыми чертами не только от обрядов, бытовавших среди туркменских племен, но и у их сородичей — оседлых джафарбайцев прибрежных рыболовецких поселений Челекена, Чикишляра, Гасан-Кули и т. п.[1] Свадьба у иомутов, как и у других туркмен, начиналась всегда со сватовства и заключения сговора о браке. Сговор заключался обычно между родителями жениха и невесты без участия самих молодых, которые узнавали об этом в последнюю очередь.

По старой традиции, прежде чем женить сына, родители и близкие присматривали хорошую девушку. Со стороны жениха в дом отца девушки отправляли опытного в этом деле человека — свата (савчы) для получения согласия родителей девушки и заключения сговора[2]. В качестве сватов избирали обычно одного или двух уважаемых людей из старшего поколения (аксакал) как из родственников семьи жениха, так и не родственников. Через сватов родители девушки узнавали о женихе и состоянии его семьи, а также о тире его родителей, их социальном происхождении, принадлежности к играм или кулам. Сватов вознаграждали подарками. В том случае, если родители девушки были согласны породниться с домом жениха, они приглашали свата прийти еще раз через несколько дней. За это время собирали дополнительные сведения о женихе и его семье. В случае получения положительного ответа от родителей будущей невесты на заключение брака, от родителей жениха или самых близких его родственников отправлялось несколько человек в дом отца девушки со скатертью с праздничным печеньем (экмек). Этим обрядом окончательно завершался сговор о заключении брака. При этом договаривались о размере калыма за девушку, времени и условии его выплаты, о подробностях свадьбы. Наконец назначался «удачный» день (сэхетли гун) для свадьбы (той). Срок со дня сговора до свадьбы был различным. В среднем день свадьбы объявлялся обычно за 20—30 дней, иногда и больше. Все расходы по организации и устройству свадьбы несли родители жениха. У туркмен при женитьбе сына в расходах участвовали все близкие родственники, в особенности по линии отца. Они оказывали материальную помощь отцу жениха в выплате калыма и устройстве праздничного угощения. По обычаю, каждый женатый брат должен был женить младшего. После того, как день свадьбы был назначен, обе стороны готовились к ней. Родственники невесты приготовляли ей свадебные наряды и приданое (сеп). Просватанная девушка освобождалась от всякой домашней и хозяйственной работы и занималась приготовлением свадебного наряда. Что касается родственников жениха, то они готовили калым за девушку, свадебные наряды и украшения для невесты и все необходимое для организации свадьбы. В день свадьбы (той) в доме отца жениха с самого утра собиралось много народа — родственники и гости, съехавшиеся из других аулов, а также односельчане. Гости помогали хозяевам. Одни готовили к отправке свадебный караван, едущий за невестой, другие занимались приготовлением праздничного угощения, а третьи встречали приезжих гостей и ухаживали за ними, угощали их чаем и др. Кстати, следует отметить, что за день до свадьбы обе стороны пекли праздничное печенье (экмек), которым обменивались в день свадьбы. Основное праздничное торжество проходило в доме жениха. В доме отца девушки тоже устраивалось небольшое торжество с угощением, но

[1] О свадьбе у прибрежных иомутов см.: М. Мурадов. Той (свадьба). Из жизни туркмен иомутов побережья Каспийского моря. «Туркменоведение», 1927, № 4, стр. 15—17; А. Джикиев. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря, стр. 124—130.

[2] В случае отказа родителей девушки от заключения брака под каким-либо предлогом свата отправляли в другой дом за другой девушкой; это повторялось до тех пор, пока не получался утвердительный ответ.

оно быстро кончалось, после чего девушку увозили. За невестой отправляли свадебный караван во главе с почитаемым стариком (аксакалом).

Кроме аксакала, за невестой приезжали несколько женщин из родственниц жениха, но сам жених и его мать в этом не участвовали. В состав свадебного каравана входил специально убранный для невесты верблюд и несколько верблюдов, на которых ехали близкие родственники жениха. На спине верблюда невесты устраивали специальное приспособление для сидения, называемое туркменами «ак кежебе» или «кежебе». С каждой стороны кеджебе вешали по ковровому покрывалу (диехалык), а через голову верблюда, на котором было установлено кеджебе, длинная шелковая попона из разноцветных лоскутков с кисточкой (диебашлык). Выше колен к ногам верблюда подвязывалась ковровая подвязка с кистью (диедызлык, от слова «дыз» — колено), а в нос верблюду продергивалась ковровая веревка — повод. Кеджебе состояло из четырех стоек (өре), сделанных из четырехгранной палки длиной около 120—130 см и толщиной 50—60 см, которые обертывались узкой тканой ковровой полоской (дузи). Сверху кеджебе сооружался купол, который покрывался белой накидкой с нашитыми цветными лоскутами, а иногда коврами, особенно в холодное время. Затем кеджебе устанавливалось на специальном седле, для чего сначала на верблюда навьючивались два ковровых чувала (гарчын), свернутых трубками, и уже на них устанавливалось кеджебе. Свадебный караван вели близкие родственники жениха. С большой торжественностью свадебный поезд (гелиналыҗы) подъезжал к кибитке отца девушки. Приехавшие располагались как гости у родственников невесты[1], где их угощали. На праздничный обед приглашались также все односельчане. В это время девушка, одетая в свадебный наряд, сидела в специально отведенной для нее кибитке одного из братьев или родственников по отцовской линии. Вместе с ней

[1] Если они ехали издалека, то оставались на ночь у родственников невесты. В таком случае их распределяли по одному или по два человека в каждую юрту в ауле.

в этой юрте сидели ее подруги — девушки и молодые женщины, которые утешали выходящую замуж. Во время трапезы отцу девушки или кому-либо из близких ее родственников вручали калым, после чего отец разрешал увезти девушку в дом жениха. Тогда все родственники жениха (гелиналыҗы) направлялись с криком и шумом к юрте, где сидела невеста. Там же их ожидали родственницы девушки, которые демонстративно не пускали их в юрту к невесте. Тут по туркменскому обычаю начиналась традиционная борьба (далаш) между женщинами обеих сторон за невесту. Предлогом для борьбы служила обычно какая-либо старая вещь: старый халат, платок и т. п. В ходе борьбы вещь разрывали в клочья. Борьба превращалась иногда в настоящую драку. Строго запрещалось только бить невесту. Мужчинам входить в юрту и вмешиваться в борьбу женщин не разрешалось за исключением почетного старика, который иногда, если борьба женщин длилась слишком долго, помогал наводить порядок. В результате борьбы, как требовал обычай, родственницы жениха выходили победительницами. Во время борьбы невеста сидела в углу кибитки с закрытым лицом. По окончании борьбы женщины выводили невесту из юрты, а иногда выносили ее на руках на паласе и сажали на кеджебе. В этом им помогали иногда и мужчины. Рядом с невестой сажали женщину, называемую в таких случаях иомутами «өв енҗе». Эта женщина была женой одного из старших братьев или братьев отца невесты; она сопровождала невесту в дом жениха и оставалась там с ней до возвращения ее обратно в дом отца. В случае отсутствия родной енге — снохи к невесте сажали какую-либо родственницу или даже чужую женщину, которая должна была заменить ее. Она во время пребывания невесты в доме жениха ухаживала за последней.

Описываемый обычай не встречается у текинцев и у других туркмен. По обычаю туркмен-текинцев, когда невесту выводили из юрты на улицу, то на паласе рядом с ней сидели несколько женщин из числа ее родственниц (енҗе) и близких соседок. От них откупались, чтобы они не задерживали невесту в пути. Одна или две енге не сходили с паласа до отбытия свадеб-

ного поезда. Очевидно, это — пережиток описанного выше обычая туркмен-иомутов. После выполнения описанных обрядов свадебный поезд отправлялся в обратный путь с невестой. По прибытии его в аул мать жениха сыпала на лоб верблюда, на котором ехала невеста, муку в честь благополучного прибытия. Мать жениха и другие его родственники кидали через кеджебе, в котором сидела невеста, сладости, фрукты и деньги, а присутствующие при церемонии подбирали их с земли. После этого по разрешению матери жениха невесту вводили в специально предназначенную для молодых юрту (өрүк өй), принадлежавшую близким родственникам жениха, где новобрачные проводили первую ночь. Свадебная юрта внешне почти ничем не отличалась от обычных кибиток. Родственники жениха перед вводом невесты в юрту не давали открыть ее дверь, чтобы получить подарки, обычно деньги. Подарки должна была давать енге, но иногда давали и обе снохи — как невесты, так и жениха. Затем в юрту вместе с невестой входила енге и другие женщины-односельчанки, чтобы посмотреть лицо новой невестки. Иногда в этой юрте невесте давали возможность немного отдохнуть, особенно если ее везли издалека. Описанный иомутский ритуал отличался от текинского тем, что у последних дверь кибитки, куда должна была войти невеста, закрывала хозяйка юрты. Подарки она получала не от енге, а от матери жениха, так как у текинцев в XIX в., как уже говорилось, енге невесты не провожала ее в дом жениха.

Пока свадебный поезд находился в пути, народ устраивал различного рода развлечения: скачки, национальную борьбу (гөреш) и другие игры (рис. 5). Победителям вручали подарки: барана, халаты, платки с деньгами и др. Вечером пели народные певцы-сказители (багшы) и т. д.

День свадьбы в доме жениха отмечался обычно большим праздничным угощением, для чего резали несколько баранов, в зависимости от состояния родителей жениха. Угощение подавали, как правило, после того, как возвращался свадебный поезд с невестой. На трапезу приглашались все жители данного аула и гости из других аулов. В день свадьбы жених находился

Рис. 5. Туркменская народная борьба «гөреш».

у своего друга или близких родственников, где его окружали товарищи-ровесники. Там он находился днем до возвращения невесты в отцовский дом. В отличие от атабайцев жених у иомутов — джафарбайцев и огурджалинцев прибрежных оседлых поселений — в дни свадьбы находился у одного из своих лучших дру-

зей (мусайыб)[1]. Юрту мусаиба называли «мусайыб өй», где молодежь в день тоя устраивала игры — зыкыр[2], сопровождаемую ритмичными движениями и пением, и др. Вечером в день свадьбы духовным лицом — муллой совершался обряд бракосочетания (ника) молодых. Но сами молодые, вступавшие в брак, обычно не присутствовали на церемонии бракосочетания. Поэтому для совершения обряда бракосочетания доверенным лицом (векил) назначался один из уважаемых людей (аксакал) аула. В сопровождении двух человек (пияда казы) векил должен был посетить юрты, где сидели жених и невеста, чтобы узнать, кому они поручают представительство при бракосочетании.

У иомутов, как и у других туркмен, принято было, чтобы как жених, так и невеста выбирали своими представителями зятя — мужа своей сестры (гиев). Брак оформлялся согласно шариату чтением муллой специальной молитвы из корана в присутствии представителей от жениха и невесты, а также доверенного лица (векил), двух пияда казы и других лиц в качестве свидетелей. Во время чтения молитвы соблюдали тишину, а какая-нибудь из родственниц двигала в воздухе ножницами до окончания молитвы, чтобы «злые духи не помешали бракосочетанию». Так кончалась церемония бракосочетания, и с этого момента брак молодых считался законным. По мусульманскому праву, у тех, кто не совершал описанный выше обряд, дети считались нечистыми (харам), незаконными. У иомутов, как и у других туркмен, в редких случаях, когда жених отсутствовал и не мог явиться по какой-либо причине, практиковался другой способ заключения брака, называемый «телфек ника» (венчание с шапкой).

[1] Подробно об этом см.: Ш. Аннаклычев. Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага.., стр. 122—139; А. Джикиев. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря, стр. 126—132.

[2] Подробно об обряде зыкыр см.: Иомуд хан Караш Оглы (Иомудский). Зыкыр у туркмен Закаспийской области. «Изв. Туркестанского отд. РГО», т. 17, Ташкент, 1924, стр. 143—145; его же. Очерки туркменского быта. «Туркменоведение», 1928, № 9, стр. 59—61; Ш. Аннаклычев. Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага..., стр. 126—132; А. Джикиев. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря, стр. 126, 142—145.

Обряд бракосочетания всегда сопровождался угощением сладкой «брачной» водой (ника сув). По окончании церемонии бракосочетания «ника сув» давали пить всем по одному-два глотка, но в первую очередь должны были пить мулла и новобрачные, а затем уже все остальные. После этого подавали кушанье «аш» (плов), приготовленное специально для церемонии бракосочетания.

После бракосочетания новобрачных знакомили. На церемонии знакомства молодых присутствовали молодежь и родственницы — снохи жениха и невесты. Новобрачных знакомила обычно енге, которая соединяла их мизинцы и читала традиционное наставление, пожелание жениху:

Арпа чөрек йидирме,
Алача көйнек гейдирме,
Кәдери огшук мундирме и т. д.[1]

(Не заставляй (ее) есть хлеб из ячменя, не одевай (ее) в рубаху из ткани алача, не заставляй сесть на кэдери өгушука — годовалого верблюда).

Согласно традиции туркмен, новобрачные в первые дни после свадьбы спали за специальной занавеской из белой материи с нашитыми на ней разноцветными лоскутами (туты, перде). Этот обычай был широко распространен в XIX в. у иомутов Прибалханья. Здесь в семьях менее состоятельных скотоводов молодые супруги продолжали жить вместе с родителями в одной юрте, разделенной занавеской, пока не появлялась возможность купить новую юрту.

На второй день свадьбы невесту переводили в юрту родителей жениха, где она жила до церемонии кайтарма — возвращения в родной дом. Когда молодая приходила в юрту родителей жениха, сноха жениха садилась на почетное место в юрте и заявляла, что это ее место. Мать жениха откупала у нее это место подарками и сажала туда молодую невесту и через нее кидали сладости. Затем с невесты снимали без каких-либо церемоний девичью тюбетейку и отдавали ее младшей сестре мужа

[1] Подробно об этом см.: Д. Г. Иомудская-Бурунова. Женщина в старой Туркмении, стр. 26—28.

(балдыз)[1]. У иомутов ее снимала, как правило, енге — сноха невесты и надевала на голову молодой женский головной убор (алынданы). Ей делали женскую прическу и надевали накосные (асык, монжук) и другие женские украшения (большие серьги, кольца, браслеты и т. д.).

Кайтарма

Привлекает внимание своеобразный туркменский обычай кайтарма, что в переводе означает возвращение невесты. Согласно этому обычаю, молодая через определенное время после вступления в брак возвращалась на некоторое время к своим родителям. Обычай кайтарма у скотоводов Прибалханья, как и у других туркмен в рассматриваемый период, являлся одним из наиболее распространенных в семейном быту.

Аналогичный туркменской кайтарме обычай бытовал в прошлом в различных вариантах в семейном быту у многих других народов (удмуртов, башкир и др).

По этому обычаю у иомутов молодая возвращалась в родительский дом через два-три, изредка через пять-семь дней после заключения брака на срок два-три, а иногда три-четыре года. За это время невеста должна была приготовить себе приданое или дополнить его. Об этом свидетельствуют данные К. К. Боде[2], Д. Г. Иомудской-Буруновой[3] и др.

Одной из характерных особенностей обычая кайтарма у туркмен-иомутов было то, что при возвращении невесты в дом своего отца ее сопровождали не только родственницы жениха, но и сноха — енге, сопровождавшая ее в день свадьбы, чего не было у других туркмен, в частности текинцев.

Другой особенностью описываемого обычая у иомутов в сравнении с другими туркменскими племенами был более короткий промежуток времени между бракосочетанием и началом кайтармы. Если у иомутов молодую возвращали в отцовский дом через два-три дня

[1] Туркмены-текинцы совершали этот же обряд с особой церемонией, называемой «гелне баш салмак» (надевание невесте женского головного убора).

[2] К. К. Боде. Очерки Туркменской земли..., стр. 114.

[3] Д. Г. Иомудская-Бурунова. Женщина в старой Туркмении, стр. 29.

после заключения брака, то у текинцев и других туркмен принято было возвращать молодую через две—четыре недели после свадьбы. Замужнюю женщину в родном доме в период кайтарма называли «кайтарма» (дословно — возвращенная) или «чувал гыз». Женщина-кайтарма у некоторых туркменских племен, в частности у иомутов, текинцев и других, отличалась по одежде, главным образом по головному убору и другим признакам не только от незамужних девушек, но и от молодых женщин своего родного аула. Она в своем родном доме не носила покрывало для закрывания рта (яшмак) и должна была закрывать рот только при родственниках жениха. Кроме того, девушка-кайтарма у текинцев отличалась от прочих молодых женщин и тем, что не носила, как последние, на голове массивное серебряное женское украшение (эгме, илдиргич и т. д.), что являлось необходимой принадлежностью костюма молодых женщин. Родители женщины-кайтармы согласно адату могли держать ее в родном доме до тех пор, пока калым за нее не будет выплачен полностью. Однако этот порядок не всегда соблюдался. Срок пребывания молодой в доме отца в период кайтармы был у различных групп туркмен разный. У описываемой группы иомутов срок кайтармы составлял два-три года, а в некоторых случаях — пять-шесть лет[1]. У туркмен-текинцев продолжительность кайтармы зависела по большей части от оплаты калыма. По обычаю, после выплаты калыма полностью никто не мог задержать молодую в доме отца без разрешения на то родителей мужа.

По мнению К. К. Боде, обычай кайтармы объяснялся бытованием у туркмен ранних браков: кайтарма была необходима, чтобы дать молодым супругам время достичь совершеннолетнего возраста[2]. Г. И. Карпов связывал кайтарму с выплатой калыма. За это время родственники жениха должны были полностью выплатить калым[3].

[1] Д. Г. Иомудская-Бурунова. Женщина в старой Туркмении, стр. 29.

[2] К. К. Боде. Очерки Туркменской земли..., стр. 114.

[3] Г. И. Карпов. Н. В. Брюллова-Шаскольская. Пережитки древних форм брака у туркмен. «Туркменоведение», 1928, № 7—8, стр. 101—102.

По мнению того же автора, срок пребывания молодой в родительском доме зависел от размера калыма: чем больше размер калыма, тем больше был необходим срок кайтармы. Кроме того, Г. Н. Карпов отмечал, что за время кайтармы молодой ее родственники должны были подготовить приданое. А приготовление его требовало много времени[1]. И только если молодая беременела в период кайтармы, то ее сразу же отправляли в дом мужа, так как родить молодой в родительском доме считалось неприличным.

С обычаем кайтармы был тесно связан ряд обычаев и обрядов, в числе которых можно назвать «избегание». По нему молодым не полагалось встречаться и открыто видеться с родителями и старшими родственниками в первые годы после заключения брака (для жены запрет касался родни мужа, а для мужа — родни жены). Запрет этот должен был соблюдаться женихом и невестой и до свадьбы (начиная с момента заключения сговора о браке).

Жених, а затем молодой муж в случае приезда кого-либо из родных невесты-жены в гости скрывался[2]. Когда гости приезжали с ночевкой, то жених или молодой муж не приходил в свой дом даже ночевать и оставался на ночь у кого-либо из своих друзей или родных. При этом следует отметить, что по обычаю не только зять (гиев, көрекен) должен был соблюдать этот обычай, но и родители жены в свою очередь должны были избегать встреч со своим зятем. «Избегание» молодым мужем родителей и старших родственников жены продолжалось обычно до тех пор, пока родители жены не приглашали его к себе в гости для знакомства. По описанию Н. В. Брюлловой-Шаскольской, у иомутов этот запрет продолжался обычно семь лет, после чего теща приглашала зятя и дарила ему халат[3]. Молодой муж, получив приглашение, отправлялся к ним в сопровождении одного или двух своих лучших друзей. В доме жены в честь приезда зятя устраивалось угощение и преподносились подарки в зависимости от средств родителей жены: нарядный шелковый халат, лошадь и т. п. После этого зять уже не избегал тестя, тещи и старших родственников жены. Больше всего от обычая избегания страдали молодые женщины, так как для них оно продолжалось очень долгое время. Им приходилось соблюдать этот обычай не только в родительском доме в период кайтармы, но и в доме мужа после возвращения из отцовского дома. Молодые женщины так же, как и их мужья, в первые годы после заключения брака избегали родителей и старших родных мужа. Молодая в родительском доме в период кайтармы если и ходила без яшмака, то должна была прятаться при посещениях свекра, свекрови и других старших родственников мужа. Во время пребывания в родительском доме в период кайтармы молодой женщине запрещалось по обычаю открыто видеться со своим мужем независимо от продолжительности кайтармы. Но муж изредка мог посещать жену, но делать это тайно, что отмечалось в трудах Н. В. Брюлловой-Шаскольской[1], Г. И. Карпова[2], Д. Г. Иомудской-Буруновой[3] и др. У иомутов было принято молодую в период кайтармы через каждый год-два на два-три месяца отводить на свидание к мужу. Это повторялось два-три раза до переселения ее в дом мужа на постоянное жительство. Этот обычай отмечен и Д. Г. Иомудской-Буруновой[4]. При тайном свидании молодых мужа сопровождал обычно его близкий друг, который организовывал встречу у знакомых. Тайные посещения жены должны были происходить ночью, и никто в доме, кроме жены и посредников, не должен был об этом знать. Если о свидании узнавали родственники жены, то мужу грозила опасность быть избитым, опозоренным. Если молодого мужа ловили на свидании, то издевались над ним, высмеивали, натравливали собак, надевали верб-

[1] Г. И. Карпов. Н. В. Брюллова-Шаскольская. Пережитки древних форм брака у туркмен, стр. 102.
[2] Д. Г. Иомудская-Бурунова. Женщина в старой Туркмении, стр. 29.
[3] Н. В. Брюллова-Шаскольская. Пережитки древних форм брака у туркмен. «Изв. Средазкомстариса», вып. 3. Ташкент, 1928, стр. 212.

[1] Н. В. Брюллова-Шаскольская. Пережитки древних форм брака у туркмен, стр. 211—212.
[2] Г. И. Карпов. Н. В. Брюллова-Шаскольская. Пережитки древних форм брака у туркмен, стр. 101.
[3] Д. Г. Иомудская-Бурунова. Женщина в старой Туркмении, стр. 29.
[4] Там же.

люжье седло и т. д.[1]. Но надо сказать, что если тайные посещения мужа были не слишком частыми, то родители невесты делали вид, что они ничего не замечают, и нередко предоставляли даже молодым отдельное помещение для свидания. Г. И. Карпов в своей рецензии на работу Н. В. Брюлловой-Шаскольской «Пережитки древних форм брака у туркмен» пытается объяснить причины запрета свиданий жены и мужа в период кайтармы материальной заинтересованностью сторон, связанной с выплатой калыма[2].

Молодая жена, вернувшись в дом мужа после кайтармы, должна была носить яшмак, закрывать рот краем головного платка — покрывала (башатар) в присутствии свекра, свекрови, старших родственников мужа, а также при посторонних людях старше себя. В первые годы после возвращения в дом мужа молодая ходила вообще с закрытым лицом, для чего надевала поверх головного убора большую шаль. Это продолжалось обычно до появления у нее первого ребенка. При этом следует отметить, что ношение яшмака обязывало молодых женщин говорить шепотом не только в присутствии посторонних, но и мужа. Если молодой женщине было необходимо что-нибудь сказать кому-либо из старших в семье (свекрови, старшей снохе мужа и др.), то это нужно было передать только через посредников — младших членов семьи или своих детей. Таким образом, связь между молодухой и свекровью и другими старшими родными мужа держалась только через посредников[3].

Приданое

Когда девушка выходила замуж, она приносила с собой приданое, называемое иомутами «сеп». Приданое невесты поступало в распоряжение семьи мужа. Как правило, молодая иомутка (как и у других туркмен)

[1] Об этом обычае подробно см.: Д. Г. Иомудская-Бурунова. Женщина в старой Туркмении, стр. 29—30.

[2] Г. И. Карпов. Н. В. Брюллова-Шаскольская. Пережитки древних форм брака у туркмен, стр. 101—102.

[3] Д. Г. Иомудская-Бурунова. Женщина в старой Туркмении, стр. 30—31.

привозила с собой приданое, когда возвращалась из отцовского дома к мужу на постоянное жительство. Приданое состояло из одежды, наряда, ковров, чувалов и других предметов убранства юрты и хозяйственного обихода[1]. Приданое приготовлялось руками самой невесты, но иногда ей, особенно когда она сама не успевала, в этом помогали близкие родственницы, подруги и т. д. По обычаю, возвращаться молодой в дом мужа без приданого было недопустимо, это считалось позором для ее родителей, так как бесприданницу могли засмеять подруги и новая родня по мужу[2]. Это же свидетельствовало бы о неумении невесты ткать, вышивать и так далее и о бедности ее родителей. Бывали случаи, когда у невесты (особенно из бедных семей) своего приданого было мало; тогда она временно привозила чужие вещи, а затем возвращала их обратно. Молодая приносила в качестве приданого в первую очередь по два ковровых или паласовых чувала, артмак и сумки для хранения различного рода домашних вещей, один или два ковра, паласы, кошмы, теплое одеяло и тому подобное, а также кухонную утварь (деревянные чашки, миски, ложки, чайники, пиалы и т. д.). Молодая привозила также нарядные шелковые рубашки, вышитые штаны, халаты, шелковые и шерстяные шали, покрывала и другие предметы женского туалета. Молодая по установившейся у туркмен традиции преподносила мужу, его родителям и остальным членам семьи, а иногда и некоторым старшим родным мужа подарок: свекру — халат (гейим) или вышитую тюбетейку, свекрови — чаще всего вышитые штаны или головной платок — покрывало. Всем остальным мужчинам, включая и детей, — по вышитой тюбетейке, а женщинам — вышитые штаны или что-либо другое. Младшие сестры мужа получали также подарки — по вышитой тюбетейке. Своему мужу молодая дарила

[1] К. К. Боде. Очерки Туркменской земли..., стр. 114; Д. Г. Иомудская-Бурунова. Женщина в старой Туркмении, стр. 39; А. С. Морозова. Труд туркменки (влияние быта на направление женского труда в Туркмении). «Туркменоведение», 1929, № 6—7, стр. 22.

[2] А. С. Морозова. Труд туркменки..., стр. 22; Д. Г. Иомудская-Бурунова. Женщина в старой Туркмении, стр. 39—40.

обычно нарядную вышитую тюбетейку, вышитый мешочек для табака и т. п.

Количество приданого и подарков, привозимых молодой в дом мужа, зависело прежде всего от состояния ее родителей.

В богатых и знатных семьях молодой давали в качестве приданого в основном ковровые изделия (чувалы, артмаки и сумки), тогда как в качестве приданого невесты из менее состоятельных семей получали главным образом паласы и паласные изделия и другие недорогие вещи. Богатые невесты получали от родителей большой запас белья из шелковых и шерстяных тканей и дарили ценные подарки большинству членов семьи мужа и его родне. Если отец невесты был состоятельным человеком, он дарил дочери при ее уходе помимо перечисленных выше предметов приданого еще одну верблюдицу для доения и перевозки юрты во время кочевок (минт). Иногда отец давал также замужней дочери «инжи» (подарок)[1] — маленькую верблюдицу. Согласно обычаю, скотом, подаренным отцом, и доходами, получаемыми в результате его размножения, владела и распоряжалась молодая. В день возвращения молодой в дом мужа на постоянное жительство и в последующие дни приданое, привезенное ею, выставляли напоказ: чувалы и сумки вешали на стене кибитки, а все остальные вещи держали в этой же юрте. Все присутствующие при приезде молодой односельчане, заходившие в дом жениха, поздравляли молодую с возвращением, затем осматривали и оценивали вещи[2]. О богатом приданом долго ходили разговоры по аулу.

Богатое приданое, несмотря на более высокий калым за девушек из зажиточных семей, соблазняло многих людей искать сыновьям богатую невесту. Но и родители девушки в свою очередь искали своей дочери богатого жениха и не хотели отдавать ее за бедняка, не считаясь при этом с ее чувствами.

Институт приданого, как и калыма, скорее всего явление экономического характера. По мнению Г. И. Карпова и некоторых других этнографов, приданое представляло собой своего рода возмещение калыма, выплаченного родителям невесты[1].

Н. А. Кисляков рассматривает калым и приданое как два совершенно различные института, которые появились и получили свое развитие в разное время. По этому поводу он пишет следующее: «...приданое в своем развитом виде выступает стадиально значительно позже, уже тогда, когда калым отмирает. Появление приданого возможно лишь с появлением института наследства, оно призвано обеспечить хозяйство молодой пары, хозяйство новой малой семьи»[2].

Характерным отличием приданого от калыма является то, что оно выплачивалось отцом невесты и полностью переходило в пользу новой малой семьи, состоящей вначале из молодых супругов и их детей. По туркменскому обычаю, приданое невесты, как и инджи и другие личные подарки, полученные от родни, составляли личную собственность невесты, которой она могла сама распоряжаться по своему усмотрению до конца своей жизни. Даже муж по адату не имел права распоряжаться приданым своей жены без ее разрешения.

Рождение и воспитание детей

Дети в туркменской семье пользовались большим вниманием, особенно в малолетнем возрасте. Туркмены имели обычно много детей. Так, судя по данным подворных карточек 1917 г., в большинстве семей номутов Прибалханья было в среднем пять-шесть детей, а в некоторых семьях число детей доходило до 8—10. Например, в ауле Обой в семье Сеидмурада Каратаева было 17 человек, из них детей 11: собственных шесть (три сына и три дочери), два племянника, две племянницы и один внук. Бердымурад Моллаев имел семью в десять человек, из них восемь детей (четверо сыновей и четыре дочери). Семья Халмурад Мергена насчитывала 12 человек, из них шесть детей (три пле-

[1] По обычаю, «инжи» давали главным образом малолетним сыновьям, а иногда и дочерям — маленького ягненка, козленка, верблюдицу и т. п.

[2] А. С. Морозова. Труд туркменки.., стр. 22.

[1] Г. И. Карпов. Н. В. Брюллова-Шаскольская. Пережитки древних форм брака у туркмен, стр. 102.

[2] Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков. «КСИЭ», вып. 17, 1952, стр. 77.

мянника и три племянницы)[1]. В ауле Узун-Су было два хозяйства, имевшие по восемь детей, два — по шесть детей, шесть — по пять детей, пять — по четыре ребенка, шесть — по три ребенка и четыре — по два ребенка. В ауле Узун-Су была только одна бездетная семья[2]. Что касается других аулов, расположенных в Прибалханье, то и там была такая же картина. Туркмены предпочитали иметь много сыновей. Многодетность считалась у них счастьем, богатством (дөвлет) в семье. Об этом народ слагал даже песни. Так, в одной из туркменских песен под названием «Йигиде» поется так:

Огулдыр дөвлетиң башы,
Гыз хем болса гөвүн хошы,
. . . . . .
Зурят герекдир йигиде...

(Сын является началом (основой) богатства, дочка же — приличие души... Но главное — дети нужны джигиту).

Иомуты, как и все туркмены, смотрели на сына как на наследника и будущую опору семьи. К. К. Боде рассказывает: «Один пограничный персидский начальник сделал набег на землю ямуд (иомутов. — *А. О.*) — туркменцев, чтобы наказать их за хищничество, и полонил жену, дочь и внука одного из старшин. Сын этого старшины, отец похищенного мальчика, отыскал погонщика, принадлежавшего персидскому хану и захваченного туркменцами, выкупил его и отвел к прежнему господину. Персиянин позволил ему выбрать взамен одного из трех пленников. Ямуд, не задумавшись, схватил своего маленького сына и ускакал, оставив мать и сестру в неволе»[3].

Как считали туркмены, сын всегда приносил семье пользу: он с малых лет помогал по хозяйству — в пастьбе скота, стрижке и тому подобном, тогда как дочь считалась чужой, временной гостьей в семье; по достижении совершеннолетия она уходила в чужой дом. Дочь помогала матери по хозяйству только до совершеннолетия. После этого она сидела дома до самого замужества и готовила себе приданое: ткала ковры, паласы, пряла шерсть и т. д. Все это нашло свое отражение в обрядах и обычаях, связанных с рождением и воспитанием ребенка[1]. Рождение ребенка, в особенности сына, всегда отмечалось как большой праздник в семье, сопровождавшийся угощением. Празднество продолжалось несколько дней. Вся родня, родственники и односельчане спешили поздравить родителей новорожденного. В честь новорожденного мулла читал молитву «азан». Когда рождалась дочь, за исключением редких случаев, этого не делалось[2].

Роды проходили в крайне тяжелых домашних условиях, без медицинской помощи и соблюдения гигиенических правил, в результате чего нередко бывали смертельные случаи. Принимали роды старухи по правилам традиционной народной медицины и знахарства. Пупок у новорожденного обрезала повитуха (гөбек эне) ножом, за что получала подарок (аклык) от родителей ребенка. Повитуха особенно щедро вознаграждалась, когда рождался сын.

Имя новорожденному давал обычно глава семьи (аксакал) или отец ребенка с участием всех остальных родных, включая и женщин в качестве советчиц. У иомутов, как и у других туркмен, наречение ребенка не сопровождалось церемониями. Часто ему давалось имя кого-либо из покойных родных (отца, матери, братьев, сестер, дедушек, бабушек и т. д.). Но ни в коем случае нельзя было давать новорожденному имя живущих и здравствующих родных, что считалось неприличным. В большинстве случаев имена иомутов как мужские, так и женские, были связаны с названием дня (анна или джума — пятница), месяца рождения ребенка (например, Ашыр, Гурбан, Ораз, Реджеп и

[1] ЦГА ТССР, ф. 127, оп. 5, д. 311, л. 1—4.
[2] Там же, д. 245, л. 1—26.
[3] К. К. Боде. Очерки Туркменской земли..., стр. 23.

[1] Подробное описание этих обрядов и обычаев у иомутов см.: Д. Г. Иомудская-Бурунова. Женщина в старой Туркмении, стр. 9—17; Ш. Аннаклычев. Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага..., стр. 109—116.

[2] Жизнь туркменской девушки с момента рождения до выхода замуж, период после замужества и отношение к ней в семье описываются до мельчайших подробностей в художественном произведении туркменского писателя Б. Кербабаева «Гызлар дүнйәси» («Девичий мир»). Собр.соч., т. 1 (на туркменском языке). Ашхабад, 1958, стр. 15—43.

т. д.) или с прибавлением к ним собственных имен людей (Анна+Мамед, Джума+Дурды, Ашыр+Мамед или Ашыр+Мырад, Гурбан+Мамед, Ораз+Таган — мужские; Анна+Биби, Гурбан+Биби — женские). В качестве собственных имен у туркмен использовались также названия времен года — яз, бахар (например, Яз+Гелди, Бахар+Гелди — пришла весна); названия различных явлений природы в момент рождения ребенка (восход солнца, луны, выпадение снега и т. п.): Гун+Догды — взошло солнце, Ай+Догды — всходила луна и т. д. Кроме того, детям давали имена по названиям различных растений (например, Гандым, Сазак, Черкез и т. п.), животных (Огшук — годовалый верблюд, Тана+Гурбан, тана — теленок), птиц (Сулгун, Билбил — женские имена), а также местностей, колодцев (Гарабай и др.). Некоторые имена обозначали порядковый номер рождения ребенка: Чары (мужское имя) — четвертый, Бяшим (мужское имя) — пятый, Алты (мужское и женское имя) — шестой и т. д. Характерной особенностью иомутских имен, в отличие от других туркмен, в частности от текинцев, являлось то, что у них широко распространено мужское имя Мухаммед, чаще всего в сокращенной форме Мамед. Оно в большинстве случаев являлось второй частью сложного имени, изредка первой (Анна+Мамед, Гурбан + Мамед, Араз+Мамед или Оразмед, Тач+Мамед и т. д.). У женщин распространено имя Биби (Анна+Биби, Аман+Биби, Айт+Биби, Гурбан+Биби, Таган+Биби, Тувак+Биби и т. д.). Среди иомутов было распространено имя Тувак обычно в сочетании с другими именами (Анна+Тувак и т. д.), у текинцев же это имя дается девочкам. Аналогичное явление наблюдается и среди женских имен у иомутов. Так, имя Таган отдельно и в соединении с другими именами (Таган+Биби и др.) в Прибалханье женское, а у других туркмен, в частности у текинцев, — мужское.

За детьми ухаживала мать. Отец в присутствии посторонних людей даже не притрагивался к своему ребенку, не говоря уже о том, чтобы нянчить его. Мужчине считалось постыдным нянчить ребенка, особенно первенца и тем более девочку. До школьного возраста детей воспитывали обычно дома. Когда им исполнялось семь лет, их отдавали в духовную школу (мектеп).

Ребенка в первые два-три года жизни держали в специальной матерчатой люльке (салланчак), устраиваемой в женской, а иногда в мужской половине юрты. На сороковой день после рождения совершали над ним обряд «кырк чиле» (сорок чиле) или «кырк чиледен чыкармак» (выход из сорока чиле). Обряд этот совершался так: сначала ребенка купали, добавляя в воду немного соли, затем маленькие девочки лет пяти — десяти и мальчики несли его на руках и обходили все юрты соседей, чтобы показать им. Соседи одаривали их сладостями, деньгами и тому подобным, которые затем делились между детьми. Обряд «чиле» у туркмен представляет собой особого рода разрешение от запрета: различалось «еди чиле» (семь чиле) и «кырк чиле». По обычаю, до совершения обряда «кырк чиле» ребенка никуда нельзя было выносить из дома, так как период «чиле» для ребенка считался, по поверьям, самым опасным — ему грозили злые духи, могущие принести вред. С обрядом «чиле» были связаны различного рода запреты, которые должны были строго соблюдаться[1].

Когда у ребенка появлялись первые зубы, совершали другой обряд «диш той» (праздник зуба), имевший якобы целью укрепить зубы у ребенка. Для этого ребенка сажали посредине юрты и на его голову сыпали жареную кукурузу (патрак), пшеницу (гавурга) или сладости (сахар, конфеты, пишме и т. п.). Сладости подбирали дети и женщины, присутствовавшие на церемонии.

Годовщина рождения ребенка отмечалась праздником «гулпак той», устраиваемым в честь стрижки первых волос — «чиле сач» (слово «чиле» означает запрет). Первый раз ребенка стригли наголо независимо от пола. Стричь ребенка должен был дядя (дайы) или кто-либо из родственников-мужчин по линии матери. За это он получал подарки от родителей ребенка. По окончании стрижки через голову ребенка бросали сладости (конфеты, пишме и т. п.). Причину поздней стрижки первых волос ребенка у туркмен можно объ-

[1] См.: Ш. Аннаклычев. Рождение и воспитание детей у туркмен-иомутов в прошлом. «Изв. АН ТССР», 1958, № 1, стр. 82.

яснить тем, что голову брили как детям, так и взрослым грубой и тупой опасной бритвой (пэки). Поэтому ранняя стрижка волос у младенцев, у которых голова еще не совсем окрепла, могла ему повредить.

При второй стрижке головы у девочки обязательно оставляли пучки волос «гулпак» (косички) по одной с каждой стороны головы, «чокул» на шее и над лбом «галпак» или «манлай сач». Косички соединялись потом с отрастающими волосами. У иомутов в XIX в. практиковался обычай оставлять пучки волос, называемые «гулпак», и у мальчиков (рис. 6). У них оставляли обычно по две пряди, с каждой стороны головы по одной, которые спускались из-за ушей. Эти пряди у иомутов составляли необходимую часть прически мальчиков и молодых людей. Мальчик носил «гулпак» до совершеннолетия, а иногда и в первые годы после женитьбы, обычно до 15—17 лет[1]. Молодые люди ухаживали за своими волосами, смазывали их мазью для блеска. Обрезание их у молодых людей сопровождалось всегда праздничным угощением (садака). По описанию А. Вамбери, в середине XIX в. молодые люди у иомутов носили длинные пряди, спускавшиеся гораздо ниже плеч, что придавало молодому всаднику красивый вид. Юноши немало гордились ими и носили их и в первый год после вступления в брак спрятанными под шапку, а затем по истечении года их обрезали[2].

В некоторых случаях в виде исключения у мальчиков вместо двух оставляли на макушке, ближе к затылку, одну так называемую «кекил». «Кекил» отличалась от «гулпак» тем, что ее оставляли, как правило, при первой стрижке «чиле сач» в тех случаях, если у родителей был единственный сын или часто умирали дети. У туркмен существовало по этому поводу поверье, что «кекил», оставляемый от «чиле сач», оберегал ребенка от сглаза, злых духов и даже смерти. С этой же целью оставляли иногда «гулпак» и «кекил» при первой стрижке «чиле сач» и другие туркмены, в частности текинцы. «Кекил» у мальчиков отрезали обычно раньше, чем «гулпак», — по достижении пяти —

[1] Ш. Аннаклычев. Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага..., стр. 115.

[2] А. Вамбери. Очерки Средней Азии. М., 1868, стр. 282.

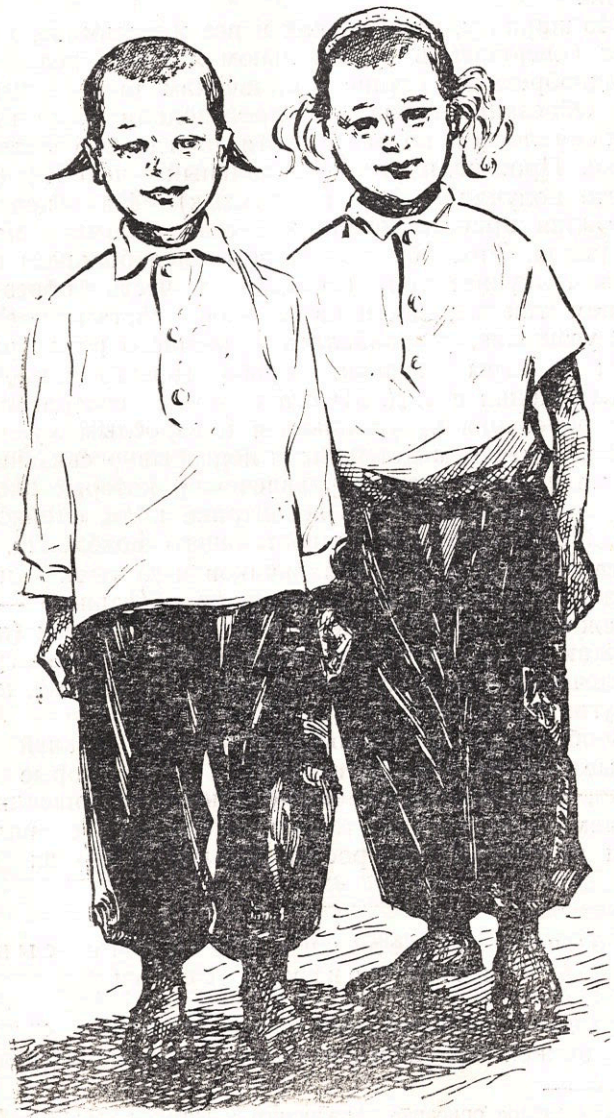

Рис. 6. Мальчики с косичками «гулпак».

семи лет, изредка в десяти-двенадцатилетнем возрасте. При стрижке «кекил» также всегда устраивалось угощение.

По шариату, иомуты, как и все мусульмане, должны были совершать в обязательном порядке религиозный обряд обрезания (сүннет) мальчикам до совершеннолетия. Обрезание мальчикам производили чаще всего в пяти-семилетнем возрасте, хотя иногда это делали и позже. Производил его специальный человек (уста), за что получал подарки (аклык). На церемонии обрезания присутствовали родители мальчика и близкая родня. Этот обряд сопровождался большим праздненством «сүннет той» (праздник в честь обрезания). На нем так же, как и на свадьбе, гостям предлагалось угощение, устраивались различного рода развлечения и игры (скачки, борьба гөреш и т. п.), пели певцы бахши и т. д. Мальчик после совершения обряда обрезания приравнивался к взрослым мужчинам.

С воспитанием детей были неразрывно связаны различные детские игры и развлечения, которые оказывали большое влияние на воспитание воли, стойкости и твердости характера подрастающего поколения. Существовали общие для мальчиков и девочек игры и отдельные игры для мальчиков («ашык» — кости, «ок-яй» — лук и стрела и т. п.) и девочек (игра в гурджак — куклу и т. д.)[1] Основные детские игры и развлечения у иомутов были почти такими же, как и у других туркмен.

Вообще же за исключением мелких деталей описанные обычаи, обряды, праздники и некоторые пережитки, связанные с семейно-брачными отношениями у изучаемой группы иомутов, были схожими с аналогичными явлениями, распространенными у других туркмен.

Обычай выделения женатого сына из отцовской семьи

Согласно обычаю, отец при выделении женатого сына должен был поставить ему в первую очередь но-

[1] Подробное описание детских игр у иомутов см.: Ш. Аннаклычев. Рождение и воспитание детей..., стр. 84—86.

вую юрту (ак өй). Кроме того, по мере возможности он выделял сыну определенную долю из своего имущества (овец, верблюдов, лошадей и т. д.)[1]. Молодым супругам давали также самые необходимые предметы домашнего и хозяйственного обихода: убранство юрты (ковры, паласы, кошмы и т. п.), постельные принадлежности (одеяла, матрацы и подушки), кухонную и хозяйственную утварь (котел, кумган, чашки, миски, ложки, чайники, пиалы и т. п.). Молодые получали от родителей подарки в виде нарядной одежды: шелковый халат — сыну, рубаху-платье, покрывало для головного убора — невестке и другие вещи; иногда отец дарил сыну и коня. Все это делалось для того, чтобы молодая чета могла вести самостоятельно свое хозяйство. Однако, по словам К. К. Боде, женатый сын и после выделения из отцовской семьи еще около полугода находился под опекой своего отца. Отец продолжал содержать молодых. Затем молодой человек становился главой самостоятельного хозяйства[2]. У иомутов, как и других туркмен, женатому сыну выделяли отдельную юрту после женитьбы следующего сына, младшего. Как правило, выделение старшего женатого сына происходило после возвращения из кайтармы жены младшего сына. Но этот порядок не всегда соблюдался туркменами. Иногда бывали случаи более раннего выделения молодых супругов в самостоятельную семью, если отец мужа был состоятельным человеком и имел возможность установить молодым отдельную юрту или когда в семье отца было много других членов, а также в том случае, когда молодые супруги, в особенности жена, не угождали чем-нибудь родителям мужа и остальным членам семьи и не слушали их и, наконец, тогда, когда у молодых рождался первый ребенок. По обычаю, выделялись из хозяйства отца все сыновья за исключением самого младшего. Последний должен был жить вместе с родителями и содержать их.

На церемонии выделения женатого сына присутствовали сами молодые супруги, их родители и уважаемые старики аула. Отец и мать супруга перечисляли, что

[1] К. К. Боде. Очерки Туркменской земли..., стр. 114.
[2] Там же.

они дают молодым. Если сына не удовлетворяло то, что дает ему отец из своего имущества, он мог протестовать. В таком случае вмешивались аксакалы и помогали отцу и сыну договориться без скандала. Затем присутствующие желали молодым счастья и жизни в достатке и мире. Отличительной особенностью описываемого обычая у скотоводов Прибалханья от туркмен-земледельцев было то, что у первых женатый сын получал долю от отцовского имущества только в виде скота, тогда как у земледельцев отец выделял молодому супругу также долю надела земли и пая воды из своего мюлька. Там, где система землеводопользования была общинная (санашиковая), женатый человек получал со времени вступления в брак право на получение надела земли и пай воды из общественного фонда. У иомутов не существовало определенных правил и норм деления имущества отца при выделении женатого сына. По рассказам информаторов, богатые семьи выделяли сыну в среднем от 5 до 10 верблюдов для перевозки домашнего имущества во время кочевок и от 50 до 100 баранов для заведения самостоятельного хозяйства, менее состоятельные — до 5 верблюдов и по 20—30 баранов. Обычно иомуты старались выделить сыну из своего имущества побольше, чтобы их считали добрыми и богатыми людьми. Молодой хозяин, как правило, в первое время после получения самостоятельности пас свой скот вместе со скотом отца в одном стаде.

Право наследования

По обычаю туркмен, в случае смерти главы семьи (отца) все его движимое и недвижимое имущество делилось между членами семьи. Этот обычай назывался «ата малыны халал этмек», что означает «очищение имущества отца». Право на наследство имели все члены семьи умершего и его родственники по отцовской линии. Но основными наследниками имущества всегда являлись сыновья покойного. Незаконнорожденные дети от наложниц (гырнак) считались полноправными детьми и имели одинаковые права на

наследство наравне с детьми от законного брака[1]. Наследственные права туркменских женщин ограничивались. Раздел наследства умершего проводился по мусульманскому праву представителем духовенства (муллой, ахуном) с участием почтенных стариков (аксакалов) аула и наследников. Имущество покойного разделялось так: духовное лицо — ахун вместе с аксакалами оценивали по средней цене все имущество умершего (скот, юрту, домашнее имущество и т. п.) и высчитывали общую сумму его стоимости. Одна десятая часть всего имущества или стоимость этой части полагалась ахуну за раздел имущества. По словам некоторых информаторов, ахун чаще всего не брал свою долю, а отдавал ее частично или полностью сиротам, беднякам или на поминки (аш, садака) покойника. Затем из оставшейся части общей суммы наследства выделяли средства на поминки умершего, на уплату его долгов и т. д. Кстати, что касается должников покойного, то его наследники не имели права по шариату взыскивать с них долги. Если должники добровольно возвращали долг, то средства от этого включались в общую сумму наследства. Из общей суммы наследства неженатым сыновьям покойного выделяли по десять голов овец дополнительно к их доле для женитьбы. Все остальное наследство делили затем поровну между наследниками. При этом, по обычаю, сыновьям полагалось по одному паю, а дочерям — по половине пая. Однако важно отметить, что у иомутов девушки и замужние женщины свою долю наследства не всегда брали себе, а отдавали ее младшим неженатым или старшим женатым братьям. Увозить свою долю наследства отца или приданое матери в чужой дом считалось неприличным, особенно если девушка выходила замуж за человека из другого племенного подразделения. Что касается жены умершего, то ее наследственные права были ограничены рядом условий. Формально по шариату вдова получала наследство наравне с сыновьями. Это называлось — плата за брак (ника хакы). Если у покойного было несколько жен (не более четырех), то им делили поров-

[1] М. Н Галкин. Этнографические и исторические материалы..., стр. 33.

ну долю из наследства мужа, положенную одной жене. По данным Д. Г. Иомудской-Буруновой, бездетная вдова после смерти мужа получала, помимо своего приданого, одну четвертую часть имущества покойного мужа, а если она имела детей, то одну восьмую часть его[1]. В случае, когда у покойника не было детей, то все его имущество переходило жене без совершения обряда «халал». Но все это касалось только случая, когда вдова оставалась жить в доме покойного мужа и отказывалась выйти второй раз замуж за постороннего человека. При этом вдова должна была усыновить одного из племянников мужа и сделать его наследником, которому и передавала по достижении им совершеннолетия унаследованное имущество. Вдова имела право получить наследство мужа целиком и тогда, когда она выходила замуж за одного из братьев покойного мужа. Если бездетная вдова после смерти мужа уходила к своим родным, то она теряла право на наследство и могла взять с собой только свое приданое.

При разделе наследства умершего юрта доставалась, как правило, младшему неженатому сыну, так как он являлся продолжателем хозяйства отца. В том случае, если у покойника не было детей и бездетная вдова уходила в родительский дом, юрта переходила отцу умершего или кому-либо из его братьев.

Приданое женщины после ее смерти переходило к детям. В случае отсутствия у нее детей приданое делилось между ее мужем и родителями. Муж получал половину ее имущества, а другая половина передавалась ее родителям[2]. Раздел имущества умершей производился так: приданое и личные вещи оценивались по средней цене, как это делалось при разделе наследства. Затем из общей суммы выделяли средства на устройство поминок по умершей, а все остальные делились на две равные части: одну из них получал ее муж (плата за брак), а вторую отдавали ее родителям или опекунам.

---

[1] Д. Г. Иомудская-Бурунова. Женщина в старой Туркмении, стр. 54.

[2] Там же.

Родственные отношения и терминология родства

У прибалханских туркмен-иомутов, как и у других туркмен, в XIX в. родственным связям придавалось большое значение. Между родственными семьями и группами у иомутов как в одном, так и в разных аулах существовала постоянная зависимость (взаимосвязь) и оказывалась взаимная помощь в хозяйстве и семейном быту. Родственники помогали друг другу при перекочевках, пастьбе скота, водопое, стрижке и дойке, при рытье и ремонте колодцев, при перевозке хлеба из Хивы и из других мест, а также при выполнении различных хозяйственных работ: обработке земли, кошмовалянии, тканье килимов и ковров и т. п.

Особенно заметно проявлялись родственные связи в семейном быту, в частности, при проведении различного рода праздничных торжеств: по случаю свадьбы, рождения сына, «сүннет той», а также в поминках (садака), похоронах и ряде других массовых мероприятий. В этих случаях родственники, включая и дальних, живущих в других аулах, принимали в обрядах живое участие, помогали сородичам в материальном (натурой или деньгами) и моральном отношениях.

Родство считалось по отцовской и материнской линии. Но у всех туркмен, в том числе и у иомутов, предпочиталось все же родство по отцовской линии. Родственники по линии отца считались близкими родными.

Девушка при выходе замуж за очень редким исключением уходила из отцовского дома в дом мужа. После смерти мужа вдова по обычаю опять переходила под опеку отца или опекунов, а дети ее всегда оставались у родных мужа. Кроме того, адатом право мести предоставлялось только родственникам по отцовской линии. Но считались и с родственниками по материнской линии. Так, например, по бытовавшему у иомутов обычаю стрижки первых волос (чиле сач) у детей, требовалось, чтобы это производилось дядей (дайы) или кем-либо из родственников-мужчин по линии матери. Родственницы по материнской линии принимали участие в брачных обрядах, таких как сопровождение невесты снохой (женой брата) в дом жениха в день свадьбы и обратно; обязательно участвовали в выполнении неко-

торых церемоний: в бракосочетании, надевании невестой женского головного убора и др. Однако со стороны родственников матери в других семейно-брачных обрядах участвовали преимущественно мужчины.

Родственники по линии матери, а также члены породнившихся семей называли друг друга «гудо» (сват). Члены породнившихся семей навещали друг друга в дни праздников, поминок, при похоронах и оказывали посильную материальную помощь, а также помогали друг другу в хозяйстве и при выполнении различных хозяйственных работ.

Терминология родства у прибалханских иомутов в основном общетуркменская. Исключение составляют только названия отдельных видов родства. Например, иомуты, как и некоторые другие туркмены, называли своего отца дэде (дэде, у текинцев — кака). Дети называли своих старших братьев, братьев отца и двоюродных и троюродных братьев—дэде, прибавляя слово дэде к их именам (например, Непес-дэде, Аннатувак-дэде и т. п.). Старших сестер, сестер отца и двоюродных и троюродных сестер называли «эжеке» или же прибавляли это слово к их именам (например, Тувакбиби-эджеке, Солтан-эджеке и т. д.). Что касается родных по возрасту моложе себя — братьев и сестер, то их называли «баллы», а у текинцев — «жиги»; младших братьев и сестер отца, двоюродных и троюродных братьев и так далее называли просто по имени или же «баллы». При наличии в семье нескольких жен дети младших жён называли старшую жену отца «гарры эже» (старая мать), а свою родную мать — «гелнеже» (невестка-мать), у текинцев же гелин эдже называли только невесток, то есть жен своих старших братьев, братьев отца, двоюродных и троюродных братьев и т. д.

Кровная месть

В XIX в. в Прибалханье еще сохранялся обычай кровной мести, распространенный в других областях Средней Азии и соседних странах. Кровная месть допускалась мусульманской религией (исламом)[1]. Об этом свидетельствует тот факт, что спорные вопросы,

[1] А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии..., стр. 92.

возникавшие из-за убийств, а также судебные дела в отношении возмездия за убийство, определение размера выкупа-платы за кровь убитого (хун) и так далее разбирались мусульманским судьей (казы) при участии аульных старшин (яшулы) и почетных стариков (аксакалов)[1].

По обычаю кровной мести, в случае убийства близкие родственники и сородичи убитого должны были отомстить убийце или его родственникам, «возместить кровь убитого». У иомутов-скотоводов описываемый обычай соблюдался строго. Согласно адату и шариату, право мести (ган дүшер) за убийство предоставлялось родственникам убитого до седьмого колена, но только по отцовской линии. В свою очередь месть за убийство распространялась на членов рода убийцы также до седьмого колена по отцовской линии. Но основными мстителями являлись обычно сыновья и братья убитого и другие ближайшие родственники. У туркмен-иомутов при совершении убийства (нечаянно или умышленно) почетные старики и аульные старшины при участии судьи (казы) прежде всего пытались помирить враждующие стороны. Убийство, совершенное из-за кровной мести, могло разрастись в племенную вражду и привести к вооруженным столкновениям между тире. Члены тире, называвшие друг друга «гарындаш» и связанные узами кровного родства, были обязаны кровно мстить друг за друга[2]. В том случае, если стороны соглашались помириться, семья или родственники убийцы должны были возместить кровь убитого выкупом определенной суммы — «хун» (плата за кровь)[3] в установленном обычаем размере. Однако о размере платы у иомутов информаторы ничего не сообщают. По данным М. Н. Галкина, плата «хун» полагалась в размере 1 000 тилл (в переводе на русские деньги 500 рублей серебром). Выкуп уплачивался также за причиненные увечья. Например, за отсечение обеих рук или ног выплачивалось столько же, сколько за убийство, а за

[1] К. К. Боде. Очерки Туркменской земли..., стр. 109; М. Н. Галкин. Этнографические и исторические материалы..., стр. 32.

[2] Н. В. Брюллова-Шаскольская. Пережитки древних форм брака у туркмен, стр. 204.

[3] К. К. Боде. Очерки Туркменской земли..., стр. 109.

повреждение одного из этих членов—500 тилл[1]. Согласно некоторым данным, размер выкупа за убийство мужчины и женщины не был одинаковым. Так, по данным И. Ибрагимова, размер платы «хун» за убийство мужчины равнялся 1 000 тилл, а за убийство женщины — 500 тилл. Если выкуп выплачивался скотом, то за мужчину полагалось 100 верблюдов или лошадей, а за женщину — 50[2].

Убийства происходили по самым различным причинам: в результате ссор, драк, мести и тому подобное, но чаще всего на почве ревности и измены. При этом, если убийство совершалось в качестве мести, то убийца не привлекался ни к какой ответственности по обычному праву и шариату.

Согласно туркменскому обычаю, муж, убивший свою жену за измену, освобождался от платы за убийство. Так же было и в случае убийства любовника жены. Однако, по словам И. Ибрагимова, муж освобождался от ответственности за убийство жены и ее любовника и платы за «хун» только в том случае, если он заставал их на месте преступления; в противном случае он должен был нести ответственность за убийство[3]. Мстили обычно только в тех случаях, когда родственники убитого отказывались помириться и получить плату «хун». При этом мстили, как правило, самому убийце, а при отсутствии его — кому-либо из ближайших родственников. Когда совершался акт мщения, туркмены обычно говорили: мщу за кровь того-то. Иногда указывалась и степень родства с убитым (например, за отца, брата и т. д.).

Необходимо отметить, что обычай кровной мести сохранялся главным образом в семьях зажиточных скотоводов. Они отказывались обычно получать выкуп за убийство, предпочитая месть, так как эти состоятельные семьи не нуждались в выкупе. Кроме того, семьи бедняков и не в состоянии были внести выкуп. Бедняки же — родственники убитого — довольствовались обычно получением выкупа за убийство.

[1] М. Н. Галкин. Этнографические и исторические материалы..., стр. 32—33.

[2] И. Ибрагимов. Некоторые заметки о хивинских туркменах..., стр. 152.

[3] Там же, стр. 151—152.

Вражда между тире на почве кровной мести не всегда заканчивалась убийством. Бывали случаи, когда родственники из тире убийцы начинали мстить тому, кто совершал убийство в качестве законной мести. Другая сторона также начинала мстить, и, таким образом, вражда между тире разрасталась.

У иомутов Прибалханья, как и у других туркмен, принято было мстить сразу же после совершения убийства. Для этого родственники убитого немедленно отправлялись преследовать преступника. Убийца уходил обычно вместе со своей семьей, а иногда и со всеми родственниками в другой аул, где останавливался у родственников или у какого-либо авторитетного в ауле человека. Тот, согласно обычаю, должен был защитить беглеца от преследования мстителей, а также выступать в качестве посредника во время переговоров. В случае необходимости весь аул выступал на защиту беглеца. Если беглеца-убийцу (ганлы) настигали, то его убивали. Убийца был вынужден скрываться и жить в страхе, пока дело об убийстве не заканчивалось примирением. В качестве примера можно привести сообщение А. Вамбери. Во время своего путешествия он встретил в пустыне обросшего и одетого в шкуру газели человека, который скрывался от кровной мести[1].

Как сообщают информаторы, такая месть могла настигнуть в любое время даже спустя много лет.

Кровная месть в прошлом приносила большие страдания и много горя туркменскому народу, в особенности семьям бедняков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования установлено, что прибалханские туркмены в конце XIX — начале XX в. являлись одной из составных частей туркменского народа. В наши дни туркменский народ представляет собой единую социалистическую нацию. Советский Туркменистан — в прошлом одна из отсталых колоний царской России — превратился из аграрной страны в высокоразвитую индустриально-колхозную республику с развитой промышленностью. Ведущее место в ней зани-

[1] А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии, стр. 92.

мают такие отрасли промышленности, как нефтяная, химическая и горнодобывающая, которые размещаются в основном в Западном Туркменистане — крае с большим будущим и широкими возможностями. Много рабочих и инженерно-технических кадров, работающих ныне в нефтяной и других отраслях промышленности, вышли из числа местной коренной национальности. Больших успехов за годы Советской власти добились животноводы колхозов и совхозов Западной Туркмении.

В настоящее время туркменский народ, вдохновленный решениями исторического XXIV съезда КПСС, трудится вместе со всеми в большой семье народов Советского Союза и борется за успешное выполнение задач новой пятилетки. Он бурно развивает свою экономику и культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию, чтобы внести достойный вклад в общенародное дело построения коммунизма в нашей стране.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Глава I. Формирование этнического состава и расселение прибалханских туркмен в конце XIX—начале XX в.

История формирования туркменского населения Прибалханья в XVIII—XIX вв. 7

Этнический состав и расселение прибалханских туркмен в конце XIX—начале XX в. 19

Глава II. Хозяйство прибалханских туркмен в конце XIX—начале XX в. 42

Глава III. Семья и семейные отношения прибалханских туркмен в конце XIX — начале XX в. 80

Заключение 129